

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САРАТОВСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ»

На правах рукописи

Петренко Михаил Николаевич

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ ПРИНУЖДЕНИЕ:
ОСНОВАНИЯ И НРАВСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ
(ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)**

Специальность 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук, доцент

Суменков Сергей Юрьевич

Саратов – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	18
1.1. Государственная власть как детерминанта государственного принуждения.....	18
1.2. Государственное принуждение: понятие и сущность.....	61
ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЯ И НРАВСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ	93
2.1. Основания применения государственного принуждения	93
2.2. Нравственные пределы применения государственного принуждения.....	123
ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ НРАВСТВЕННЫХ ПРЕДЕЛОВ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ И ПУТИ ИХ ОПТИМИЗАЦИИ.....	158
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	179
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	182

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы диссертационного исследования. На всем протяжении общественного развития государственное принуждение вызывает интерес в качестве одного из важнейших и неотъемлемых элементов властной деятельности, вынужденного и объективно необходимого средства воздействия государства на социум. Его востребованность для должного обеспечения эффективного руководства обществом с одной стороны и продуцируемые имманентным ему вмешательством в сферу прав, свобод и законных интересов индивида делегитимационные риски – с другой, обусловили непреложную значимость освещения сущности и смысла государственного принуждения, а равно пределов его реализации.

Злободневность изучения оснований применения государственного принуждения детерминирована современными реалиями, в частности совершаемыми в отношении населения России террористическими актами и диверсиями, попытками вооруженного мятежа, а также различными проявлениями экстремизма и коррупции, диктующими неизбежность развития инструментов защиты как каждой отдельной личности, так и их объединений от всевозрастающих внутренних и внешних угроз. Нивелирование названных факторов, наряду с не утратившими своей опасности эпидемиологическими, техногенными, экологическими, пожарными и иными рисками, требует оправданного применения действенных ограничительных мер, одной из наиболее востребованных среди которых является государственное принуждение.

Присущая государственному принуждению интервенция в индивидуальные и коллективные интересы предопределяет проблему обоснованности применения такого принуждения и, самое главное, его пределов. Среди последних магистральную роль играют нравственные пределы, соблюдение которых не только обеспечивает защиту прав и свобод человека от несправедливого вмешательства, чем способствует укреплению легитимности государства, но и позволяет

надлежащим образом применять само государственное принуждение, исключая из него любое безнравственное воздействие. О недопустимости последнего и, напротив, необходимости соответствия деятельности органов государственной власти высоким нравственным идеалам, гуманизму, милосердию, справедливости, говорится в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей¹.

При этом установление и реализация нравственных пределов применения государственного принуждения вызывают множество трудностей, способных не только нейтрализовать достигнутые им положительные результаты, но и дискредитировать само право государства на его применение, что значительным образом ограничит возможность последнего противостоять наличествующим и возникающим вызовам, будет способствовать утрате доверия населения к нему. Изучение и разрешение насущных проблем правотворческого, правоприменительного и правоинтерпретационного характера, связанных с применением государственного принуждения, позволят усовершенствовать и фактически реализовать защитные меры от реальных и потенциальных опасностей, грозящих обществу и государству.

В названном контексте юридическая наука, в особенности общая теория права, нуждается в точном понимании сущности государственного принуждения, его дефинировании, обосновании как необходимости государственного принуждения, так и условий его применения, а также исследовании пределов государственного принуждения вообще и нравственных пределов в частности.

Изложенное позволяет обоснованно утверждать важность и своевременность научной разработки государственного принуждения, оснований и нравственных пределов его применения именно с общетеоретических позиций, что позволяет сделать вывод об актуальности избранной темы диссертации.

---

¹ См.: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977).

Степень научной разработанности темы. Государственное принуждение, его определение, свойства, признаки, основания и пределы применения всегда находились в зоне внимания представителей как философских, так и юридических, социологических, политологических, а также иных гуманитарных наук.

Первые попытки концептуального осмысления государственной власти и продуцируемого ей принуждения были предприняты в рамках политической философии такими мыслителями, как М. Вебер, Г. В. Ф. Гегель, Т. Гоббс, И. Кант, К. Маркс, Ф. Ницше, Т. Парсонс, М. Ротбард, И. Г. Фихте, Ф. В. Й. Шеллинг, А. Шопенгауэр и др. Свой существенный вклад в развитие представлений о государственном принуждении внесли такие отечественные философы, как А. А. Гусейнов, И. А. Ильин, С. В. Соловьева, И. В. Солонько и др.

С позиций политологии и социологии вопросы государственной власти и принуждения освещались А. Г. Аникевичем, М. К. Горшковым, С. Е. Каптеревым, В. В. Колотушей, В. Г. Ледяевым, И. М. Меликовым, А. Н. Строителевым, А. А. Федоровских, Ф. И. Шамхаловым и др.

В отечественной юридической науке государственное принуждение было рассмотрено С. С. Алексеевым, А. Д. Ардашкиным, Б. Т. Базылевым, М. И. Байтиным, В. В. Лазаревым, О. Э. Лейстом, С. В. Липенем, Н. В. Макарейко, И. А. Минникесом, Д. А. Липинским, Г. И. Миняшевой, В. В. Петренко, А. С. Пучниным, А. П. Роговым, Э. А. Сатиной, О. И. Цыбулевской и др.

Непосредственно пределам государственного принуждения, осуществляемого государственной властью, посвятили свои изыскания А. А. Воротников, Т. В. Милушева.

Особенности государственного принуждения в правовом государстве были подробно рассмотрены в кандидатской диссертации А. П. Рогова, в которой затронуты вопросы нравственных критериев пределов государственного принуждения¹. Указанная работа, безусловно, расширила представления о

---

¹ Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013.

государственном принуждении, однако при всех неоспоримых достоинствах объективно не могла выявить весь конгломерат имеющихся проблем вследствие концентрации авторского внимания на своеобразии государственного принуждения лишь через призму правового государства.

Несомненный вклад в исследование взаимосвязи права и нравственности внесла докторская диссертация О. И. Цыбулевской, освещающая нравственные основания современного российского права¹.

В отраслевых юридических науках государственное принуждение затрагивалось в трудах Д. Н. Бахраха, С. И. Вершининой, А. И. Каплунова, П. А. Лупинской, И. В. Максимова, И. Л. Петрухина, А. А. Тарасова, С. А. Шейфера.

В научной литературе при рассмотрении вопросов государственной власти и принуждения преимущественное внимание акцентировалось на их понятии, сущности, признаках и условиях их легитимного осуществления. При этом отдельных исследований системы пределов применения государственного принуждения в целом, а в особенности нравственного предела, на монографическом уровне не проводилось.

Объект диссертационного исследования: общественные отношения, которые возникают, изменяются и прекращаются в связи с применением государственного принуждения.

Предмет диссертационного исследования: государственная власть, обуславливающая возможность применения государственного принуждения, дефиниция, признаки и основания последнего, специфика нравственного предела применения государственного принуждения.

Цель диссертационного исследования состоит в разработке и формировании концептуальных начал теории о государственном принуждении как форме

---

¹ Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004.

реализации государственной власти, оснований и нравственных пределов его применения.

Задачи диссертационного исследования:

- установить базовые признаки и предложить авторское определение государственной власти;
- дифференцировать государственное принуждение как метод и как форму реализации государственной власти;
- выявить характеристики государственного принуждения как формы реализации государственной власти и представить его дефиницию;
- осветить формы правореализации, используемые при осуществлении государственного принуждения;
- рассмотреть основания применения государственного принуждения во взаимосвязи с генеральными направлениями деятельности государства;
- аргументировать классификационное многообразие пределов применения государственного принуждения;
- раскрыть содержание нравственного предела государственного принуждения;
- показать специфику и значение нравственного предела применения государственного принуждения;
- систематизировать основные проблемы установления нравственного предела применения государственного принуждения и предложить пути их оптимизации.

Методологическую основу диссертационного исследования составляет совокупность методов, обеспечивающих изучение предмета исследования и способствующих достижению поставленной цели, включающая в себя диалектический, логический, системный, функциональный, кибернетический метод, а также формально-юридический, сравнительно-правовой метод и др.

Основным методом исследования выступил диалектический, который позволил рассмотреть государственное принуждение как сложное многоаспектное явление. Благодаря диалектическим законам единства и борьбы

противоположностей, закону отрицания-отрицания, освещены основания и пределы применения государственного принуждения, проблемы установления нравственного предела его применения. Посредством данного метода определен нравственный предел применения государственного принуждения в системе иных пределов. Логический метод позволил определить признаки и свойства государственного принуждения, пределов применения государственного принуждения, установить их содержание и сформулировать дефиницию.

В исследовании был задействован системный подход, который дал возможность выделить место государственного принуждения в системе форм реализации государственной власти, роль нравственного предела среди иных пределов применения государственного принуждения, а также функциональный метод, который использовался для раскрытия оснований применения государственного принуждения. Кибернетический метод, включающий в себя принцип внешнего дополнения, положен в обоснование применения государственного принуждения как средства преодоления препятствий к реализации государственных функций.

В свою очередь, это потребовало использования таких специально-юридических методов научного познания, как формально-юридический метод, который позволил выявить специфику государственного принуждения и нравственного предела его применения при регламентации в правовых актах, и сравнительно-правовой метод, использовавшийся при соотнесении особенностей закрепления государственного принуждения в различных отраслях законодательного регулирования, а также при оценке изменения законодательства в рамках одной отрасли.

Нормативная и эмпирическая основа диссертационного исследования.

Нормативная основа исследования включает в себя Конституцию РФ, а также кодифицированные и некодифицированные федеральные законы, подзаконные нормативные акты.

Эмпирическую основу составляют правоприменительные и правоинтерпретационные акты судов, входящих в судебную систему России,

положения которых изучались в проекции к проблемам установления нравственного предела применения государственного принуждения и путей их оптимизации. Среди них, в частности, акты Конституционного суда РФ и Верховного суда РФ.

В качестве эмпирической основы также использованы статистические сведения Генеральной прокуратуры РФ, рассмотренные через призму государственного принуждения, обеспечивающего реализацию возложенных на государство функций.

Теоретической основой диссертационной работы служат труды таких ведущих отечественных и зарубежных ученых, как М. Вебер, Г. В. Ф. Гегель, А. А. Гусейнов, И. А. Ильин, И. Кант, Ф. Ницше, И. Г. Фихте, А. Шопенгауэр, а также исследователей общей теории права: С. С. Алексеева, М. И. Байтина, Н. А. Власенко, А. И. Клименко, В. В. Лазарева, О. Э. Лейста, С. В. Липеня, М. Н. Марченко, А. И. Овчинникова, Р. А. Ромашова, А. Ф. Черданцева, Г. Ф. Шершеневича, А. И. Экимова.

Рассмотрение государственного принуждения и его пределов детерминировало необходимость изучения научных позиций А. Д. Ардашкина, Б. Т. Базылева, А. А. Воротникова, И. П. Жаренова, Н. В. Ковлакаса, С. Н. Кожевникова, О. В. Кораблиной, Д. А. Липинского, Н. В. Макарейко, Т. В. Милушевой, В. В. Ныркова, А. П. Рогова, Т. Б. Темрезова, О. И. Цыбулевской.

Кроме того вопросы, возникающие в ходе исследования проблем установления нравственного предела при применении государственного принуждения, предопределили обращение автора к работам С. А. Белоусова, И. П. Кожокаря, А. В. Малько, А. А. Никитина, Д. Е. Петрова, С. Ю. Суменкова.

В исследовании учтены выводы и отдельные положения, содержащиеся в публикациях таких представителей отраслевых юридических наук, как Д. Н. Бахрах, С. И. Вершинина, А. И. Каплунов, Ф. М. Кудин, Д. Г. Нохрин, Б. В. Россинский, а также трудов таких зарубежных мыслителей, как М. Н. Берман, Д. Битхем, М. Блейк, А. Д'Амато, Ф. Корнуо.

Постижение специфики государственного принуждения и его пределов

обусловило освещение воззрений А. Г. Аникевича, Д. Белла, Н. Я. Данилевского, В. Г. Ледяева, В. И. Ленина, К. Маркса, Э. Тоффлера, Ф. И. Шамхалова, Ф. Энгельса.

Научная новизна диссертационного исследования. Новизна диссертационного исследования предопределяется его целью, в соответствии с которой в работе государственное принуждение освещается как форма реализации государственной власти, не тождественная методу принуждения. Своеобразием характеризуется аргументация необходимости существования нравственного предела применения государственного принуждения как неотъемлемого условия выполнения государством своих внутренних и внешних функций.

Новшеством служит восприятие существующих пределов применения государственного принуждения в целом как многокомпонентной системы, а в частности – как обязательных ограничительных элементов применения государственного принуждения, способных подразделяться на общие и частные.

Оригинальностью отличается авторское утверждение о значимости нравственных постулатов в формировании пределов применения государственного принуждения, равно как вывод о правоприменении как единственно возможной интегративной форме реализации государственного принуждения.

Манифестируется обоснованность понимания оснований применения государственного принуждения в узком и широком смысле. Именно их наличие вынуждает государство использовать априори характеризующееся ограничительным характером принуждение.

Положения, выносимые на защиту:

1. Постулируется, что под государственной властью следует понимать направленное на достижение стоящих перед обществом целей нормативно регламентированное социальное отношение, при котором действующие от имени общества уполномоченные государством лица ограничивают самостоятельные волевые действия (бездействие) субъекта (субъектов) за счет доминирования в любом легально доступном им властном ресурсе.

Государственная власть может выступать в различных формах, в том числе в форме принуждения, отличающегося приоритетностью использования психологического способа воздействия.

2. Формулируется, что неразрывность государственной власти и государственного принуждения объективно предопределяет сходство рассматриваемых понятий, что не свидетельствует об их тождестве.

Под государственным принуждением как формой реализации государственной власти предлагается понимать направленное на достижение стоящих перед обществом целей нормативно регламентированное социальное отношение, при котором действующие от имени общества и уполномоченные государством лица ограничивают самостоятельные волевые действия (бездействие) принуждаемого субъекта (субъектов) за счет доминирования в легально доступном им властном ресурсе при сохранении у принуждаемого возможности самостоятельного поведения. Концептуальным признаком государственного принуждения, позволяющего определять его как относительно самостоятельный феномен, выступает значимость для уполномоченных государством лиц поведения принуждаемого субъекта (субъектов), основанного на их собственной воле.

Государственное принуждение постулируется как форма, а не метод реализации государственной власти. Это позволяет аргументировать тезис о том, что в названном значении государственное принуждение характеризуется комбинацией методов убеждения и принуждения, а не только сводится к последнему.

3. Устанавливается, что государственное принуждение осуществляется в форме правоприменения, аккумулирующего в себе также соблюдение, исполнение, использование.

Обусловленное спецификой каждой из форм правореализации применение, в частности, включает: соблюдение, порождающее возникновение обязанности у принуждаемого лица не нарушать нормативные пределы применения государственного принуждения; исполнение, детерминирующее обеспечение реализации закрепленных прав принуждаемого; использование, порождающее

реакцию государства в случаях предусмотренной альтернативности в его действиях. Собственно применение характеризуется наличием у субъекта возможности принятия обеспечиваемых государством властных решений.

4. Предлагается подразделять основания применения государственного принуждения в узком и широком смысле.

Под основаниями применения государственного принуждения в узком смысле предлагается понимать совокупность нормативных и фактических оснований его применения. Нормативные основания зафиксированы в нормах материального и процессуального права и устанавливают, соответственно, условия и порядок применения государственного принуждения. Фактические основания – это выполнение (либо, напротив, невыполнение) в объективной реальности принуждаемым лицом действий, которые обозначены в качестве нормативных оснований применения государственного принуждения.

К числу нормативных оснований применения государственного принуждения в условиях нормативной фиксации могут относиться как нарушения юридических норм, так и случаи злоупотребления правом либо реальная угроза нарушения прав и свобод человека. В свою очередь, процессуальными основаниями выступают нормы, устанавливающие правила и порядок реализации материальных оснований государственного принуждения.

В широком смысле под основаниями применения государственного принуждения предлагается понимать казуистические обстоятельства, требующие применения государственного принуждения для обеспечения реализации государством внутренних и внешних функций в условиях осуществляемого им противодействия.

5. Утверждается, что применение государственного принуждения является вторичной по отношению к убеждению, но объективно необходимой и основанной на законодательстве мерой. Оно требуется лишь при возникновении препятствий и обеспечения их преодоления, что необходимо для надлежащего осуществления государственных функций. Подобного рода принуждение применяется для нивелирования трудностей, возникающих в связи с неисполнением (ненадлежащим

исполнением) отдельными лицами возложенных на них обязанностей либо при наличии реальной угрозы их неисполнения. Такие субъекты в установленном порядке мерами государственного принуждения понуждаются к осуществлению обязательных для них действий (бездействия), без которых функции государства не могут быть реализованы, задачи государства достигнуты, а защита прав и свобод граждан, интересов общества и государства – обеспечена.

6. Доказывается, что пределы применения государственного принуждения могут быть разграничены на общие и частные.

Общие пределы применения государственного принуждения формируются из конгломерата частных пределов и представляют собой контур диапазона отношений государственного принуждения, соответствующих всем требованиям, предъявляемым к нему частными пределами.

Частные пределы применения государственного принуждения предопределяются каждым общественно значимым фактором (экономическим, политическим, культурным, нравственным и др.), устанавливающим границы допустимости применения государственного принуждения исходя из главной, концептуальной детерминанты его непосредственной сущности (экономическая возможность для экономики, культурная приемлемость для социокультурной сферы и т. д.). Названные пределы отделяют приемлемое с позиции соответствующего фактора применение государственного принуждения от неприемлемого, т. е. находящегося вне установленных границ.

Пределы применения государственного принуждения могут найти свое объективное выражение лишь в нормативной регламентации, что является необходимым условием и гарантией защиты прав и свобод человека, обеспечения интересов общества и функционирования государства. В контексте нормативного ограничения государственного принуждения лексема «граница» не является синонимом слова «предел», соотносясь с последним как предпосылка и итог.

7. Утверждается, что важнейшие частные пределы применения государственного принуждения генерируются исходя из согласованности оказываемого на субъекта воздействия с критериями нравственности.

Нравственные пределы применения государственного принуждения формируются на основе соответствия применяемой меры принудительного воздействия требованиям справедливости, а точнее таким ее аспектам, как обоснованность и соразмерность.

Под обоснованностью предлагается понимать основанность применения государственного принуждения на нравственно мотивированном соотношении деяния (или сложившихся обстоятельств применительно к реальной угрозе причинения вреда правам и свободам человека) и порождаемых им возможных вариантов государственно-принудительного воздействия на субъект (субъекты).

Под соразмерностью понимается такое соответствие применяемого государственного принуждения индивидуальным характеристикам субъекта, события или деяния, при котором обеспечивается корректировка воздействия на принуждаемое лицо в соответствии с нравственно одобряемыми обществом вариантами государственного принуждения (т. е. в соответствии с требованиями обоснованности), но с учетом казуального своеобразия, присущего каждому конкретному случаю.

Специфика коллективного бытия на каждом этапе развития оказывает непосредственное влияние на общественные представления о справедливом и несправедливом, тем более по отношению к применению государственного принуждения и его нравственным пределам. На постиндустриальном этапе особенности нравственных пределов применения государственного принуждения заключаются в необходимости реальной защиты прав и свобод человека, т. е. их фактического, а не декларативного обеспечения.

8. Аргументируется, что в качестве критериев установления нравственных пределов применения государственного принуждения следует использовать такие бинарные категории, как обоснованность и определенность, соразмерность и разумность.

Обоснованность применения государственного принуждения в проекции к его реализации служит выражением определенности государственного принуждения, тем самым обоснованность применения государственного

принуждения является частным аспектом определенности как свойства права. В свою очередь, соразмерность применения государственного принуждения выступает олицетворением разумности правового воздействия. Органичное взаимодействие указанных пар в проекции к государственному принуждению свидетельствует о симфонии последнего одному из основных общеправовых принципов – принципу справедливости.

9. Отмечается, что к проблемам, осложняющим применение государственного принуждения, относится отсутствие четкого, единообразного и непротиворечивого дефинирования государственного принуждения законодателем в различных отраслях правового регулирования; присутствие юрико-лингвистических дефектов, связанных с нормативным обеспечением обоснованности и соразмерности применения государственного принуждения.

Точная институциональность государственного принуждения, закрепление его свойств и признаков в нормативном тексте являются как квинтэссенцией, лежащей в основе системности законодательства вообще, так и залогом эффективности и гуманистически осмысленной дифференцированности применения государственного принуждения в частности.

К числу весомых юрико-лингвистических дефектов, носящих комплексный характер и препятствующих полноценному существованию нравственного предела применения государственного принуждения, предлагается относить дефекты обоснованности (например, незакрепленность условий, порядка применения государственного принуждения) и соразмерности (отсутствие у правоприменителя возможности индивидуализации применяемой меры государственного принуждения и др.). Необходимость исключения подобного рода дефектов обуславливает важность выверенности пределов применения государственного принуждения при их нормативном закреплении.

Теоретическая значимость диссертационного исследования обусловлена наличием пробелов в научных изысканиях о проблемах государственного принуждения, прежде всего оснований и нравственных пределов его применения, а равно констатацией дефицита в юридической науке работ, посвященных

вопросам дефинирования, установления и существования нравственных пределов применения государственного принуждения. Приведенные автором доводы о государственном принуждении как форме реализации государственной власти, а также концептуальные модели пределов и оснований применения государственного принуждения способствуют развитию соответствующего сегмента общей теории права и государства.

Теоретическое значение имеет рассмотрение одного из доминантных пределов применения государственного принуждения – нравственного предела во всей его полиформии, а также специфики государственного принуждения на современном этапе общественного развития. Установленные в диссертации взаимосвязи между соразмерностью, обоснованностью, определенностью, разумностью и справедливостью при применении государственного принуждения способствуют его оптимизации и вносят определенный вклад в разработку аксиологических вопросов корреляции ограничений с реализацией государственной власти.

Практическая значимость диссертационного исследования. Результаты настоящего исследования востребованы в нормотворческой деятельности при формировании понятийного аппарата и совершенствовании регламентации применения государственного принуждения, разграничении допустимых и недопустимых проявлений последнего, а также закреплении его оснований и пределов.

Квинтэссенцией практической значимости работы является теоретическое обоснование пределов применения и оснований государственного принуждения, предоставляющее возможность уполномоченным лицам проецировать его результаты при вынесении суждений о допустимости потенциального или свершившегося применения государственного принуждения, для упорядочения правоприменительной практики и обеспечения ее единства в юридически значимых отношениях, требующих нравственной оценки применения мер государственного принуждения. Интересным для правоприменителей может быть использование выдвинутой автором идеи о бинарных группах (обоснованности и

определенности; соразмерности и разумности), при мотивировке занимаемой позиции о справедливости каких-либо решений, связанных с применяемыми мерами государственного принуждения, его основаниями и нравственными пределами.

Полученные результаты также могут быть эксплицированы в правоинтерпретационную деятельность соответствующих субъектов при анализе установленных законом пределов допустимости применения государственного принуждения органами государственной власти.

Выводы, полученные в ходе исследования, могут оказаться полезными для общей теории права и государства, философии права и отраслевых юридических наук, а также быть использованы в преподавательской деятельности, подготовке лекционных курсов и проведении семинаров.

Апробация результатов исследования. Основные теоретические положения и выводы диссертационного исследования прошли апробацию, имеющую научную направленность, в ходе участия автора в международных научно-практических конференциях, материалы которых опубликованы. Основопологающие положения диссертации изложены в 20 научных публикациях автора, включая 7 публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК при Минобрнауки России.

Диссертация подготовлена на кафедре теории государства и права ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия», где проходило ее обсуждение и рецензирование.

Структура диссертации предопределена целью, задачами и предметом исследования. Она состоит из введения, трех глав, заключения и библиографического списка.

ГЛАВА 1. ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

1.1. Государственная власть как детерминанта государственного принуждения

Как справедливо указывает Г. В. Ф. Гегель, «определения следует рассматривать не изолированно и абстрактно, а как зависимый элемент одной тотальности в связи со всеми остальными определениями, составляющими характер нации и эпохи; в этой связи они обретают свое истинное значение...»¹. Данное обстоятельство объясняется изменчивостью восприятия предметов и явлений, следовательно вкладываемого в слова и термины содержания, что, в свою очередь, требует от ученого рассмотрения понятий (во всяком случае относящихся к гуманитарному знанию) с учетом их актуального восприятия в обществе.

Рассматривая власть – одну из ключевых, детерминирующих (определяющих)² жизнь общества категорий, необходимо отметить, что с течением времени ее общественное понимание претерпевало значительные изменения.

Так, энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона в статье, посвященной власти, определяет последнюю как «господство одного над другим или другими»³.

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. Даля власть понимается как право, сила и воля над чем-либо, свобода распоряжений и действий, управление, начальствование, начальники или начальник⁴.

---

¹ Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем., ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М., 1990. С. 62.

² Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 152.

³ Энциклопедический словарь / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. СПб., 1892. Т. VI (А). С. 672–673.

⁴ См.: Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1903. Т. 1. С. 522.

Позже «Советский энциклопедический словарь» власть определяет как возможность и способность оказывать определяющее воздействие на поведение людей и их деятельность с помощью каких-либо средств – права, насилия, воли, авторитета, а также как политическое господство и система государственных органов¹.

Более современный и являющийся одним из общепризнанных толковых словарей «Словарь русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой² определяет власть, во-первых, как право и возможность распоряжаться кем-нибудь, подчинять своей воле; во-вторых, как политическое господство, государственное управление и его органы; в-третьих, как лиц, облеченных административными или правительственными полномочиями³.

Приведенные определения позволяют утверждать, что власть в обыденном понимании полисемантична. Содержание понятия включает в себя как органы управления и полномочных лиц, так и господство в чем-либо или над кем-либо, свободу действий, способность подчинять с использованием каких-либо средств⁴. Несмотря на совпадение терминов, каждое из предложенных пониманий власти является самостоятельным, независимым от иных.

Многозначность понятия власти усиливается за счет его междисциплинарного характера. Власть исследуется в рамках таких наук как философия, психология, социология, политология и др., причем в каждой

---

¹ См.: Советский энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 230.

² См.: Басовская Е. Н. Об агностицизме, стахановце и суягной овце (из истории создания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова) // Политическая лингвистика. 2014. № 4. С. 27.

³ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. М., 1997. С. 86.

⁴ Полисемантичность понятия власти подтверждается и современными филологическими исследованиями. Так, С. А. Борисовой и А. А. Шабановой в работе 2011 г. «Моделирование структуры концепта «власть»/«power» указывается, что власть воспринимается респондентами – физическими лицами как продукт денежных средств, силы, Бога, государства, ума, ассоциируется с законом, волей, чиновником, насилием, принуждением, подчинением и иными категориями (см.: Борисова С. А., Шабанова А. А. Моделирование структуры концепта «власть»/«power» // Симбирский научный вестник. 2011. № 2 (4). С. 176–180).

исследуемой области этот термин определяется с учетом именно ее специфики, поставленных перед ней вопросов, исходя из используемой исследователем парадигмы, что определяет расхождения в трактовках власти. Наконец, как отмечает В. Г. Ледяев, «концептуализация политики через власть делает понятие власти очень широким по своему содержанию и, следовательно, аморфным. «Власть» в данной трактовке теряет свою уникальность, специфику и оказывается неотличимой от таких понятий как «влияние», «контроль» или «господство»¹, что также не способствует ее пониманию.

Многообразие подходов к пониманию власти предопределило рассмотрение в работе значительного числа авторских дефиниций, что необходимо для охвата не всех, но основных позиций по данному вопросу и надлежащего освещения концептуальных признаков власти, выделяемых авторами. Это стало возможным за счет неизбежного выделения учеными совпадающих характеристик власти, рассмотрение которых позволяет выявить признанные в исследовательской среде, а следовательно научно обоснованные свойства и отличительные особенности категории, дополнительного обоснования которых по общему правилу не требуется.

Переходя непосредственно к исследованию отметим, что с точки зрения гуманитарных наук, в том числе юриспруденции, власть, в первую очередь, представляет собой отношение между властвующим и подвластным². Именно с этих позиций она рассматривается в настоящей работе. Современное обыденное понимание власти, представляющее по Г. В. Ф. Гегелю существующую тотальность, интересует нас постольку, поскольку оно дает представление о власти как праве и возможности распоряжаться кем-либо, подчинять своей воле³.

---

¹ Ледяев В. Г. Политическая власть: концептуальный анализ // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 28.

² См., например: Шамхалов Ф. Собственность и власть. М., 2007. С. 105; Романчук И. С. Элементный состав государственно-властных отношений // Вестник Южно-уральского государственного университета. Серия: Право. 2010. № 38 (214). С. 12; Марков Е. А. Трансформация смысловых форм понятий «власть» и «властные отношения» // Среднерусский вестник общественных наук: научно-образовательное издание. 2010. № 4. С. 18.

³ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 86.

Рассмотрение вопросов научного (концептуального) понимания власти начнем с состава участников властных отношений (власти).

Большинство авторов исходит из необходимости участия во властных отношениях властвующего и подвластного.

Известный немецкий социолог М. Вебер определяет власть как способность вопреки сопротивлению реализовать свою волю в социальном отношении, независимо от того, на чем указанная вероятность основывается¹. При таком подходе властвующим является лицо, реализующее свою волю, а подвластным – сопротивляющееся указанной воле лицо. Подчеркнем, что аналогичного подхода к вопросу о составе участников властных отношений придерживаются некоторые современные исследователи².

И. Кантом в работе «Критика способности суждения» власть определена с этических позиций как способность преодолеть сопротивление того, что само обладает силой³. Философ указывает на участие двух сторон: того, кто преодолевает – властвующего, и того, чье сопротивление преодолевается – подвластного.

Между тем в науке присутствует и иной подход к решению вопроса о составе участников власти, основанный на парадигме «власть для». Этот подход не только исключает из признаков власти подвластного, но и акцентирует внимание на достижении цели, поставленной перед властвующим, причем безотносительно к иным условиям.

На двойственную природу власти, от которой производна государственная власть, обращал внимание тот же М. Вебер. С одной стороны, он утверждал, что власть, по сути, представляет собой вероятность того, что субъект в состоянии реализовать в социальном отношении свою волю вопреки сопротивлению, причем независимо от того, на чем основывается такая вероятность. С другой стороны, он

---

¹ См.: Weber M., *The Theory of Social and Economic Organization*. Edited with an introduction T. Parsons. Reprint of Original 1947 Edition. N. Y., 2012. P. 152.

² См.: Соловьева С. В. *На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти*. Самара, 2009. С. 12; Шамхалов Ф. *Собственность и власть*. М., 2007. С. 107.

³ См.: Кант И. *Собрание сочинений*. Юбилейное изд., 1794–1994: в 8 т. / под общ. ред. А. В. Гулыги. М., 1994. Т. 5. С. 99.

же недвусмысленно определял государство как форму легитимного господства, то есть, по утверждению И. Л. Честнова, «вводя тем самым в понятие власти иное («ненасильственное») измерение»¹.

Разумеется, в основе такого подхода находится солидная интеллектуальная традиция осмысления власти в качестве не только формы ограничения индивидов или принуждения их к совершению действий, угодных обладателям власти, но и в более широком значении – политической стратегии, направленной на эффективное достижение целей. Последнее, вероятно, уместнее было бы именовать воздействием, что, однако, требует отдельного междисциплинарного изучения.

Английский философ Т. Гоббс определяет власть как имеющиеся у человека средства достигнуть блага в будущем², то есть наличие подвластного лица не является обязательным. Похожий подход обнаруживается и в ряде зарубежных исследований³. Следуя концепции «власть для», то есть исключая подвластного из сущностных признаков власти, необходимо идти до конца в своих рассуждениях и допустить существование власти даже в тех случаях, когда отсутствует отношение между властвующим и подвластным. Но такой вывод противоречит социальному пониманию власти и оказывается оторванным от реальности, поэтому применение указанного подхода в настоящей работе не представляется возможным.

По нашему мнению, власть обладает социальной природой⁴, то есть основана на взаимодействии индивидуумов и их групп⁵. Верность такого понимания власти обусловлена следующим.

Многими исследователями подчеркивалась роль воли как сущностного признака власти. Так, актуальной с XIII в. до настоящего времени остается

---

¹ Честнов И. Л. Теория государства и права. Ч. 1: Теория государства. СПб., 2016. С. 14.

² См.: Гоббс Т. Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс; сост., ред. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. М., 1991. Т. 2. С. 63–64.

³ См., например: Beetham D. The Legitimation of Power. L., 1991. P. 43.

⁴ См.: Петренко М. Н. О понимании феномена власти в науке // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 3 (52). С. 25.

⁵ Исследователями предлагаются подходы, согласно которым власть возможна над неживыми предметами, событиями (см., например: Соловьева С. В. Экзистенциальные стратегии власти над вещами: труд, стяжательство, авантюра // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2010. № 6. С. 73–81).

концепция, изложенная Фомой Аквинским в работе «Сумма теологии». Он утверждает: «Как в устроенном Творцом порядке природы низшие предметы подчиняются движению, сообщаемому высшими, так в порядке человеческих отношений, высшие, в силу данной Богом власти, двигают низших своей волей»¹. Иными словами, автор прямо указывает на волю как ключевую характеристику власти.

Аналогичной позиции по вопросу о роли воли во власти придерживается М. Вебер, которым реализация воли властвующего в социальном отношении указана в качестве ключевой характеристики властных отношений². Рассуждая о власти Н. М. Кейзеров определяет ее как волевое отношение между людьми³.

Полагаем, позиция исследователей⁴, признающих принципиально важное значение воли в формировании и развитии каждого конкретного властного отношения в частности и всего многообразия властных отношений в целом (далее также – властные отношения), является правильной.

Прежде всего, властные отношения – это изначально конфликтные отношения. Данное обстоятельство подчеркивалось И. Кантом и М. Вебером, которые указывали на такую характеристику власти, как наличие сопротивления подвластного. Но сопротивление может возникнуть лишь в конфликте между участниками отношений. Конфликтность как характеристика властных отношений называется и современными учеными⁵. Если допустить обратное и предположить, что власть существует при отсутствии конфликта, то есть в том случае, когда

---

¹ Цит. по: Чичерин Б. История политических учений. Ч. I: Древность и Средние века. М., 1869. С. 187.

² См.: Weber M., Henderson A. M. The Theory of Social and Economic Organization. Edited with an introduction T. Parsons. Reprint of Original 1947 Edition. N. Y., 2012. P. 152.

³ См.: Кейзеров Н. М. Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий. М., 1973. С. 66.

⁴ См.: Иконникова Г. И., Ляшенко В. П. Философия права: учебник для магистров. 3-е изд., перераб и доп. М., 2012. С. 181; Солонько И. В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010. С. 46, 58; Аникевич А. Г. Феномен власти: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 1999. С. 101; Чиркин В. Е. Современная концепция публичной власти // Российский журнал правовых исследований. 2015. Т. 2. № 2 (3). С. 73.

⁵ См., например: Соловьева С. В. Феномены власти в бытии человека : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Самара, 2010. С. 19; Рачинский В. В. Публичная власть: вопросы теории : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2003. С. 8.

подвластный добровольно исполняет указания властвующего и действует в интересах достижения его целей, то тогда необходимо констатировать противоречие между научным пониманием власти и ее обыденной трактовкой, указывающей на неотъемлемость власти от подчинения, которому, по мнению исследователей, конфликт имманентен¹. Конфликт представляет собой столкновение, как правило, различающихся между собой целей участников отношений, фиксируемых ими в жесткой форме².

Из этого следует, что перед участниками отношений стоят цели и (в этом смысле) они их осознают. Кроме того, столкновение взаимодействующих лиц по поводу реализации их нетождественных целей, обусловлено стремлением участников общественных отношений к их достижению.

Основываясь на первом выводе и с учетом того, что наличие у субъекта цели свидетельствует о его включенности в процесс решения имеющихся проблем, выражающийся в форме перехода от условий, задающих проблему, к получению результата³, полагаем верным констатировать наличие у участника отношения способности мышления.

Из второго вывода следует наличие у каждого участника отношений «твердого разумного намерения, стремящегося к осуществлению [имеющейся у участника отношения] цели»⁴, то есть именно воли. При этом способность мыслить является способностью, присущей лишь человеку, а воля – и человеку, и социальным общностям, группам людей⁵.

---

¹ См.: Кулинкович Т. О. Трактовка понятия «подчинение» в психологии // Веснік БДУ. Серыя 3: Гісторыя. Эканоміка. Права. 2010. № 1. С. 55.

² См.: Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., расш., испр. и доп. Ростов н/Д, 1999. С. 169–170.

³ См.: Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., 2009. С. 537–544.

⁴ Философия: энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. М., 2006. С. 147–148.

⁵ См.: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб., 2003. С. 120; Тутарашвилли Л. Ю., Гущина Л. В. Манипуляции общественным сознанием в рамках политического дискурса: роль СМИ в манипулировании общественным сознанием, основные виды манипулятивных технологий // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 3–2 (34). С. 86; Махмудов Т. З. Понятие этноса и других категорий этнических групп // Аналитика культурологии: электронное научное издание. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2013. № 26. URL: <http://www.analiculturolog.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

Таким образом, к свойствам участников властных отношений, как властвующих, так и подвластных, необходимо отнести: 1) способность мышления; 2) волю; 3) отнесенность к числу людей. Последнее свойство, принимая во внимание участие во властных отношениях не менее двух участников, указывает на межличностный, социальный характер такого отношения.

Между тем, властным отношениям имманентно неравенство участников: один (группа) из участников отношения властвует, а другой (группа) подчиняется ему, в связи с чем дальнейшее исследование феномена власти невозможно без выявления причин обозначенной неравноценности и их оснований, иными словами, – без выделения признаков властвующего, отличающих его от подвластного.

Ученые по-разному подходят к решению данного вопроса. Так, по мнению А. Г. Аникевича, власть основывается на реальном превосходстве властвующего субъекта в обладании основными материальными и идеологическими ресурсами общества¹.

В. А. Ачкасов и В. А. Гуторов в качестве основы власти называют способность и возможность властвующего оказывать воздействие на деятельность людей посредством права, авторитета, принуждения, насилия и других средств².

В. Н. Бегаль считает, что власть основана на харизме властвующего³.

К. С. Гаджиев, рассматривая вопрос о власти, отмечает, что властвующий обладает способностью навязать другим свою волю насильственными и ненасильственными средствами и методами⁴.

Г. И. Иконниковой и В. П. Ляшенко указывается на то, что в основе власти субъекта лежит возможность одного человека принуждать другого. А. И. Кравченко

---

¹ См.: Аникевич А. Г. Феномен власти: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук. Красноярск, 1999. С. 101.

² См.: Политология: учебник / под ред. В. А. Ачкасова, В. А. Гуторова. М., 2007. С. 659.

³ См.: Бегаль В. Н. Концептуальные основы харизматического политического лидерства // Альманах современной науки и образования. 2013. № 6 (73). С. 23, 25.

⁴ См.: Гаджиев К. С. Политология. Основной курс: учебник для вузов. М., 2007. С. 123.

пишет, что в основе власти лежит применение властвующим совокупности политических или управленческих решений по отношению к другим людям¹.

В. Г. Ледяев определяет власть как способность субъекта обеспечить подчинение объекта².

Основатель психологической теории государства и права Л. И. Петражицкий указывает, что в основе власти лежит эмоциональная проекция, которая, по сути, основывается на приписывании лицам определенных прав³.

И. В. Солонько полагает, что в основе власти лежит способность властвующего к социальному управлению⁴.

Приведенные подходы к выявлению основных признаков властвующего субъекта (причин, позволяющих лицу являться властвующим в соответствующих властеотношениях) можно условно классифицировать на конкретизированные и абстрагированные.

Первые указывают на конкретную характеристику или характеристики участника властеотношений, позволяющую приобрести статус властвующего: обладание основными материальными и идеологическими ресурсами (А. Г. Аникевич), харизма властвующего (В. Н. Бегаль) и др.

Абстрагированными являются такие признаки, которые указывают причины, позволяющие лицу стать властвующим, в обобщенном виде и не детализируют их: например, способность обеспечить подчинение (К. С. Гаджиев, В. Г. Ледяев и др.)⁵.

Не оспаривая значимости называемых сторонниками конкретизированного подхода отдельных признаков властвующего, отметим, что в зависимости от ситуации он может использовать любой из доступных ему ресурсов, позволяющих

---

¹ См.: Кравченко А. И. Политология: учебник. М., 2008. С. 440.

² См.: Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 268.

³ См.: Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. М., 2010. С. 208.

⁴ См.: Солонько И. В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010. С. 20–21.

⁵ Условность разграничения подходов исследователей связана с тем обстоятельством, что объем конкретного признака властвующего меньше абстрактного, более широкого, понятия, а, следовательно, включен в него.

властвовать (далее также – властный ресурс): управленческие способности, харизму, управомоченность, физическую силу и иные.

При этом ресурсы властвующего взаимосвязаны. Так, харизма, понимаемая как основанная на свойствах личности авторитетность¹, может базироваться на имеющихся управленческих способностях властвующего, позволивших ему заработать свой авторитет. Управленческие способности лица, в свою очередь, могут основываться на его авторитетности (авторитетность среди управляемых позволяет управлять ими) и на обладании им материальным и идеологическим ресурсом (способность лица управлять реализуется за счет идеологического и (или) материального стимулирования). Управомоченность, то есть наделенность лица правом на что-либо, может основываться как на авторитетности властвующего (высокая авторитетность способствует восприятию его поступков как верных, совершенных в соответствии с правом), так и на имеющихся у властвующего управленческих способностях, послуживших основанием для наделения правом.

Во избежание расхождений в понимании упомянутой категории авторитета отметим, что до середины XX века в центре внимания исследователей государственной власти находился не просто авторитет, а его особенная разновидность – «легальный авторитет». Под ним в общем виде понимаются конституционные основы и аспекты организации и функционирования государства (например, механизмы разделения властей, система «сдержек и противовесов» и др.), что в значительной мере обуславливалось преобладанием на тот период институционального подхода к изучению управленческо-политических процессов.

С середины прошедшего века на смену постепенно приходит традиция бихевиоризма, что повлекло дополнение исследования легальных ресурсов и институциональных структур государственной власти выявлением каузальных зависимостей в поведении участников управленческо-политических отношений².

---

¹ См.: Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М., 2000. Т. 2: П–Я. С. 930.

² См. подробнее: Ледаев В. Г. Политическая власть: концептуальный анализ // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 27–45.

Очевидно, что легальный авторитет также способен находиться в основе власти наравне с иными властными ресурсами.

Продолжая отметим, что аналогичные связи властных ресурсов можно обнаружить и для иных признаков властвующего лица, выделяемых сторонниками конкретизированного подхода, что позволяет относить к индивидуализирующим характеристикам властвующего систему доступных ему властных ресурсов, позволяющих осуществить власть. Это также подтверждает верность абстрагированного подхода к пониманию признаков властвующего, с которым следует солидаризироваться.

Наличие у участника отношений властного ресурса, в совокупности с имеющейся у него способностью мышления, волей, создают условия для приобретения им статуса властвующего, однако не определяют ее достижения, в том числе поскольку некоторое количество ресурсов есть и у подвластного лица. Указанное требует от властного ресурса властвующего преобладания над аналогичными ресурсами подвластного. Рассмотрение этой проблемы требует обратиться к вопросу человеческих потребностей.

Исследователями разработано значительное количество различных подходов к классификации потребностей человека. Одной из наиболее часто используемых концепций является т.н. «пирамида потребностей», автор которой – А. Маслоу¹. На ее примере рассмотрим вопрос о преобладании ресурса.

В соответствии с этой концепцией потребности человека разделены на группы. Они располагаются в форме пирамиды от первостепенных для человека и включающих стоящие на первой и второй ступенях физиологические потребности (потребность в питании, отдыхе и т. д.) и потребности в безопасности (потребность в свободе от страха, наличии порядка, закона), до выстроенных в порядке уменьшения значимости иных потребностей. К ним относятся социальные (потребность в принадлежности к группе, в любви, дружбе), а также потребность в

---

¹ См.: Хромченко А. Л. К вопросу о разработке классификации потребностей в российской научной традиции // *Общественные науки и современность*. 2007. № 4. С. 144.

признании, познавательная потребность, эстетическая потребность и потребность в самоактуализации. При этом потребности человека, по мнению А. Маслоу, актуализируются сообразно выстроенной им иерархии: людям свойственно удовлетворение менее насущных потребностей после приоритетных¹.

Отсюда следует, что чем ближе потребность к первой ступени пирамиды, тем более она значима для человека. Нереализованность этой потребности препятствует реализации всех вышестоящих потребностей за счет вынужденности (приоритетной мотивированности) человека изменить свою деятельность таким образом, чтобы удовлетворить приоритетную потребность в ущерб вышестоящим. Например, голод и жажда в системе А. Маслоу не позволят лицу реализовать эстетическую потребность, заключающуюся в поиске красоты в окружающем мире, и потребуют от него утоления первичных потребностей, обнуляя достигнутые результаты «роста в пирамиде».

Применяя положения данной концепции к властеотношениям, отметим, что взаимодействие между их участниками строится с неременным использованием любого доступного им властного ресурса, который применяется к контрагенту. Властный ресурс участника отношений, способный воздействовать на личность контрагента таким образом, чтобы мотивировать его на удовлетворение одной из первичных потребностей, например, в безопасности (вторая ступень пирамиды), парализует реализацию иных потребностей подвластного вплоть до самоактуализации, но не исключает их реализацию в будущем. Такой ресурс сокращает количество потребностей, доступных контрагенту для реализации, и свободу его действий в значительно большем объеме, чем ресурс, иницирующий, например, потребность контрагента в социальной группе (третья ступень пирамиды). Следовательно, он не позволяет субъекту реализовывать потребности только от третьей ступени и выше. Поэтому можно утверждать, что властный ресурс одного участника властных отношений преобладает над властным ресурсом другого в том случае, если любой властный ресурс первого (властвующего лица)

---

¹ См.: Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. 3-е изд. СПб., 2008. С. 60–69, 80.

инициирует (пробуждает) находящиеся на более низкой ступени пирамиды потребности второго (подвластного), нежели любой властный ресурс последнего (подвластного) в пирамиде потребностей первого (властвующего).

В случае, когда ни один из участников отношений не обладает качественным перевесом во властном ресурсе, то есть возможностью воздействовать на более низкие в пирамиде потребностей ступени, по сравнению с оппонентом, оценка преобладания может теоретически производиться сравнением количественных показателей ресурсов, способных воздействовать на потребности оппонента противостоящими участниками отношений в рамках одной ступени пирамиды потребностей.

Для определения властвующего в отношениях не имеет существенного значения, какой конкретно властный ресурс используется каждый из сторон: физическое, психологическое или иное воздействие. Значимым остаётся лишь уровень потребностей участников отношений, на который они взаимно воздействуют. Тот участник, чьё воздействие любым доступным ему властным ресурсом на потребности контрагента достигает наиболее важных потребностей последнего (то есть находящихся на наиболее низких ступенях его пирамиды потребностей), чем встречное воздействие контрагента, тот и преобладает в подобного рода ресурсе. При этом стороны на данном этапе отношений, как и в любое время до этого, могут изыскивать дополнительные властные ресурсы для взаимного воздействия, в связи с чем значение имеет лишь итоговое соотношение приведенных ресурсов сторон.

Еще одним обстоятельством, существенным для понимания власти, является решение вопроса о ее реальном характере. Так, власть может определяться как способность, возможность лица стать властвующим во властеотношениях (К. С. Гаджиев, Г. И. Иконникова и В. П. Ляшенко и др.) или как реально осуществляемая властная деятельность в отношении подвластного

(А. И. Кравченко)¹. Несмотря на расхождения авторских подходов по данному вопросу полагаем, что потенциальный и реальный подходы к пониманию власти не могут противопоставляться друг другу. Фактическое осуществление власти (ее реализация) не состоится при отсутствии у властвующего лица самой возможности осуществить власть над подвластным, что свидетельствует о зависимости реального осуществления от возможности (потенции) власти и об ошибочности «чистого» реального подхода к пониманию властных отношений.

Однако потенциал власти, хотя и способен существовать в нереализованном состоянии, всегда является этапом последующего «раскрытия» в окружающей действительности, реализации. Потенция представляет собой возможность², то есть средство для осуществления, реализации в действительности чего-либо³, и лишь в действительности она способна найти свое подтверждение: если при реализации потенциальная власть, то есть возможность властвующего осуществить власть в отношении с подвластным, стала реальной (следовательно, потенциал являлся достаточным, возможность достижения власти имелась в действительности), то потенция подтвердилась. Напротив, если власть так и не возникла, то, значит, потенциал оказался недостаточным, отсутствовала возможность достижения власти, то есть потенция не подтвердилась. Указанное свидетельствует о зависимости потенции власти от ее реального осуществления и об ошибочности «чистого» потенциального подхода к пониманию власти. Вместе с тем потенция власти является лишь этапом в ее реализации, в связи с чем полагаем более верным исходить из ее реального понимания⁴.

Кроме того, как отмечено нами ранее, для власти характерен конфликт, обусловленный столкновением целей властвующего и подвластного. При этом, по мнению Н. В. Гришиной, конфликт предполагает осознанную активность сторон –

---

¹ Отметим, что рядом авторов (Л. И. Петражицкий, В. Н. Бегаль и др.) вопрос потенциального или реального характера власти в качестве существенного для понимания власти не рассматривается.

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 571.

³ См.: Там же. С. 92.

⁴ См. подробнее: Исаев И. А. Эволюция властных технологий: начало // *Quaestio Rossica*. 2019. Т. 7. № 2. С. 596.

представителей общества. «Конфликт, – отмечает автор, – обнаруживает себя в борьбе его сторон»¹, подразумеваемая отражающаяся в реальности деятельность его участников. Активность конфликта и обусловленная им деятельность его участников не позволяет власти существовать в типичном для потенции скрытом виде², что свидетельствует об обязательном существовании власти в реальности, поскольку конфликт, как ее атрибут, не может находиться вне объективной действительности³.

Верность реального понимания власти подтверждается также результатами современных исследований в области философии. Власть, как утверждает С. В. Соловьева, выражает себя через повторение и каждый раз требует своего утверждения заново⁴. Поэтому власть не способна существовать в потенции, то есть скрыто, без обнаружения в действительности, и в ней она может найти свое утверждение.

Несколько предшествуя последующему рассмотрению вопроса и опираясь на сказанное, отметим, что и государственная власть, как далее и государственное принуждение, верно рассматривать именно в её проявлении в действительности – то есть применении, реализации. Рассмотрение приведенных категорий будет осуществляться с указанных позиций.

Продолжая отметим, что одной из важных сторон социального феномена власти является порядок ее осуществления – механизм власти⁵. Определяя его, подчеркнем, что такой признак властеотношений, как конфликт, порождает не сам факт наличия у участников этих отношений взаимоисключающих целей, а столкновение их волей, которые направлены на достижение указанных целей и не могут быть реализованы в одной системе отношений одновременно⁶. Так, наличие

---

¹ Гришина Н. В. Психология конфликта. 2-е изд. СПб., 2008. С. 23.

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 571.

³ Вместе с тем конфликт не требует сколько-нибудь глобальных своих проявлений в действительности, достаточными являются любые действия, свидетельствующие о нем: устное уведомление в ходе общения, конклюдентные действия и т. д.

⁴ См.: Соловьева С. В. Феномены власти в бытии человека: автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Самара, 2010. С. 13.

⁵ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 354.

⁶ См.: Философский энциклопедический словарь / ред.-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Коралева,

у лица цели, для достижения которой им не предпринимается волевых усилий, не определяет неизбежность конфликта, поскольку сам по себе факт представлений лица о желаемом для него результате (цели) не может препятствовать кому бы то ни было в достижении собственных целей, даже если последние являются взаимоисключающими с целями контрагента.

Подавление воли контрагента во властеотношениях, то есть такое воздействие на него, при котором последний на период осуществления на него воздействия перестает стремиться к достижению собственных целей, относящихся в системе с целями контрагента к взаимоисключающим, пресекает (элиминирует) осуществляемые им самостоятельные волевые действия (бездействие), подчиняя воздействующему на него субъекту (властное воздействие может быть направлено как на ограничение какого-либо поведения подвластного, так и на стимулирование его определенного поведения). Поэтому под механизмом властных отношений следует понимать подавление воли контрагента по властным отношениям.

На основании изложенного полагаем для целей исследования под властью следует понимать общественное отношение, заключающееся в подавлении властвующим воли подвластного за счет его доминирования в доступных властвующему ресурсах и направленное на достижение стоящих перед ним целей. При этом, как верно указано В. Г. Ледяевым, и на стороне властвующего, и на стороне подвластного фактически могут находиться как одно, так и несколько лиц¹. Не вызывает сомнений возможность одного лица властвовать над многими (примером такой власти может считаться власть вооруженного человека над группой не способных сопротивляться ему лиц) или группы лиц властвовать над группой (например, власть вооруженной группы лиц над группой не способных сопротивляться лиц), равно как и возможность одного лица властвовать над другим или другими при аналогичных обстоятельствах.

В. А. Лутченко. М., 1997. С. 222; Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. 2-е изд., расш., испр. и доп. Ростов н/Д, 1999. С. 169.

¹ См.: Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 304–322.

Данное понимание власти, согласно предлагаемой В. Г. Ледаевым классификации, следует относить к буквальному или «узкому» типу толкования понятия, положительной стороной которых является четкость.

В противовес ему выступает «широкий» тип толкования, поддерживаемый ученым. Преимуществом данного подхода является бóльший охват социальных фактов и отношений. Верность последнего объясняется автором его естественностью, бóльшим соответствием традиционным ассоциациям.

Кроме того, по мнению В. Г. Ледаева он обладает универсальностью, охватывая «все виды отношений между социальными субъектами, в котором один субъект может заставить другого субъекта делать то, что тот в ином случае не стал бы делать»¹.

Не признавая бóльшую естественность и соответствие традиционным ассоциациям «широкого» типа толкования власти в связи с противоречием сложившегося в языке, а значит традиционного, и предлагаемого автором понимания власти, а также не принимая аргумент в пользу указанного типа толкования, основывающегося на универсальности последнего (полагая это преимуществом «широкого» подхода, но не объяснением его обоснованности), вслед за В. Г. Ледаевым отметим важность универсального «широкого» типа толкования власти². Ценность данного подхода состоит в том, что в условиях полисемантичности категории власти он позволяет в самом общем виде оценить системные взаимосвязи в ситуациях, где одно лицо совершает действия, желаемые другим (согласно концепции «власть над») или даже когда лицо просто добивается желаемого (концепция «власть для»), в возможности соотнесения методов убеждения и принуждения, используемых при осуществлении власти,

---

¹ Ледаев В. Г. Там же. С. 79–80.

² Необходимо подчеркнуть, что приведенные типы толкования, в отличие от В. Г. Ледаева, понимаются нами не как верное широкое и неверное узкое, но как подходы, справедливость которых зависит от используемой исследователем парадигмы.

рассмотрения их в органическом сочетании¹, что с позиции буквального («узкого») типа правопонимания затруднительно по изложенным ранее причинам.

Таким образом верным полагаем сочетание выделяемых исследователем подходов, объединяющих широту охвата отношений с диктуемой научным характером работы акцентуацией четкости дефинирования, а следовательно, «узким» типом толкования власти.

Как обоснованно замечено А. И. Овчинниковым и Т. А. Фетисовым «власть составляет стержень любого государства, его «альфа и омегу»². Государственная власть является одним из видов власти, в связи с чем свойства и признаки последней распространяются на государственную власть в полном объеме, дополняясь признаками, типичными для нее как для частного случая власти³.

Отношениям государственной власти, равно как и власти в целом, требуется наличие не менее двух сторон: властвующего и подвластного.

Рассматривая вопрос о находящихся на стороне подвластного лиц, подчеркнем, что в науке распространено отнесение к подвластному в государственно-властных отношениях общества. Примером может служить классический трактат И. Канта «Метафизика нравов. Учение о праве», где утверждается, что объектом власти является повинующийся народ, передавший власти часть своих прав на основании первоначального контракта⁴, так и современные работы⁵.

Особо выделим статью И. А. Иванникова «Эффективность и легитимность государственной власти в России: теоретико-методологический анализ», в которой

---

¹ См.: Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 130–131.

² Овчинников А. И., Фетисов Т. А. Природа государственной власти в фокусе теологического мышления // Северо-Кавказский юридический вестник. 2022. № 1. С. 28.

³ См.: Хорошильцев А. И. Государственная власть и принципы ее организации в демократическом обществе (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 9.

⁴ См.: Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1: Сочинения на немецком и русском языках / под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М., 2014. Т. 5. С. 309, 315.

⁵ См.: Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений / под ред. В. Г. Стрекозова. М., 2006. С. 58–60; Абдулаев М. И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М., 2004. С. 25–26.

автор указывает на государственную власть как на исторически сложившееся явление, носящее психико-юридический характер и представляющее собой осуществляемое с помощью государственного аппарата руководство делами общества, проживающего на определенной территории¹.

Обычно исследователи идентифицируют властвующего в государственно-властных отношениях с государством. Так, по мнению И. Канта, властвующим является заключающееся в совокупности верховной власти (в лице законодателя), исполнительной власти (в лице правителя) и судебной власти, государство².

П. И. Новгородцев указывает, что «... носителем власти является государство и никто кроме него»³.

На государство как властвующее лицо в государственно-властных отношениях указывает Ф. Энгельс в работе «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Он полагает, что произошедшая из общества сила, ставящая себя над ним, и есть государственная власть, состоящая из особых вооруженных лиц, находящихся на службе у государства, жандармерий, тюрем и принудительных учреждений⁴.

Понимание государства как субъекта государственной власти актуально и сегодня. Определяя государственную власть Г. Б. Власова и Е. И. Изотов, например, указывают, что её выражением является воздействие органов и должностных лиц государства на население страны⁵. Аналогичной позиции придерживается А. П. Рогов, указывающий, что «обязательным субъектом

---

¹ См.: Иванников И. А. Легитимность и эффективность государственной власти в России: теоретико-методологический анализ // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2009. Т. 7. № 4-3. С. 31.

² См.: Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1: Сочинения на немецком и русском языках / под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. М., 2014. Т. 5. С. 309–317.

³ Новгородцев П. Государство и право // Вопросы философии и психологии, 1904, - Год XV, кн. 75 (V). С. 531.

⁴ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения: в 3 т. М., 1986. Т. 3. С. 122–123.

⁵ См.: Власова Г. Б., Изотов Е. И. Власть государственная и власть судебная (диалектика соотношения понятий) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2018. № 7 (98). С. 65.

[государственного принуждения] ... выступает государственный орган или должностное лицо»¹.

Поскольку государство является идеальным конструктом, который не существует в материальном мире непосредственно, постольку деятельность от имени государства осуществляет его аппарат в лице соответствующих органов и должностных лиц. При этом под государственным органом применительно к настоящему исследованию следует понимать не фантомную надличностную категорию коллегиальных органов, а единоличные государственные органы, в которых категории государственного органа и конкретного должностного лица совпадают. В противном случае от имени юридической фикции – государства действует юридическая фикция – государственный орган, что не выдерживает критики. В связи с изложенным при дальнейшем использовании категории «должностные лица государства» или «государственные должностные лица», ввиду отсутствия существенных различий применительно к задачам исследования, в работе будут использоваться как синонимы и под ними будут подразумеваться как собственно указанные должностные лица, так и государственные органы, совпадающие с конкретным должностным лицом, а также лица, специально наделенные соответствующими властными полномочиями (о чем будет сказано далее).

Возвращаясь к рассмотрению вопроса о составе участников отношений государственной власти, обратим внимание на верное, по нашему мнению, замечание И. Канта, согласно которому верховная власть в государстве может принадлежать только воле народа².

Такой же позиции придерживался, например, Л. И. Петражицкий, к ней склоняются и современные авторы³. Любое государство легитимируется

---

¹ Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 76.

² См.: Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1: Сочинения на немецком и русском языках. С. 309.

³ См.: Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 214; Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1994. С. 28–29; Абдулаев М. И. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений. М., 2004. С. 25–26; Чиркин В. Е. Научные исследования Л. С.

обществом и поэтому должно с той или иной степенью полноты оправдывать ожидания народа, исполнять его консолидированную волю под угрозой делегитимации. В основанном на воле народа демократическом государстве данный вопрос обладает особой, высокой значимостью. Государство представляет собой орудие (способ, метод) реализации общественной воли – следовательно, со стороны властвующего в государственно-властных отношениях выступает не государство, а общество, осуществляющее свою деятельность, реализующее свои интересы посредством государства.

Сказанное коррелирует с позицией М. И. Байтина, которым на основе марксистско-ленинской методологии доказывалось, что государство всегда является орудием политической власти определенного класса¹. И хотя современные реалии существенно изменили понимание классовости общества, несамостоятельная роль государства осталась неизменной.

Необходимо сделать еще одно уточнение относительно круга лиц, выступающих на стороне властвующего в государственно-властных отношениях.

Возможны ситуации, когда применение государственной власти делегируется негосударственным должностным лицам: например, капитану корабля. Так, частью 4 статьи 31 Кодекса внутреннего водного транспорта Российской Федерации закреплено, что в случае обнаружения на судне, находящемся в плавании, признаков преступления, предусмотренного уголовным законодательством Российской Федерации, капитан судна не только вправе, но и обязан задержать лицо, подозреваемое в совершении такого преступления, до передачи его компетентным органам в ближайшем порту или ближайшем населенном пункте.

Как справедливо отмечено Д. Д. Якадиным, юридическое делегирование представляет собой «деятельность компетентного лица (доверителя), выраженная

Мамута и некоторые новые проблемы государствоведения // Труды института государства и права Российской академии наук. 2016. № 2 (54). С. 21.

¹ См.: Байтин М. И. Государство и политическая власть: теоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. М., 1973. С. 7–8.

в передаче определенного объема полномочий другому лицу (делегату) с соблюдением установленного порядка и формы, влекущая правовые последствия» Делегирование, указывает автор далее, является вторичным актом, в рамках которого происходит передача обязанностей и прав, однако доверитель не теряет принадлежащих ему компетенций правообладания¹. Иными словами, делегирование концептуально можно понимать как управленческую деятельность уполномоченных лиц (в рассматриваемом случае – должностных лиц государства), заключающаяся в поручении иным лицам (например, капитану корабля) выполнять функции должностных лиц государства.

Из сказанного следует, что использование государственными должностными лицами управленческих решений, заключающихся в делегировании или ином предоставлении принадлежащих им властных полномочий иным лицам (использования возможностей лиц, не являющихся должностными лицами государства), не изменяет факта осуществления государственной власти именно должностными лицами государства, которыми дается указанное поручение. Такой способ осуществления государственной власти возможно именовать опосредованным, то есть осуществляемым с привлечением иных лиц. Опосредованное применение государственной власти дополняет непосредственное применение государственной власти государственными должностными лицами.

При этом последующее признание в качестве факта применения государственной власти ранее совершенных сторонним лицом или лицами принудительных действий (санкционирование) в рассматриваемом случае видится неверным, поскольку на момент совершения действия они не были продиктованы адресованными государству и отраженными в законодательстве требованиями общества, а также выполнены не уполномоченным лицом (лицами), даже если они были совершены в государственных интересах. Данный факт, однако, не

---

¹ См.: Якадин Д. Д. Юридическое делегирование: теория, практика, техника : автореф. дис. ... канд. д-ра. юрид. наук. Нижний Новгород, 2020. С. 10–11.

препятствует последующему признанию действий лица (лиц) законными и одобряемыми.

Следующим значимым вопросом является понимание подвластного субъекта в государственно-властных отношениях.

Если государство является орудием реализации консолидированной воли, продуцируемой обществом, то в этом смысле общество в целом не может быть подвластным ни государству, как своему орудию, ни самому себе. Вместе с тем общая воля общества не тождественна простой совокупности воль всех ее членов¹: каждое отдельное лицо не является самостоятельным субъектом государственной власти – оно подчиняется консолидированной воле общества, и, значит, подвластно ему. Эта концепция была изложена еще в XVII в. Т. Гоббсом. Он писал, что государство, как «единое лицо», является «сувереном», а отдельный человек – подданным². Такого подхода придерживаются и отдельные современные ученые³, с чем следует согласиться.

Таким образом в государственно-властных отношениях властвующим субъектом следует считать общество в лице государства (его органов и должностных лиц либо действующих по их поручению лиц), а подвластным – лицо, обладающее свойствами участника властных отношений.

Вместе с тем, нельзя утверждать, что использование термина «общество» применительно к рассматриваемому вопросу бесспорно. Исследуя проблемы государства одними авторами предпочтение отдаётся приведённому термину (А. А. Коновалов, Я. С. Игнатенко⁴ и др.), иные используют термины «население» и

---

¹ Нетождественность воли общности людей простой совокупности воль, входящих в него лиц, подтверждается и иными исследователями (см., например: Махмудов Т. З. Понятие этноса и других категорий этнических групп // Аналитика культурологии: электронное научное издание. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2013. № 26. URL: <http://www.analiculturolog.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

² См.: Гоббс Т. Сочинения: в 2 т. / пер. с лат. и англ.; сост., ред. В. В. Соколов. М., 1991. Т. 2. С. 133.

³ См.: Федоровских А. А. Власть: аналитика понятия и феномена // Вопросы управления. 2015. № 3 (34). С. 28.

⁴ См.: Коновалов А. А., Игнатенко Я. С. Государственная власть как разновидность социальной власти // Ростовский научный журнал. 2017. № 4. С. 55.

«общество» как синонимы (Д. А. Липинский, Р. А. Хачатуров¹ и др.). Используется также термин «народ»².

Отвечая на данный вопрос следует солидаризироваться с Л. С. Мамутом, справедливо указавшим, что «В рамках государства общество и народ явления однопорядковые и по-своему «человеческому материалу» тождественные». Государственно-организованное общество, как указано автором, синонимично народу, организовавшемуся в государство³.

Следует сказать несколько слов о целях государственно-властных отношений. Как ранее отмечено в работе применительно к целям властных отношений, они устанавливаются участниками самостоятельно, а их столкновение при подкреплении волями противостоящих сторон образует концептуальную для власти конфликтность.

Государственная власть воспринимает приведенный подход: она направлена на достижение стоящих перед властвующим обществом целей. Причем избранные цели не ограничиваются какой-либо направленностью и избираются обществом свободно, в зависимости от существующих вызовов и тенденций.

Также обратим внимание на две проблемы, поставленных во второй половине прошедшего века исследователями природы государственной власти М. Фуко и С. Луксом, подходившим к ее изучению с разных методологических позиций.

Так, французский философ и политолог М. Фуко предположил, что следует различать два режима существования государственной власти – т. н. «старый», при котором власть была воплощена в королевском теле, и «современный», где власть, по сути, является рассеянной по всему социальному пространству и не принадлежит во всей своей полноте ни одному из его субъектов. С этой точки

---

¹ См.: Липинский Д. А., Хачатуров Р. Л. Теория государства и права: курс лекций. Тольятти, 2008. С. 63.

² См.: Кант И. Метафизика нравов. Ч. 1: Сочинения на немецком и русском языках. С. 315.

³ См.: Мамут Л. С. Государство как публично-властным образом организованный народ // Журнал российского права. 2000. № 3. С. 88–94.

зрения, существенно отличающейся от классической политической теории власти, ни народ, ни его представители не являются источниками власти, поскольку в условиях отсутствия абсолютного монарха власть перераспределяется от единственного центра (короля) к многочисленным центрам, которыми оказываются разнообразные дисциплинарные институты и действующая в их рамках бюрократия¹.

На наш взгляд, такой подход к определению государственной власти может быть принят только с определенными оговорками. Так, если даже и согласиться с М. Фуко в том, что в XVIII – XIX вв. в Европе, а затем и по всему миру возникает политическое пространство, лишенное центра, в котором сосуществуют многочисленные «очаги власти», то придется признать, что, во-первых, это пространство является субъектом, воздействующим на свой объект через принуждение, а, во-вторых, оно состоит из особых «очагов власти» - дисциплинарных (принуждающих) институтов. Как отмечал М. Фуко в одной из своих лекций, «мы живем в эпоху государственного управления, открытого в XVIII в. Превращение государства в управленческое государство – это явление, вызвавшее массу ответных реакций, поскольку, по мере того как задачи государственного управления и техники управления становились, по существу, единственной ставкой в политике и единственным реальным пространством борьбы и политических схваток, подобное превращение государства в управленческое государство позволило государству выжить»². С приведенных позиций наделение «пространства» статусом властвующего едва ли возможно, в т. ч. в виду отсутствия бесспорной возможности воздействия такого рода властвующего на подвластного.

---

¹ См.: Михель Д. Власть, управление, население: возможная археология социальной политики Мишеля Фуко // Журнал исследований социальной политики. 2003. № 1. С. 92–94.

² Фуко М. Искусство государственного управления // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. М., 2005. Ч. 2. С. 208.

Что касается концепции государственной власти, разработанной С. Луксом и его последователями, то она основана на презумпции наличия у политической власти «третьего измерения».

Помимо лиц и их групп, способных добиваться успеха в принятии решений и поэтому властвующих в обществе («первый лик власти»), и наличия у наделенного властью субъекта способности не допускать принятия таких решений, которые невыгодны для него («второй лик власти»), это «третье измерение» или «третий лик власти» проявляется в способности властвующего субъекта сформировать такую систему убеждений и ценностей у подвластного объекта, которая выгодна субъекту и, одновременно, противоречит «реальным», подлинным интересам объекта. Следует поддержать критиков этой концепции, один из главных аргументов которых, как обоснованно отмечает В. Г. Ледяев, состоит в том, что «неправомерно относить к власти любое внешнее давление, а также оценивать результат власти и определять ее субъекты по тому, кто получает наибольшую выгоду из создавшейся ситуации»¹. Аналогично следует относиться и к «четвертому лику власти», основанному на сформированных у подвластных субъектов стереотипах, привычках, паттернах поведения.

Дальнейшее рассмотрение государственной власти требует изучения признаков данной категории, выделяемых исследователями. Как отмечалось ранее, государственная власть была и остается в числе наиболее интересующих исследователей категорией, что предопределило весьма значительное количество подходов к её пониманию. Охватить все или даже значительную часть этих подходов в диссертационном исследовании не представляется возможным, в связи с чем мы ограничились наиболее показательными, характеризующими ход научной мысли в данной сфере подходами исследователей прошлого и современности, которые нами приводятся, а затем рассматриваются.

Анализируя государственную власть М. И. Абдулаев, указывает на то, что государственная (публичная) власть выступает от имени народа и учреждается им.

---

¹ См.: Ледяев В. Г. Политическая власть: концептуальный анализ. С. 40.

Функцией государственной власти является управление, требующее наличия лиц, призванных осуществлять задачи и функции государства. По мнению М. И. Абдулаева государственная власть ограничена, во-первых, свободами и правами граждан, и, во-вторых, властными полномочиями других государств, а также обладает неразрывными связями с правом – организация государственной власти должна быть основана только на правовых началах. В соответствии с таким пониманием государственной власти, она характеризуется такими признаками, как: является представительной, то есть осуществляет свою деятельность от имени народа; является легитимной, то есть народ признает ее право управлять им и согласен подчиняться этой власти, для осуществления своих задач и функций обладает призванным осуществлять функции управления обществом с помощью специальных государственных органов аппаратом управления¹.

С. С. Алексеев определяет государственную власть как систему властеотношений, реализующую функции государства и основанную на аппарате принуждения². По мнению С. С. Алексеева государственная власть является системой подчинения, характерной для государства. Признаками государственной власти, с его точки зрения, являются: публичность, т. к. государственная власть выступает от имени всего общества, всего народа и имеет «публичную» основу для своей деятельности – казенное имущество, доходы, налоги; аппаратность, т. к. она концентрируется в аппарате, системе органов государства и через эти органы осуществляется; законность, под которой С. С. Алексеев понимает поддержку власти законом, позволяющую ей при помощи аппарата и юридических норм делать свои веления обязательными для населения страны; суверенность, то есть независимость от иных властей; легитимность, то есть наличие статуса юридически обоснованной и общественно признанной, в том числе мировым сообществом³.

---

¹ См.: Абдулаев М. И. Указ. соч. С. 24–26.

² См.: Алексеев С. С. Государство и право. Начальный курс. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1994. С. 28.

³ См.: Там же. С. 29.

М. И. Байтиным государственной (политической) властью именуется такая власть, «которая исходит от государства и реализуется не иначе как при его участии». Автором также подчеркивается, что «... основным имманентным ей элементом является право...»¹.

Ф. М. Бурлацким подчеркивается, что только государственная власть обладает монополией на то, чтобы «принудить членов общества к выполнению своих (то есть государства) предначертаний». Она определяется исследователем как форма политической власти, располагающая монополией на издание обязательных для всего населения распоряжений, обладающая классовым характером, опирающаяся на специальный аппарат принуждения как на одно из средств обеспечения соблюдения изданных законов и распоряжений².

И. А. Ильин выделяет такие сущностные признаки государственной власти, как: она может принадлежать лишь правомочным; она всегда должна осуществляться удовлетворяющими политическому и этическому цензу лучшими людьми; должна быть едина; программа государственной власти может включать в себя лишь осуществимые реформы или меры; она принципиально связана распределяющей справедливостью, но вправе и обязана отступить от нее тогда, когда этого требует поддержание государственного или национально-духовного бытия народа. При этом водворение справедливости в общественной жизни людей является, подчеркивает И. А. Ильин, одной из основных задач государственной власти³.

---

¹ Байтин М. И. Государство и политическая власть: теоретическое исследование. С. 13-15.

² См.: Политические системы современности (очерки) / отв. ред. Ф. М. Бурлацкий, В. Е. Чиркин. М., 1978. С. 23–27.

³ См.: Ильин И. А. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 4: Понятия права и силы. Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания. О монархии и республике. Из лекций «Понятия монархии и республики» / И. А. Ильин; сост., вступит. ст. и ком. Ю. Т. Лисицы. М., 1994. С. 166–186.

В. В. Лазарев определяет государственную власть как руководство обществом с использованием государственного аппарата при опоре на специальные принудительные учреждения, особые отряды вооруженных людей¹.

П. И. Новгородцевым указывается, что в основе государственной власти находятся «твердые нормы», вытекающие из природы данного отношения, то есть нормы естественного права². Н.А. Власенко по данному поводу обоснованно указывает, что государственная власть попросту не способна быть неаргументированной с позиции признанных человечеством ценностей³.

Л. И. Петражицкий в начале XX в. писал, что господствующим среди современников пониманием государственной власти является трактовка ее в качестве единой, обладающей непреодолимой силой воли государства как особой личности. Некоторые, однако, продолжает автор, сравнивают государственную власть со снабженной принудительной силой волей правителей, а некоторые – просто лишь с силой⁴. Сам основоположник психологической теории права и государства с таким подходом не соглашается и считает, что современное ему государствоведение заблуждается относительно сферы нахождения и природы исследуемых феноменов, а такого рода определения, по его мнению, носят «наивно-проекционный» и даже «фантастический» характер⁵. Сущность государственной власти, по мнению учёного, нужно искать в области эмоциональных проекций.

Государственная власть, Л. И. Петражицкого, не «воля» и не «сила», а приписываемое данному лицу другими и им самим общее, основанное на исполнении обязанности служения общему благу, социально-служебное право поведения и воздействия на подданных⁶. Содержание же власти заключается в

---

¹ См.: Общая теория права и государства: учебник / под ред. В. В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 24.

² См.: Новгородцев П. Государство и право // Вопросы философии и психологии. М., 1904. Год XV, кн. 74 (IV). С. 424.

³ См.: Власенко Н. А. Современное российское государство: очерки. М., 2023. С. 31.

⁴ См.: Петражицкий Л. И. Указ соч. С. 207.

⁵ См.: Там же. С. 223, 208.

⁶ См.: Там же. С. 214.

правоотношениях, которые состоят в обязанности одних – подвластных – исполнять всякие приказания других – наделенных властью – и терпеть всякие воздействия со стороны наделенных властью. Обязанности в указанных отношениях закреплены за другими как их права¹.

И. В. Солонько, рассуждая о признаках государственной власти, утверждает, что только ее субъекты имеют право на издание имеющих общеобязательный характер нормативных актов и могут применять как метод убеждения, так и метод принуждения². Ученый определяет государственную власть как систему структурного управления на профессиональной основе и в соответствии с нормами международного и конституционного права. Она реализуется через сферу материальных так и идеальных явлений. К идеальным элементам им относятся государственная воля, авторитет государственной власти и государственную идеологию, а к материальным – государственные органы и их сотрудников. Государственная воля, по мнению И. В. Солонько, формируется в процессе овладения государственной властью и представляет собой сознательную саморегуляцию властвующим своей деятельности, обеспечивающей преодоление сопротивления подвластных ему лиц. Воля властвующего проявляется в его осознанной деятельности для достижения поставленной цели, способности и намерений ее добиться. В государственной власти может быть воплощена общая воля верховной государственной власти (например, монарха), господствующей социальной группы (например, класса) или всего народа³.

В. Н. Хропанюк пишет: «Через целую систему своих органов и учреждений государство осуществляет непосредственное руководство обществом, закрепляет и реализует определенный режим политической власти, защищает

---

¹ См.: Там же. С. 208.

² См.: Солонько И. В. Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2010. С. 46, 58. Аналогичной позиции придерживается М. И. Абдулаев (см.: Абдулаев М. И. Указ. соч. С. 24).

³ См.: Солонько И. В. Указ. соч. С. 45–47, 58.

неприкосновенность своих границ»¹. По его утверждению, механизм государства является материальным выражением государственной власти.

Г. Ф. Шершеневичем государственная власть определяется как «основанная на самостоятельной силе воля одних (властвующих) подчинять себе волю других (подвластных)», а в её основе находится «инстинкт самосохранения человека»².

По результатам обобщения предлагаемых исследователями подходов к пониманию признаков государственной власти выделим такие ее характеристики, признаваемые большинством ученых, как:

- легитимность (М. И. Абдулаев, С. С. Алексеев и др.);
- суверенность (С. С. Алексеев, В. Н. Хропанюк и др.);
- основанность на праве (М. И. Байтин, Л. И. Петражицкий и др.) и принудительности (Ф. М. Бурлацкий, В. В. Лазарев и др.);
- осуществление с использованием системы органов и должностных лиц (В. В. Лазарев, В. Н. Хропанюк и др.).

Несмотря на то, что научный авторитет является одним из системообразующих столпов знания, в связи с чем необходимость в повторном обосновании признаков государственной власти отсутствует³, отметим, что не вызывает сомнений отнесение к признакам государственной власти легитимности⁴, поскольку без признания обществом за государством права существовать (в том числе осуществляя власть), невозможно как само государство, так и любая его деятельность. Такую же позицию следует занять в отношении суверенности, поскольку её отсутствие лишает государство возможности в полном объеме отражать интересы легитимирующего его общества, что приведет к

---

¹ Хропанюк В. Н. Теория государства и права: учебник для высших учебных заведений / под ред. В. Г. Стрекозова. М., 2006. С. 58–60.

² Шершеневич Г. Ф. Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников, М., 2016. С. 185, 199.

³ См.: Кузьминов В. Рецензия на книгу: Ледаев В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирических исследований власти в городских сообществах // Социология власти. 2012. № 4–5. С. 272.

⁴ См. подробнее: Денисенко В. В. Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. СПб, 2020.

делеги́тимизации (гибели) государства и невозможности осуществления государственной власти.

Убедительным видится неразрывность государственной власти и принудительного характера предпринимаемых мер. Это объясняется необходимостью реализации функций государства даже в тех случаях, когда государству оказывается противодействие, преодолеть которое помогают государственные меры, носящие принудительный характер, о чем будет сказано далее. При этом реализация государственной власти очевидно требует наличия специальных лиц, приводящих указания государства в исполнение.

Вызывает интерес вопрос основанности государственно-властных отношений на праве. Во-первых, государство, осуществляющее государственную власть, заинтересовано в своей легитимации обществом даже в тех случаях, когда оно не является демократическим в полном и точном смысле слова: революции, произошедшие как на территории России, так и в государствах с монархическими или республиканскими формами правления, служат тому примером. Неоснованное в понимании общества, то есть не основанное на праве применение государственной власти, способно вызвать делегитимационные процессы в отношении государства и в итоге привести к его гибели, поэтому для государства недопустимо. В связи с этим под угрозой утраты собственной легитимности государством по общему правилу не реализуется власть, противоречащая общественной воле.

Во-вторых, право, находящее свое отражение в законодательстве¹, выступает в роли установленного порядка действий для государства, а точнее представленным ему обществом алгоритмом функционирования, который государство, в силу фиктивности, объективно не может ни обойти, ни игнорировать (выполняет организационную роль).

---

¹ См.: Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 63.

Следовательно, государственная власть объективно основана на отраженном в законодательстве праве, связана им и обладает правовым характером (это же предопределяет отнесение государственного принуждения к числу правомерных форм реализации государственной власти, что будет рассмотрено далее).

Отдельными авторами выделяются и иные признаки государственной власти, которые не обладают общепризнанным характером.

Так, учеными указывается на психическую природу государственной власти (Л. И. Петражицкий, Г. Ф. Шершеневич). Признавая справедливость этой точки зрения, отметим, что психика является свойством высокоорганизованной материи, которое заключается в отражении объективной окружающей действительности в форме идеальных образов¹, в связи с чем указывать на психическую природу как свойство только государственной власти представляется неверным. Психическая природа может быть свойственна и иным видам общественных отношений, проявляясь в них.

Исследователи приводят и такие признаки государственной власти, как классовый характер (Ф. М. Бурлацкий). С таким подходом сложно согласиться, поскольку, например, относимая к видам социальной власти власть групп также способна носить классовый характер. Следовательно, классовый характер не характеризует именно государственную власть и не является признаком последней, хотя и может быть ей свойственен.

Таким образом, предлагаемые признаки не позволяют идентифицировать именно государственную власть среди смежных явлений, являются уточняющими характеристиками, раскрывающими в большей мере вопрос о происхождении государственной власти, а не о его сущности, в связи с чем основания для их отнесения к самостоятельным признакам государственной власти, полагаем, отсутствуют.

Выделение в качестве самостоятельного признака государственной власти функций управления общественной жизнью (М. И. Абдулаев) и руководства

---

¹ См.: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 474.

обществом (В. Н. Хропанюк) полагаем неверным в связи с тем, что управление общественной жизнью и руководство обществом не осуществляются только средствами государственной власти. Они реализуются посредством многообразия существующих регуляторов, в том числе политической властью.

Исследователями и учеными выделяются и иные признаки государственной власти, являющиеся либо не детализированными вариациями основных признаков, как в случае с полномочиями нормотворчества и публичности (С. С. Алексеев); либо акцентирующими внимание на таких свойствах, которые сами по себе не отражают специфики государственной власти, поскольку они применимы к любой власти, как, например, наличие воли участников отношений (И. В. Солонько) или основанность на нормах естественного права (П. И. Новгородцев); либо указывают на такую динамическую категорию, как задачи государства, которые могут существенно отличаться, в связи с чем нами дополнительно не рассматриваются.

С учетом полученных результатов предлагаем под государственной властью понимать направленное на достижение стоящих перед обществом целей нормативно регламентированное социальное отношение, при котором действующие от имени общества уполномоченные государством лица ограничивают самостоятельные волевые действия (бездействие) субъекта (субъектов) за счет доминирования в любом легально доступном им властном ресурсе.

На практике достаточно часто возникают такие ситуации, когда субъекты государственной власти либо прибегают для реализации своих политических целей к таким ресурсам власти, которыми они не наделялись (например, превышение должностных полномочий), либо используют изначально нелегальные и/или нелегитимные ресурсы (например, взятка). Как верно отмечает В. Г. Ледяев, «в этом случае власть не является государственной по своему источнику (основе), она может считаться государственной только по субъекту»¹.

---

¹ См.: Ледяев В. Г. Политическая власть: концептуальный анализ // Управленческое консультирование. 2009. № 4. С. 36–37.

Таким образом, должностные лица государства могут использовать в процессе ее осуществления только те властные ресурсы, которыми они обладают легально как представители государства.

Отметим, что учеными предлагается значительное количество подходов к классификации и типологизации власти в целом и государственной власти в частности.

Так, Л. И. Петражицкий подразделяет власть, государственную в том числе, в зависимости от ее широты, на общую, то есть основанную на обязанностях послушания велениям властвующего, каким бы ни было их реальное содержание, и терпении любых воздействий, и специальную, то есть ограниченную конкретной областью поведения. В зависимости от наличия у властвующего обязанностей основоположник психологической теории государства и права подразделяет власть на служебную, называемую им также социальной, и господскую. Под «социальной властью» Л. И. Петражицкий понимает власть, с которой сочетаются обязанности заботиться о благе подвластных или об общем благе определенной группы лиц, а под «господской властью» – ту власть, которая может свободно использоваться господином для личных целей и интересов¹. Аналогичной позиции придерживается Н. Н. Алексеев, относя к «социально-служебной власти» ту власть, которая совершается во имя каких-либо высших целей и ценностей, а к «хозяйской» – власть в интересах конкретного лица – хозяина. Примером последней он считал власть частного собственника².

В. В. Рачинский обращает внимание на то, что неравенство участников во властеотношениях обусловлено многими причинами, к которым относятся также индивидуальное физическое и интеллектуальное превосходство. Указанная форма власти именуется автором «индивидуальной властью»³.

---

¹ См.: Петражицкий Л. И. Указ соч. С. 208–209.

² См.: Алексеев Н. Н. Русский народ и государство. М., 2003. С. 214–220, 258–263.

³ См.: Рачинский В. В. Публичная власть как общеправовая категория: теоретико-прикладной аспект : дис. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2003. С. 35.

Помимо индивидуальной власти, исследователями выделяется социальная власть, то есть такая, где лицо становится властвующим в связи с имеющимся у него социальным статусом. Как полагает В. В. Рачинский, при социальной власти «лицо становится субъектом властного отношения в силу наличия у него определенного социального статуса – статуса главы семьи, директора предприятия, лидера партии и т. д.»¹.

И. В. Солонько выделяет, в зависимости от сферы функционирования, такие власти, как правовая; духовная (в том числе религиозная); политическая (в том числе государственная); экономическая; социальная; информационная; военная. В зависимости от уровня он подразделяет власть на местную, региональную и федеральную; в зависимости от властвующего лица, по мнению автора, можно различать народную, парламентскую, президентскую, правительственную, судебную, классовую, партийную. По режиму правления власть подразделяется И. В. Солонько на следующие виды: 1) бюрократическая; 2) демократическая; 3) деспотическая; 4) авторитарная; 5) тоталитарная².

Менее известна предлагаемая А. А. Федоровских дифференциация власти в зависимости от легитимирующего источника – на профанную и сакральную. По мнению автора, власть изначально являлась единой, при этом ее доминирующей частью оставался сакральный, духовный элемент. Мирская (профанная) власть, противопоставляя себя сакральной власти и претендуя на первенство, а также на подчинение себе сакральной власти, поглощает ее, что приводит к включению структур, содержания и функций сакральной власти в объем светской власти³.

Значительное число классификаций и типологизаций форм власти разработано в рамках политологии. Исследователями при разграничении форм власти по различным критериям (в зависимости от выполняемых политических функций, роли властвующего лица и др.) выделяются такие формы политической

---

¹ Рачинский В. В. Указ. соч. С. 35.

² См.: Солонько И. В. Указ. соч. С. 42–44.

³ См.: Федоровских А. А. Политическая власть в современной России: проблемы легитимации власти и проблема разделения властей // Вопросы политологии и социологии. 2013. № 1 (4). С. 39–40.

власти, как: господство, руководство, управление, организация, контроль, авторитет, влияние и иные¹.

Признавая значимость предлагаемых авторами классификаций и типологий, в том числе не получивших широко признания в современной отечественной правовой и политической науке², считаем необходимым обратиться к разграничению форм реализации власти (далее также – форм власти) по критерию способов (именуемых исследователями также источниками, основами) подчинения подвластного. Такая дифференциация власти предполагает возможность выявления зависимости между властным отношением и его содержанием, что представляется важным в контексте настоящего исследования и значимым для юриспруденции в целом.

Автор одной из наиболее авторитетных концепций дифференциации власти В. Г. Ледяев, выделяет такие формы власти, как сила, побуждение, принуждение, манипуляция, убеждение, авторитет. Под силой он понимает способность властвующего, называемого им «субъектом власти», достигать желаемых результатов во взаимоотношениях с подвластным (т. н. «объектом власти») путем прямого воздействия на тело или психику объекта, либо посредством ограничения его действий. Принуждение определяется В. Г. Ледяевым как способность субъекта обеспечить подчинение объекта посредством угрозы применения негативных санкций в случае его неповиновения. Под побуждением понимается способность субъекта обеспечить объект необходимыми ему ресурсами при условии выполнения им воли субъекта, то есть посредством позитивных санкций. По мнению исследователя, при убеждении власть состоит в тех доводах, которые субъект может употребить для подчинения объекта. При этом манипуляция характеризуется способностью субъекта власти оказывать латентное влияние на объект. Субъект власти обладает авторитетом – совокупностью характеристик,

---

¹ См.: Кольсариева Н. Ш. Понятие политической власти и её сущность // Восточно-европейский научный журнал. 2017. №1-2 (17). С. 120; Богомяков В. Г., Бурханов Р. А. Власть, политика, государство: учебное пособие для студентов университетов. Нижневартовск, 2014. С. 10–12.

² См., например: Ушакин С. А. Образование как форма власти // Экономика образования. 2012. № 1. С. 50–55.

обязывающих объект исполнить любое указание субъекта независимо от его содержания¹.

Как отмечено нами выше, к власти следует относить только отношения, содержащие в себе конфликт. Вместе с тем такие формы власти, как убеждение, побуждение, авторитет и манипуляция, в предлагаемом В. Г. Ледяевым понимании, не содержат в себе конфликта. Так, при убеждении, как указывает ученый, воля, в значении направленности подвластного на достижение поставленных перед ним целей, изменяется в соответствии с желаниями властвующего за счет приведения им аргументов, значимых для подвластного. Иными словами, воли участников таких отношений не препятствуют друг другу в процессе их реализации, следовательно, отсутствуют причины для конфликта между ними.

Авторитет, полагаем, является частным случаем убеждения, спецификой которого следует признать то, что воздействие происходит за счет особых свойств властвующего: знаний, умений, опытности и т. п. властвующего, на которые он ссылается, чтобы заслужить уважение подвластного (именно в его понимании все эти качества властвующего субъекта обладают особой природой, позволяющей ему властвовать).

Манипуляция основывается на осознанном введении подвластного в заблуждение, за счет чего его воля формируется желаемым для властвующего лица образом. Очевидно, что такое отношение также не содержит в себе причин для возникновения конфликта.

Побуждение, согласно концепции В. Г. Ледяева, подразумевает несогласие подвластного исполнять команду без дополнительного стимулирования в форме вознаграждения, предложенного властвующим². Применительно к этой форме власти считаем необходимым обратить внимание на механизм стимулирования подвластного. В рассматриваемом случае подвластный, обладая какой-либо целью и волей к ее достижению, подпадает под действие властвующего, предлагающего

---

¹ См.: Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. С. 344–345.

² См.: Там же. С. 287.

совершить что-либо, отличное от достижения целей, стоящих перед подвластным, за вознаграждение. Подвластный, таким образом, ставится в положение, в котором возникает возможность выбора – стремиться к достижению ранее поставленных целей, то есть сохранить волю к их достижению, либо сменить волевою направленность для получения вознаграждения, которое, кроме того, может затем упростить достижение подвластным изначально стоящих перед ним целей. К примеру, если лицо («подвластный» по В. Г. Ледяеву) активно желает обладать домом и осуществляет его самостоятельное строительство, то побуждение иным лицом («властвующим» по В. Г. Ледяеву) осуществить какие-либо действия за вознаграждение, позволяющее покрыть часть затрат на строительство дома, хотя и изменит волевою акцентуацию (направленность) подвластного, конфликта между побудителем и побуждаемым не повлечет. Кроме того, оно способно привести к постройке подвластным дома – реализации им своей первоначальной цели.

Следовательно, при дифференциации власти, в том числе государственной, по критерию источников подчинения властвующему лицу подвластного оправданно выделять как минимум такие формы реализации власти, как власть в форме силы и власть в форме принуждения¹. Понимание силы и принуждения как форм власти также согласуется с пониманием формы как «способа существования содержания предмета, служащего его выражением»², поскольку они определяют специфику проявления власти в объективной действительности.

Иные выделяемые В. Г. Ледяевым виды воздействия (манипуляция, побуждение, убеждение и авторитет как частный случай убеждения) в связи с отсутствием конфликта в системе отношений субъекта и объекта воздействия к числу властных не относятся³.

---

¹ Вместе с тем, учитывая сложившееся в исследовательской среде понимание предложенных В. Г. Ледяевым терминов «сила» и «принуждение», допустимым видится использование указанных понятий в кратком (сила, принуждение) и полном (власть в форме силы, власть в форме принуждения) виде как равнозначных (см., например: Аникевич, А. Г. Политология: учебное пособие / А. Г. Аникевич [и др.]; под ред. А. Г. Аникевича, С. П. Дуреева. 3-е изд., испр. и доп. Красноярск, 2006. С. 48–49).

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 855.

³ Эти формы, учитывая значения, придаваемые им В. Г. Ледяевым, следует относить к формам иного воздействия или иных воздействий субъекта на объект, например, влияния, то есть действия, оказываемого кем-либо или чем-либо на кого-либо или что-либо (см.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 86) либо управления, то есть направления хода движения чего-либо (см.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 836).

С рассматриваемых позиций государственная власть является базовой, основной категорией по отношению к государственному принуждению, тогда как последняя, воспринимая свойства материнской категории, индивидуализируется за счет дополнения собственными признаками. Таким образом государственная власть выступает детерминантой, обуславливает и определяет сущность государственного принуждения. Иными словами, государственное принуждение производно от государственной власти, находится с ним во взаимосвязи и детерминировано последней.

Не вдаваясь в выходящий за пределы настоящего исследования вопрос о реализации власти в форме силы (силового воздействия), отметим, что, как указано В. Г. Ледяевым, при использовании силы властвующий оперирует с подвластным, как с абстрактным физическим телом. Такая операция, по своей природе, не предполагает наличия обратной связи и повиновения объекта¹, то есть лицу, осуществляющему власть в форме силы, безразлично поведение подвластного как самостоятельная деятельность, оно им не учитывается: значимый для властвующего результат власти в форме силы достигается прямым управлением подвластным со стороны властвующего и не предусматривает самостоятельного поведения подвластного. Напротив, принуждение В. Г. Ледяев понимает как способность властвующего обеспечить подчинение подвластного путем угрозы использования негативных санкций в случае неповиновения, то есть оно предполагает вариативность поведения принуждаемого, заключающуюся в повиновении или неповиновении подвластного требованиям властвующего.

И хотя подход В. Г. Ледяева к пониманию принуждения будет рассмотрен нами далее, применительно к вопросу соотношения силы и принуждения уместно отметить, что выявленное отсутствие значения самостоятельных действий подвластного для властвующего при реализации власти в форме силы, по сравнению с принуждением, позволяет утверждать, что значимость поведения подвластного для непосредственно властвующего (уполномоченного государством

---

¹ См.: Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. С. 283.

лица) является разграничивающим критерием между властью в форме силы и властью в форме принуждения. В том случае, если поведение подвластного не имеет значения для властвующего, следует говорить о власти в форме силы. При этом наличие у принуждаемого лица вариативности поведения, то есть некоторой свободы, свидетельствует о более мягком, по сравнению с властью в форме силы, воздействии на подвластного, где какая-либо свобода подвластного не предполагается. Кроме того, свобода поведения подвластного в рамках власти в форме принуждения предполагает преимущественно психический путь воздействия на него властвующего лица, поскольку в таком случае подвластный может осуществлять в объективной реальности какие-либо самостоятельные действия (бездействие), направленные на реализацию требований властвующего (принуждающего) лица. Полагаем, что меньшая жесткость (степень вмешательства) принуждения, позволяющая минимизировать вторжение в сферу прав, свобод и законных интересов (далее также – прав и свобод) человека, предопределила распространенность указанной формы власти в демократических государствах¹.

Подчеркнем, что выделение указанных форм власти (принуждения и силового воздействия) не свидетельствует об отсутствии иных её форм, как и об их наличии. Данный вопрос не входит в границы нашего исследования и требует, думается, отдельного изучения. Однако до момента получения научных результатов основания как исключать силовое воздействие из числа форм власти, так и исходить из наличия иных, помимо власти в форме силы и принуждения форм, отсутствуют.

Итак, с учетом сложившихся в философии, политологии, социологии, юриспруденции подходах автором последовательно выделяются и рассматриваются свойства власти в одном из наиболее значимом для гуманитарного знания контексте – как отношения между властвующим и подвластным. К числу важнейших признаков властеотношения отнесен его

---

¹ См.: Кожевников С. Н. Государственное принуждение: регулятивно-охранительное назначение, формы // Юридический мир. 2010. № 9. С. 43 – 44.

социальный и целевой характер; конфликтность, возникающая в связи с расхождением воли участников данного отношения; преобладание ресурсов властвующего над ресурсами подвластного.

Как следствие формулируется гипотеза о том, что под властью следует понимать общественное отношение, заключающееся в подавлении властвующим воли подвластного за счет доминирования властвующего в доступных ему ресурсах и направленное на достижение стоящих перед ним целей.

Государственная власть априори имеет названные характеристики власти как базовой категории, обособляясь от нее, прежде всего, выступая от имени общества государственным должностным лицом либо специально уполномоченным субъектом, а также нормативной регламентированностью отношений.

Исследуя цели государственной власти, диссертант приходит к выводу о верности абстрагированного подхода к их дефинированию, полагая, что государственная власть направлена не на достижение каких-либо заранее установленных и неизменных ориентиров, а определяется обществом в зависимости от актуальных на настоящий момент вызовов и тенденций. Кроме того, государственная власть характеризуется ограничениями самостоятельных волевых действий (бездействия) со стороны подвластного лица на период ее реализации. Воля подвластного при этом сохраняется, однако ограничивается (в различной степени) в возможности осуществления до окончания государственно-властного воздействия.

Важное значение имеют социальный характер и нормативная регламентированность отношений государственной власти.

Социальный характер приведенных отношений предполагает возможность участия в них как со стороны властвующего, так и со стороны подвластного лишь физических лиц. При этом выступающее на стороне властвующего лицо обладает статусом государственного должностного лица (либо уполномоченного государством лица). С позиции численности участников фактических отношений

государственная власть может осуществляться в любой комбинации: лицо – лицо, лицо – группа лиц, группа лиц – группа лиц.

Нормативная регламентированность государственной власти обуславливает использование должностными лицами государства и уполномоченными им субъектами не каждого, а сугубо легально доступного им властного ресурса. Властвующий может использовать любой фактически доступный ему властный ресурс (экономический, политический, психологический и др.), соответствующий требованиям легальности.

Рассмотрение различных доктринальных подходов, имеющихся в науке, позволило автору сформулировать умозаключение о том, что под государственной властью следует понимать направленное на достижение стоящих перед обществом целей нормативно регламентированное социальное отношение, при котором действующие от имени общества уполномоченные государством лица ограничивают самостоятельные волевые действия (бездействие) субъекта (субъектов) за счет доминирования в любом легально доступном им властном ресурсе.

В зависимости от способов подчинения подвластному властвующему государственная власть может выступать в различных формах, в том числе в форме принуждения, в форме силы. Для каждой из данных форм государственная власть является детерминантой, т. е. базовой, обуславливающей их существование категорией. Государственное принуждение, как форма реализации государственной власти, отличается приоритетностью использования психологического способа воздействия, в связи с чем предполагает меньшее, по сравнению с властью в форме силы, вмешательство в область прав и свобод принуждаемого субъекта.

1.2. Государственное принуждение: понятие и сущность

Обыденное понимание принуждения, в отличие от власти, характеризуется бóльшим единообразием. Как в начале прошлого века принуждение определялось как действие со значением «силовать, заставлять»¹, так и в настоящее время «принуждать» понимается как «заставлять сделать что-нибудь»².

Однако исследователями, представляющими различные направления науки, в том числе юридической, принуждение понимается различно. Многообразие подходов требует осветить основные из них. При этом большое число авторских подходов предопределяет значительное количество рассматриваемых источников, что необходимо для обеспечения надлежащего охвата выделяемых авторами концептуальных признаков принуждения.

Своеобразно к вопросам принуждения подходят философы, большое внимание уделяя вопросу наличия (отсутствия) необходимости существования государственного принуждения. Так, Г. В. Ф. Гегель, признавая необходимость принуждения, понимает под ним подчинение внешней стороны человека власти других. При этом он подчеркивает, что принудить совершить что-либо можно лишь того, кто хочет, чтобы его заставили это совершить³. К этой точке зрения близок подход В. Г. Ледяева, который, понимая под принуждением способность субъекта обеспечить подчинение объекта путем угрозы использования негативных санкций в случае неповиновения⁴, полагает возможным замещение принуждения иными видами воздействия при нежелании объекта подчиниться и совершить требуемые от него действия – например, силой или манипуляцией.

И. Кант также отмечает, что в том случае, когда проявление свободы конкретного индивида само оказывается препятствием к сообразной с всеобщими

---

¹ Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1907. Т. 3. С. 565–566.

² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 595.

³ См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов и В. С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М., 1990. С. 141–142.

⁴ См.: Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. С. 285.

законами свободе, тогда направленное против индивидуальной свободы воздействие, «воспрепятствующее препятствию для свободы», совместимо со свободой, сообразной с всеобщими законами. Иными словами, оно является правовым по своей природе. В этом смысле с правом связано правомочие применять принуждение к тому субъекту, который своими действиями или бездействием наносит ущерб свободе и праву. Оно, по мнению И. Канта, обеспечивается внешним принуждением со стороны иных индивидов или государства¹.

Другой философ, А. Шопенгауэр хотя и не дает дефиниции принуждения, однако указывает на то, что принуждение, по сути, является методом отрицания отрицания чужой воли, способом защиты индивида от вмешательства в его суверенную волю воли постороннего лица. В то же время право принуждения, по его мнению, – это право отрицать чужое отрицание всеми силами, необходимыми для его устранения². На аналогичные признаки понятия принуждения указывает и И. Г. Фихте³.

Следует отметить замечание Ф. В. И. Шеллинга, указывающего на такой сущностный признак принуждения, как возможность его отражения в субъективной реальности лица («ощущения»), исключительно в процессе возникновения или, как он пишет, «становления», но никогда не в своем бытии⁴.

Современный философ Ф. А. Хайек определяет принуждение как управление социальным окружением либо обстоятельствами жизни индивида так, чтобы во избежание негативных последствий (большого зла) он был вынужден действовать не в соответствии со своими исходными планами, а по плану, служащему целям другого лица. Угроза применения силы или насилия, считает ученый, – наиболее важная, но не единственная форма осуществления принуждения. Автор включает в

---

¹ См.: Кант И. Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов. СПб., 1995. С. 284–286.

² См.: Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. Афоризмы и максимы. Новые афоризмы / пер. с нем. Ю. Айхенвальд, Ф. Чернигевец, Р. Красин. Минск, 1999. С. 591–593.

³ См.: Фихте И. Г. Сочинения: работы 1792–1801 гг. / под ред. П. П. Гайденко. М., 1995. С. 417–431.

⁴ См.: Шеллинг Ф. В. Й. Сочинения: в 2 т. М., 1989. Т. 2. С. 130–152.

способы реализации принуждения физическое насилие, а также ненасильственные действия, такие как придирки жены, поскольку каждый супруг всегда свободен покинуть партнера. Свободное общество, заключает Ф. А. Хайек, делегирует монополию на принуждение в публичных вопросах государству в целях ограничения произвола со стороны частных лиц¹.

Позиция Ф. А. Хайека была подвергнута жесткой критике М. Ротбардом в труде «Этика свободы» как недостаточно выдержанная. Ученый указывает на ее существенный недостаток: вместо определения принуждения как агрессивного использования физического воздействия или угрозы его применения против другого лица или его собственности, Ф. А. Хайек определяет принуждение чрезмерно размыто и даже наивно².

Социология также не обошла вниманием проблематику принуждения, закономерно акцентируясь на связи власти и общества. Так, М. Вебер подчеркивает в своих работах, посвященных анализу феномена власти, ее легитимности и легальности, что принуждение обусловлено наличием специальной группы принуждения. По его мнению, она не обязательно должна представлять собой специальную группу людей, которые обеспечивают повиновение (чиновники, судебные исполнители, прокуроры), хотя в случаях нарушения закона именно они обеспечивают реализацию его положений. Автор считает, что такой группой может стать род, если индивид, являющийся членом рода, отошел от принятых в нем установлений, или религиозная община, когда старший «собратья по вере» предупреждает отошедшего от ее канонов индивида о недопустимости подобного поведения³.

Социологом Э. Дюркгеймом подчеркивается, что принуждение обязано своим происхождением тому, что индивид оказывается в присутствии силы, перед которой он преклоняется, которая над ним господствует, но она естественна по

---

¹ См.: Hayek F. A. The Constitution of Liberty. Chicago, 1960. P. 20–22, 133.

² См.: Ротбард М. Этика свободы / под ред. А. В. Куряева; предислов. Г. - Г. Хоппе. М., 2009. URL: <http://www.e-reading.link/> (дата обращения: 09.01.2022).

³ См.: Западно-европейская социология XIX – начала XX веков: учебное пособие для вузов по направлению и специальности «Социология» / под общ. ред. В. И. Добренькова. М., 1996. С. 455–491.

своей природе. Как полагает ученый, сила вытекает не из договорного устройства, возникшего по желанию человека, а из сокровенных недр объективной реальности и является необходимым продуктом наличествующих в ней причин. Поэтому для того, чтобы принудить индивида подчиниться, не нужно прибегать к ухищрениям. Достаточно того, чтобы объект воздействия осознал свою естественную зависимость и слабость, составил себе о них символическое или чувственное представление при помощи религии либо определенное и точное понятие при помощи науки. Однако не всякое принуждение нормально. Таким может считаться только принуждение, отвечающее какому-нибудь социальному превосходству, то есть интеллектуальному или моральному. Но принуждение, которое оказывает один индивид на другого, пользуясь тем, что он сильнее или богаче его, особенно если богатство не выражает его общественного значения, по мысли Э. Дюркгейма, нельзя признать нормальным принуждением¹. Примечательно, что такая позиция в части господства над индивидом естественной силы отражена в концепции власти Л. И. Петражицкого, указывающего на то обстоятельство, что власть не является силой или волей, а представляет собой совокупность прав, приписываемых властвующему лицу его окружением, и коррелирующих им обязанностей подвластных².

Другой социолог, Т. Парсонс, принуждение определяет как механизм, который обеспечивает авторитарную интерпретацию обязанностей, налагаемых популяцией в целях поддержания ее существования³.

Принуждение является предметом зарубежных юридических исследований, в том числе в настоящее время. Например, М. Н. Берман указывает на то, что принуждение, обычно воспринимаемое как нечто негативное и требующее оправдания, характеризуется таким влиянием принуждающего на принуждаемого, при котором один оказывает давление на другого для того, чтобы последний сделал

---

¹ См.: Там же. С. 286–302.

² См.: Петражицкий Л. И. Указ. соч. С. 214.

³ См.: Парсонс Т. О социальных системах / под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. М., 2002. С. 99–108, 794, 800.

так, как желает первый¹. М. Блейк рассматривает принуждение в качестве намеренного действия, призванного заменить выбранный лицом вариант действий на выбор другого лица, а собственное влияние на окружающую действительность – на влияние другого лица².

Вопросы принуждения остаются актуальными и в отечественной правовой науке. С точки зрения В. Д. Ардашкина, принуждение характеризуется угрозой жёсткого вмешательства в имущественную, физическую или организационную сторону бытия подвластного, либо таким вмешательством. Принудительное навязывание чужой воли, по мнению исследователя, приводит к тому, что лицо, способное выбирать тот или иной вариант своего поведения, насильственно лишается такой возможности³.

Д. Н. Бахрах, определяет принуждение как утверждение, вопреки подвластному, воли властвующего, отрицание последним воли подвластного и воздействие на его поведение извне⁴. Похожее мнение высказывает А. С. Пучнин, считающий главным атрибутом принуждения снятие воли индивидуума⁵.

И. П. Жаренов в своем исследовании «Государственное принуждение в условиях демократизации общества» полагает, что сущность принуждения заключается в воздействии на волю подвластного субъекта с целью ее изменения, корректировки, и ориентации лица на социально необходимое поведение⁶.

А. И. Каплунов понимает под принуждением «процесс снятия индивидуальной воли посредством внешнего воздействия, направленного на то,

---

¹ См.: Berman M. N. Coercion, Compulsion, and the Medicaid Expansion: A Study in the Doctrine of Unconstitutional Conditions // Texas Law Review. 2013. Vol. 91. P. 1292, 1294.

² См.: Blake M. Distributive Justice, State Coercion, and Autonomy // Philosophy and Public Affairs. 2001. Vol. 30. No. 3 (Summer, 2001). P. 272.

³ См.: Ардашкин В. Д. О подчинении и принуждении в советском государственном управлении // Труды ТГУ, 1966. Т. 183. С. 247.

⁴ См.: Бахрах Д. Н. Административная ответственность граждан СССР. Свердловск, 1989. С. 11.

⁵ См.: Пучнин А. С. Принуждение и право : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 1999. С. 110.

⁶ См.: Жаренов И. П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 9.

чтобы заставить индивида сделать что-либо или воздержаться от каких-либо действий»¹.

Принуждение, по мнению С. Н. Кожевникова, представляет собой «метод воздействия, который обеспечивает совершение действий людьми вопреки их воле, в интересах принуждающего»².

Ф. М. Кудиным принуждение определяется как средство воздействия отдельной личности или общности людей в отношении иной общности или лица в целях достижения желаемого социального результата³.

Интересной представляется точка зрения М. А. Латушкина, который интерпретирует сущность социального принуждения как организацию безусловного выполнения властной принуждающей воли⁴. При этом содержание данного понятия определяется ученым как внешнее волевое воздействие принуждающего лица на принуждаемое посредством применения или угрозы применения насилия для осуществления интересов принуждающего⁵. Он выделяет основные признаки принуждения, к которым относит:

– двусторонность волевого акта: волевой акт принуждающего лица, формулирующего требования, обращенные к принуждаемому лицу, и волевой акт принуждаемого лица, выражающийся в осознанном и вынужденном принятии к исполнению требований принуждающего лица. М. А. Латушкин подчеркивает, что у принуждаемого лица всегда есть выбор между подчинением и неподчинением, что, впрочем, никак не ограничивает последствия неподчинения требованиям принуждающего. Кроме того, воздействие воли одного человека на волю другого

---

¹ Каплунов А. И. Об основных чертах и понятии государственного принуждения // Государство и право. 2004. № 12. С. 10.

² Кожевников С. Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. 1978. № 5. С. 48.

³ См.: Кудин Ф. М. Избранные труды / вступ. ст. В. А. Азарова. Волгоград, 2010. С. 12.

⁴ См.: Латушкин М. А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 14.

⁵ См.: Латушкин М. А. К вопросу о понятиях государственного, правового и государственно-правового принуждения // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 2. С. 192.

встречает определенную реакцию и своим результатом имеет снятие (погашение) воли принуждаемого и ее подчинение воле принуждающего;

– направленность принуждения: цели, к которым стремятся принуждающие лица. К ним относятся интересы, на достижение которых направлены усилия принуждающих лиц;

– наличие ресурса: принуждение имеет место только в том случае, если принуждающее лицо способно преодолеть сопротивление принуждаемого лица и действовать вне зависимости от его воли;

– принуждение связано с применением к принуждаемому определенных мер принуждения: указанные меры могут быть организационными, физическими, материальными или психическими, иметь иной характер и в самом общем виде представляют собой ограничения, применяемые к принуждаемому лицу¹.

А. В. Малько утверждает, что «принуждать – значит склонять людей к определенной деятельности посредством силового давления (вопреки воле управляемых), ограничивая свободу их выбора»².

Согласно точке зрения Л. Л. Попова принуждение призвано заставить человека делать то, чего он не желает, либо не делать того, что он желает³.

И. Д. Фиалковская указывает, что принуждение состоит в применении мер воздействия, установленных правовыми нормами, уполномоченным субъектом власти для упорядочения общественных отношений⁴.

С. М. Юткина анализируя принуждение приходит к выводу о том, что «основная глубинная черта принуждения состоит в навязывании властным

---

¹ См.: Там же. С. 191–192.

² Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько. М., 2004. С. 114.

³ См.: Попов Л. Л. Роль убеждения и принуждения в обеспечении социалистического порядка // XXV съезд КПСС: проблемы социалистического образа жизни и укрепление правопорядка: материалы научной конференции, 23–25 ноября 1976 г. М., 1977. С. 366.

⁴ См.: Фиалковская И. Д. Сущность метода принуждения в теории административного права // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2014. № 2 (1). С. 290.

субъектом своей воли подвластному и выполнению последним воли принуждающего субъекта»¹.

Приведенное разнообразие подходов к пониманию принуждения свидетельствует о сложности категории и обуславливает необходимость отдельного рассмотрения её существенных элементов, начать которое следует с определения его целей, как одного из самых спорных в исследовательской среде элементов.

Предлагаемые учеными подходы к определению цели принуждения можно условно разделить на три группы.

К первой группе следует отнести подходы авторов, понимающих под целью принуждения, в первую очередь, средство обеспечения безопасности, защиту, а именно защиту права в понимании И. Канта; защиту от вмешательства посторонних лиц в понимании А. Шопенгауэра.

Ко второй группе относятся подходы тех исследователей, которые под целью принуждения подразумевают обеспечение необходимого для социума поведения лица (М. Вебер, И. П. Жаренов, Ф. М. Кудин, Т. Парсонс, И. Д. Фиалковская и др.).

Третью группу образуют исследовательские подходы, в соответствии с которыми цели принуждения тождественны целям принуждающего (В. Д. Ардашкин, М. Н. Берман, М. Блейк, А. И. Каплунов, М. А. Латушкин, С. Н. Кожевникова, Л. Л. Попов).

Существуют отдельные подходы к пониманию назначения принуждения, не укладывающиеся в предлагаемую дифференциацию. Так, Ф.А. Хайек определяет в качестве цели принуждения избежание «большого зла». Кроме того, ряд исследователей – как классических (Л. И. Петражицкий), так и современных (С. Н. Юткина) – оставляют вопрос о назначении принуждения открытым, не акцентируя на нем внимание в своих исследованиях.

---

¹ Юткина С. М. О сущности государственного принуждения // Юристъ-Правоведъ, 2015. № 1 (68). С. 131.

Как отмечено нами ранее, в обыденном смысле принуждение не ограничено целью защиты чего-либо или от чего-либо, обеспечением необходимого для социума поведения конкретного лица или лиц, а также любым иным неизменным и заранее установленным назначением. Напротив, рассмотрение принуждения в обыденном его понимании, то есть понуждения кого-либо сделать что-либо, позволяет сделать вывод о том, что поскольку принуждающий оказывает на принуждаемого воздействие, имеющее целью совершение последним каких-либо действий, постольку именно принуждающим, а не кем-либо другим, устанавливаются требуемые от принуждаемого лица действия, выполнения которых принуждающее лицо добивается¹. Иная трактовка будет противоречить общесоциальному пониманию категории, и не совпадет с действительностью, а следовательно, будет не точной.

Следовательно цели принуждения устанавливаются принуждающим лицом и в этом смысле они тождественны целям принуждающего субъекта.

Вместе с тем, целями последнего может быть защита принуждающим себя и иных лиц от вмешательства посторонних, обеспечение социально необходимого поведения принуждаемых и иных лиц. Поэтому предлагаемые исследователями подходы, относящиеся к первой и второй группам, справедливы, но не охватывают всего спектра возможных целей принуждения, а значит - не универсальны, и в качестве свойства принуждения рассматриваться не могут.

Следует отметить, что выводы о тождественности целей принуждения целям принуждающего не отменяют и точек зрения иных исследователей, не вошедших в предлагаемые группы. Например, рассмотрение позиции Ф. А. Хайека, который целью принуждения полагает избежание большего зла – с учетом отсутствия у автора объективных критериев такого зла – приводит к выводу о субъективно-оценочном, ненаучном характере этой категории. Принудительное воздействие

---

¹ См.: Петренко М. Н. О понимании в науке государственного принуждения как формы реализации государственной власти // Правовое государство: теория и практика. 2016. № 4 (46). С. 78–79.

оказывается принуждающим лицом исходя из субъективной оценки сложившейся ситуации и перспектив ее развития для себя (в том числе выбора принуждающим лицом возможных «зол» в перспективе), то есть оно основывается на собственных интересах принуждающего лица – значит, цели принуждения в любом случае тождественны целям принуждающего.

В отличие от подхода Ф. А. Хайека к вопросу о целях принуждения, который подтверждает правильность нашего вывода, точка зрения ученых, исключивших цели принуждения из числа признаков рассматриваемого понятия, представляется нам ошибочной. Как справедливо отмечено Г. Б. Гутнером, «всякая сущность является таковой в полной мере, лишь когда содержит в себе цель своего бытия... всякое действие производится не само по себе, а ради определенного результата. Действие подчинено цели и производно от нее»¹. Исключение исследователями из числа признаков принуждения цели последнего игнорирует одну из его сущностных характеристик, что негативно сказывается на их строгости и точности. Кроме того, применение указанного подхода не дает возможности оценить достижение стоящих перед принуждающим лицом целей, а значит, и эффективность принудительного воздействия, что также не способствует исчерпывающему и адекватному пониманию принуждения.

Таким образом наиболее верным представляется подход третьей группы исследователей, с которым мы при учете указанных замечаний солидаризируемся.

Отдельного рассмотрения требует вопрос предмета воздействия при осуществлении принуждения, который понимается исследователями также по-разному.

В таком качестве может выступать, согласно утверждениям ученых, либо конкретное лицо (И. Кант, Г. В. Ф. Гегель, В. Г. Ледяев, Ф. В. И. Шеллинг, Э. Дюркгейм, М. Вебер, Ф. А. Хайек, М. Ротбард, М. Н. Берман и др.), либо воля лица (А. Шопенгауэр, Д. Н. Бахрах, А. С. Пучнин, А. В. Малько, А. И. Каплунов,

---

¹ Новая философская энциклопедия: в 4 т. Т. 3: Н–С / Институт философии Российской Академии наук; Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: В. С. Степин (пред. совета) и др. М., 2010. С. 294.

С. Н. Кожевникова, В. Д. Ардашкин, И. П. Жаренов, А. С. Пучнин, С. М. Юткина и др.), либо лицо и общность людей (Ф. М. Кудин и др.).

Рассматривая имеющиеся подходы к пониманию предмета принудительного воздействия, заметим, что именно воля обеспечивает достижение лицом стоящих перед ним целей¹, то есть она лежит в основе всех действий лица. Следовательно, воздействие на волю принуждаемого лица способно обеспечить совершение им действий (бездействия), интересующих принуждающее лицо, или, в соответствии с обыденным пониманием, осуществить принуждение. Кроме того, воля является свойством человека², и в соотношении с человеком категория воли является более узким понятием, что делает ее самой точной из всех используемых исследователями для определения предмета принудительного воздействия лексемой.

Таким образом, стоит согласиться с теми учеными, которые полагают, что предметом принуждения является воля лица. Вместе с тем нет оснований считать ошибочным подход тех исследователей, которые считают предметом воздействия какое-либо лицо или общность людей, что объясняется следующим.

Воздействие на волю человека, то есть на его идеальную составляющую, в объективной реальности способно отразиться только через деятельность материального тела – человека, – и в этом смысле исследователи, понимающие под предметом воздействия само лицо, а не его волю, в известном смысле правы. Однако, думается, они недостаточно точны, поскольку понятие воли уже понятия человека. К такому же выводу приходим, рассматривая в качестве предмета принуждающего воздействия общности людей³.

Немаловажным вопросом является понимание свойств принуждения. Предварительно отметим, что в работе мы исходим из различия свойств и

---

¹ См., например: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 101; Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. 3-е изд., испр. Минск., 2003. С. 184.

² Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 101.

³ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ соч. С. 441; Баматгиреева, М. В. Концептуализация понятия «общность людей» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2009. С. 15.

признаков, понимая под свойствами такие характеристики, которые объединяют исследуемую категорию со смежными, а под признаками – отграничивающие её от смежных категорий.

К свойствам принуждения многими учеными совершенно справедливо, по нашему мнению, отнесена необходимость наличия у принуждающего лица средств, за счет которых им осуществляется принуждение (Э. Дюркгейм, А. Шопенгауэр, А. В. Малько и др.). Как отмечено ранее применительно к понятию власти, необходимым условием для достижения результата является наличие властного ресурса (или ресурсов), что может быть отнесено и к принуждению, поскольку отсутствие у принуждающего лица властного ресурса не позволит ему оказать на принуждаемое лицо какое-либо воздействие, то есть реализовать принуждение.

Также верно, по нашему мнению, авторами указывается на такое условие возникновения принуждения, как расхождение воли участников отношений (И. Кант, Ф. А. Хайек, А. Шопенгауэр, В. Г. Ледяев, С. М. Юткина и др.). Исходя из обратного и допуская тождественность воль принуждающего и принуждаемого лица, придется прийти к выводу о бессмысленности для принуждающего какого-либо воздействия на принуждаемого, поскольку последний уже реализует задачи, соответствующие задачам принуждающего лица. Кроме того, отсутствие конфликта, являющееся результатом расхождения воль участников властных отношений, противоречит обыденному пониманию принуждения, в соответствии с которым указанное расхождение является характеристикой принуждения. Данное свойство определяется в обыденном понимании словом «заставить», то есть потребовать от кого-либо сделать что-либо против его воли¹.

Вполне обоснованным представляется также понимание принуждения в качестве общественного (социального) отношения. Этой точки зрения, как приведено выше, придерживаются С. Н. Кожевников, Ф. М. Кудин, А. С. Пучнин,

---

¹ См.: Толковый словарь русского языка: ок. 7000 словар. ст.: свыше 35 000 знач.: более 70 000 иллюстрат. примеров / под ред. Д. В. Дмитриева. М., 2003. С. 389.

М. А. Латушкин и др. Действительно, принуждение неотъемлемо от воли участников отношений. Воля, в свою очередь, является атрибутом человека¹.

Отдельными исследователями выделяются и иные свойства принуждения.

Так, М. Вебером в качестве характеристики принуждения сформулировано требование о необходимости наличия специальных лиц, его обеспечивающих. Предлагаемая концепция вызывает возражения, поскольку, хотя существование специальных лиц может относиться к властным ресурсам принуждающего, их наличие все-таки не является обязательным условием, т. к. могут использоваться и другие властные ресурсы (например, экономические, социальные), не требующие специально созданной для этого группы людей. Кроме того, принуждающее лицо может действовать самостоятельно.

В процитированной выше «Этике свободы» М. Ротбард указывает на неотделимость от принуждения физического воздействия либо его угрозы. Иными словами, ученый ограничивает комплекс ресурсов, которые могут быть использованы субъектом принудительного воздействия для реализации принуждения, исключая из их числа любое воздействие, за исключением физического, а также угрозы его применения. Предложенное узкое толкование М. Ротбард, ведя умозрительную дискуссию с Ф. Хайеком, объясняет тем, что термин «принуждение» не может включать в себя добровольные действия². Данное утверждение в целом справедливо, однако это не означает, что все виды воздействия надо сводить лишь к указываемому автором непосредственному физическому воздействию и угрозе его применения, поскольку, как отмечено нами ранее, воздействие может носить и иной характер.

Что касается отнесения к числу свойств принуждения снятия воли принуждаемого лица, как, например, в ранее приведенной позиции А. С. Пучнина,

---

¹ См.: Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. СПб.: Питер, 2003. С. 120; Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 1: А.-Дидро / АН СССР; Ин-т философии; гл. ред. Ф. В. Константинов. М., 1960. С. 284; Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 389–391.

² См.: Ротбард М. Этика свободы / под ред. А. В. Куряева; предисл. Г. - Г. Хоппе. М., 2009. URL: <http://www.e-reading.link/> (дата обращения: 09.01.2022).

а также А. П. Рогова¹, то такой подход, на наш взгляд, ошибочен. Сказанное объясняется тем, что под снятием понимается удаление, отказ от чего-либо², то есть, применительно к выделенной А. С. Пучниным характеристике, – удаление воли, отказ от нее. Однако лишение принуждаемого лица воли нивелирует конфликт между волями принуждающего и принуждаемого и входит в противоречие с обыденным пониманием принуждения. Вместе с тем, нетождественность воли участников отношений определяет необходимость угнетения воли принуждаемого, то есть такого недобровольного воздействия принуждающего лица, при котором воля принуждаемого сохраняется, однако не может быть реализована.

Обобщая рассмотренные нами подходы к пониманию принуждения, следует отметить ряд его характеристик, выделение которых в качестве основных признано в науке. К таковым относятся:

– цель принуждения, которой являются действия принуждаемого лица в интересах принуждающего (С. Н. Кожевников, Ф. М. Кудин, М. А. Латушкин, М. Блейк, М. Н. Берман, Ф. А. Хайек и др.);

– предмет воздействия, в качестве которого выступает воля принуждаемого (А. Шопенгауэр, Л. Л. Попов, И. П. Жаренов, С. М. Юткина и др.);

– наличие у принуждающего лица властных ресурсов, за счет которых осуществляется принуждение (Э. Дюркгейм, А. Шопенгауэр, А. В. Малько и др.);

– возникновение принуждения при расхождении воли участников властных отношений (И. Кант, Ф. А. Хайек, А. Шопенгауэр, В. Г. Ледяев, С. М. Юткина);

– социальная природа отношений (С. Н. Кожевников, Ф. М. Кудин, А. С. Пучнин, М. А. Латушкин и др.).

Сопоставление указанных свойств принуждения с характеристиками рассмотренного ранее понятия власти свидетельствует об их тождественности, что подтверждает отнесение власти и принуждения к единой группе понятий.

---

¹ См.: Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 51.

² См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 739.

Вместе с тем, помимо изложенных выше и совпадающих характеристик принуждения и власти, исследователями также выделяется индивидуализирующий – присущий принуждению, а не власти – признак, заключающийся в наличии у принуждаемого лица возможности выбора модели своего поведения (В. Г. Ледяев, М. Н. Берман). Он, по мнению авторов, отграничивает власть в форме принуждения от власти в форме силы, то есть характеризует первую как относительно автономную категорию.

В отношении власти в форме принуждения отметим, что результат выбора модели своего поведения принуждаемым лицом (как действия, так и бездействия) всегда будет выражен в конклюдентной форме, а значит, и в объективной действительности. Здесь возможна дилемма: принуждаемое лицо или исполняет требования принуждающего лица (которые, как верно отмечает Г. В. Ф. Гегель, могут касаться только внешней, выраженной в объективной реальности, стороны человека)¹, или не исполняет их. Так, в соответствии с обыденным пониманием принуждения, оно состоит в «заставлении», то есть таких действиях принуждающего, по результатам которых принуждаемое лицо совершает какие-либо интересующие принуждающее лицо и не интересующие принуждаемое лицо деяния – значит, самостоятельные действия (бездействие) принуждаемого лица являются интересом принуждающего. Действия принуждаемого лица имеют принципиально важное значение для непосредственно применяющего принуждение к субъекту, поскольку исполнение или игнорирование первым требований второго выполняет функцию обратной связи с принуждающим. Основываясь на поведении принуждаемого, непосредственно осуществляющий принуждение решает вопрос о корректировке воздействия на него, увеличивая или уменьшая его интенсивность, изменяя используемый властный ресурс, для достижения стоящих перед принуждающим целей.

Однако сам факт наличия выбора у лица относится к внутренней стороне человеческого существования и, как верно отмечено Г. В. Ф. Гегелем в его

---

¹ См.: Гегель Г. В. Ф. *Философия права* / пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсесянц. М., 1990. С. 141.

«Философии права», не может подвергаться воздействию извне¹. Следовательно, он будет иметь место и при реализации власти в форме принуждения, и при реализации власти в форме силы, где роль подвластного как самостоятельного лица нивелируется, а также в иных случаях человеческого бытия.

Таким образом, позиция исследователей, указывающих в качестве признака принуждения сохранение у принуждаемого лица возможности выбора модели поведения, не представляется в полной мере адекватной природе принуждения. Полагаем необходимым отнести к отграничивающим принуждение от смежных социальных явлений тот его признак, в соответствии с которым самостоятельное, основанное на его собственной воле, поведение принуждаемого лица, то есть волеизъявление последнего, имеет значение для лица, реализующего принуждение².

Обобщая изложенное выше, можно определить принуждение как форму власти, при которой основанное на собственной воле поведение принуждаемого лица значимо для непосредственно принуждающего лица.

Необходимо отметить, что тождество существенных свойств принуждения и власти, с учетом наличия у принуждения самостоятельного признака, свидетельствует, во-первых, о понятийной близости дефиниций принуждения и власти, а во-вторых - о более узком, по сравнению с властью, содержании понятия принуждения, то есть о включенности принуждения в понятийную сферу власти.

Переходя к рассмотрению государственного принуждения как формы реализации государственной власти следует сделать несколько предварительных пояснений.

Во-первых, государственное принуждение, являясь частным случаем (разновидностью) власти в форме принуждения, приобретает в качестве собственных свойств признаки родовой для него категории. В связи с этим повторно свойства государственного принуждения нами не рассматриваются.

---

¹ Там же.

² См.: Петренко М. Н. О понимании в науке государственного принуждения как формы реализации государственной власти. С. 80.

Отличие государственного принуждения, обособляющее его от смежных категорий, будут подробно рассмотрены далее.

Во-вторых, следует оговориться, что не все ученые отдают предпочтение термину «государственно-правовое принуждение», используя вместо него «государственное принуждение» или, что реже, «правовое принуждение»¹, то есть рассматривая две последние категории как самостоятельные².

С точки зрения природы принуждения, как формы реализации государственной власти, термин «государственно-правовое принуждение» в наибольшей мере отражает правовой характер государственного принуждения, такой его сущностный признак как законодательная регламентированность, или нормативная определенность. Указанный признак подробно рассмотрен далее.

Тем не менее, поскольку термин «государственно-правовое принуждение» во-первых, пока не признан абсолютным большинством ученых, во-вторых его использование позволяет предположить существование государственного неправового (противоправного) принуждения, то есть принуждения, не отвечающего требованиям законодательства (что для в подлинном смысле государственного принуждения с занятых нами позиций невозможно), а в третьих, поскольку по обоснованному замечанию А. П. Рогова «правовое принуждение воспринимается как обслуживающая государственное принуждение категория и не обладающая самостоятельностью, а потому введение в общую теорию государства и права категории «правовое принуждение» излишне³, полагаем верным использовать для определения формы реализации государственной власти термин «государственное принуждение».

Рассматривая собственно государственное принуждение, отметим, что принятым абсолютным большинством исследователей является выделение такого отграничивающего государственное принуждение от власти в форме принуждения

---

¹ Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 44.

² См. подробнее: Латушкин М. А. К вопросу о понятиях государственного, правового и государственно-правового принуждения // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 2. С. 186–196.

³ Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 72.

признака, как нахождение на стороне принуждающего лица государственного аппарата.

Так, Б. Т. Базылевым отмечается, что «государственное принуждение – это совершаемое компетентными [государственными] органами и [государственными] должностными лицами властное воздействие»¹. Р. А. Ромашов указывает, что «В узком смысле государство отождествляется с аппаратом государственной власти (бюрократией) и силовыми структурами, при помощи которых осуществляется государственное принуждение»².

Аналогичной точки зрения придерживаются С. Н. Кожевников³, В. В. Лазарев и С. В. Липень⁴, В. Д. Перевалов⁵, Е. А. Цыганкова⁶ и др.

Указанный признак государственного принуждения, принимая во внимание обыденное понимание последнего, не вызывает сомнений. На стороне принуждающего лица находятся государственные органы и государственные должностные лица, являющиеся выражением в объективной действительности юридической фикции (правового фантома) государства, которое, в свою очередь, выражает консолидированную волю легитимирующего его общества. Однако при этом не теряют актуальности ранее рассмотренные обстоятельства, согласно которым: под государственным органом (применительно к настоящему исследованию) следует понимать только те государственные органы, в понятии которых категории государственного органа и конкретного должностного лица совпадают; государственное должностное лицо может действовать как непосредственно, так и с привлечением иных, специально уполномоченных, лиц.

---

¹ Базылев Б. Т. Сущность санкций в советском праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1976. № 5. С. 38.

² См.: Ромашов Р. А. Государство: понятие, общая характеристика и сущность // Юридическая наука: история и современность. 2019. № 2. С. 18.

³ См.: Кожевников С. Н. Государственное принуждение: особенности и содержание // Советское государство и право. 1978. № 5. С. 49.

⁴ См.: Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 418.

⁵ См.: Теория государства и права: учебник для вузов / отв. ред. В. Д. Перевалов. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 61.

⁶ См.: Цыганкова Е. А. Принуждение как метод осуществления государственной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 7–8.

Для власти в форме принуждения, как родовой категории власти в форме государственного принуждения, понятием большей степени абстрактности (родовой категорией для родовой категории) является категория власти. Выступление на стороне властвующего лица в обоих случаях общества в лице государства свидетельствует о преемственности характеристик от государственной власти к власти в форме государственного принуждения.

С учетом указанного нами ранее общественного (социального) характера властных отношений, наследуемого государственным принуждением, следует отметить, что в настоящее время все же отсутствуют основания согласиться с И. Н. Куксиным, Р. М. Курмаевым¹, по вопросу расширения перечня участников государственного принуждения за счет включения в него на правах субъектов государств, как публично-правовых образований. Такой подход противоречит социальной сущности государственного принуждения и в большей мере соответствует термину межгосударственное, или, как ещё указывается авторами, международно-правовое принуждение. Указанный вопрос, вместе с тем, требует отдельного изучения.

Исследователями выделяются и иные характеристики последнего.

Так, И. С. Штода указывает на внешний характер воздействия, направленность на понуждение лиц к требуемому от них поведению, которые отнесены автором к числу сущностных и включены в формулируемую им дефиницию государственного принуждения, хотя и не именуется автором непосредственно признаками². Применительно к этой концепции отметим, что внешний характер воздействия не может отграничивать государственное принуждение как от смежных понятий, так и от понятий в сфере социальных отношений в целом. Дело в том, что он справедлив для любого социального взаимодействия (не обязательно властного или даже находящегося на более высоком уровне абстрактности управленческого воздействия), а указание на него,

---

¹ См.: Куксин И. Н., Курмаев Р.М. Государственное принуждение как способ разрешения межгосударственных противоречий // Теория государства и права. 2022. № 3(28). С. 118–132.

² См.: Штода И. С. Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 11, 134.

как на сущностную характеристику государственного принуждения, ошибочно, поскольку последний не может являться признаком или свойством государственного принуждения. Также полагаем, что нельзя согласиться с определением понуждения лиц к требуемому от них поведению в качестве направленности государственного принуждения. В соответствии с обыденным пониманием значения поведения как «образа жизни и действий лица»¹, под ним подразумевается длительность действий. Однако некорректно исключать из числа возможных направленностей государственного принуждения непродолжительные или единичные действия.

Дискуссию в современной науке вызывает также вопрос о необходимости соответствия государственного принуждения законодательству. Позиции авторов по данному вопросу можно условно разделить на две группы.

Согласно мнению представителей первой группы, государственное принуждение осуществляется только в соответствии с законодательством.

Так, И. П. Жаренов на основании проведенного исследования государственного принуждения понимает его как политико-правовую систему властно-силового воздействия, состоящую из нормативно-институционального обеспечения, определяющего основания, порядок, и форму действий органов власти в целях охраны интересов общества, личности, государства и осуществляемого по отношению к субъектам права в случаях возникновения условий, угрожающих установленному порядку или совершения правонарушений². Сущностной характеристикой государственного принуждения автор считает законодательную регламентированность (нормативную определенность).

Советским исследователем А. И. Козулиным указывается на целесообразность одновременного, и в этом смысле тождественного, использования категорий «правового» и «государственного» принуждения. Он отмечает при этом, что правовое принуждение характеризуется нормативной

---

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 528.

² См.: Жаренов И. П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 26–27, 38–39.

регламентированностью¹, из чего следует применимость данной характеристики и к государственному принуждению.

В своей диссертации Н. В. Макарейко отмечает, что государственное принуждение является осуществляемым на основе закона воздействием². Аналогичной позиции придерживается Г. В. Грешнова.³

В. В. Серегина полагает, что государственное принуждение может применяться исключительно в установленном процессуальном порядке и в части тех мер, которые указаны в санкциях (диспозициях) правовых норм⁴.

Сторонники второго подхода к пониманию значения законодательного регулирования в государственном принуждении указывают, прежде всего, на факт отсутствия непосредственной связи между государственным принуждением и законодательством.

Например, согласно С. С. Алексееву, «государственное принуждение, преломленное через право, правом «насыщенное», выполняющее в нем свои, специфические задачи, выступает в качестве правового принуждения»⁵. При этом уровень правового содержания государственного принуждения обусловлен, как утверждает автор, его нормативной регламентированностью по содержанию, пределам, условиям и формам применения.

Становясь на предлагаемую позицию следует констатировать наличие государственного принуждения, не «насыщенного» правом, то есть законодательной регламентацией, и одновременно отсутствие имманентности государственному принуждению законодательной регламентации.

Этот подход остается актуальным и сегодня. Е. А. Цыганкова указывает, что государственное принуждение может осуществляться в ряде случаев и вопреки

---

¹ См.: Козулин А. И. Правовое принуждение (Правовые начала государственного принуждения в советском обществе) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. С. 6.

² См.: Макарейко Н. В. Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 1996. С. 11.

³ См.: Грешнова Г. В. Функции государственного принуждения и формы их реализации по российскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. С. 81–82.

⁴ См.: Серегина В. В. Государственное принуждение по советскому праву. Воронеж, 1991. С. 47.

⁵ Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 1. С. 267.

праву, а по мнению М. А. Латушкина оно также может существовать при отсутствии законодательной регламентации¹.

Заслуживающей внимания является позиция А. И. Овчинникова и Т. А. Фетисова, которые утверждают, что «Правовое регулирование общественных отношений во многих странах силою обычая или религиозных заповедей при отсутствии кодифицированного законодательства делает необязательным и это условие»².

Считаем верным в этой дискуссии солидаризироваться с первой группой исследователей, полагающих, что государственное принуждение неотъемлемо от законодательной регламентации, являющейся выражением права³. Государство, являясь юридической фикцией, то есть не существующими в материальном мире идеальным конструктом, осуществляет свою деятельность через аппарат – должностных лиц государства – путем закрепления за ними компетенции и установления порядка их деятельности правовыми актами. При этом государство в силу своей идеальности (юридической фиктивности), собственной волей и мышлением не обладает, что исключает возможность его деятельности за пределами установленного для него законодательством порядка. По этим же причинам без нормативной регламентации не смогут функционировать связанные нормативной регламентацией в своих действиях и решениях должностные лица государства. То есть государство и его должностные лица объективно не способны осуществлять противозаконную деятельность⁴. Иными словами, государственное принуждение обладает правовым характером.

---

¹ См.: Цыганкова Е. А. Указ. соч. С. 13–14; Латушкин М. А. К вопросу о понятиях государственного, правового и государственно-правового принуждения // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 2. С. 186–190.

² Овчинников А. И., Фетисов Т. А. Государство и его правопорядок с точки зрения христианского богословия // Философия права. 2021. № 3 (98). С. 25.

³ См.: Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 63.

⁴ Что не исключает возможности осуществления противозаконной деятельности конкретными состоящими на службе у государства лицами. В таком случае принуждение если и может именоваться государственным, то лишь в связи с нахождением лица на службе у государства.

При этом связь между государственным принуждением и правом носит двухсторонний характер: как государственное принуждение неотъемлемо от права, так и право неотъемлемо от государственного принуждения. «Связь норм права с государством состоит в том, что они, в отличие от иных социальных норм, издаются или санкционируются государством и охраняются не только воспитанием и убеждением, что свойственно и другим социальным нормам, но и возможностью применения, когда это необходимо, принудительных юридических санкций»¹ справедливо указывает М. И. Байтин.

Важным вопросом является соотношение государственного принуждения как формы реализации государственной власти и принуждения, как метода правового регулирования.

Государственная власть является многогранной категорией, в основе которой находится конфликтное взаимодействие между властвующим и подвластным, при котором первый может ограничивать самостоятельные волевые действия (бездействие) лица (лиц) по средствам доминирования во властном ресурсе. Государственная власть, равно как и государство, сама по себе не относится к объективным категориям, и отражается в окружающей действительности в различных формах.

Одной из форм проявления содержания государственной власти, его выражения в объективной реальности, выступает государственное принуждение. Об этом свидетельствует следующее:

во-первых, государственное принуждение содержит в себе все сущностные свойства государственной власти, что свидетельствует о единстве указанных категорий;

во-вторых, рассматриваемые категории неразрывны, поскольку государственная власть не может полноценно существовать без государственного принуждения, а государственное принуждение немислимо вне властных

---

¹ Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 65.

отношений;

в-третьих, связь между рассматриваемыми категориями неоднозначна, поскольку государственная власть может выразиться в отличной от государственного принуждения форме. Например, в форме силового воздействия;

в-четвертых, государственное принуждение, несмотря на производность от государственной власти, характеризуется собственным независимым, но не входящим в противоречие со свойствами государственной власти, признаком – значимостью для непосредственно принуждающего лица поведения принуждаемого лица. Это свидетельствует об относительной самостоятельности формы по отношению к содержанию, а следовательно, о противоречивости единства формы и содержания;

в-пятых, оптимальность развития государственной власти и государственного принуждения достижима лишь в условиях соответствия формы содержанию, а содержания форме. Государственное принуждение утратит свои характерные признаки и не может развиваться вне своей властной природы, равно как и государственная власть не сможет полноценно развиваться без принуждения – одной из важнейших форм проявления своей императивной сущности.

Совокупность указанных признаков: неразрывности содержания и формы, неоднозначности связи, противоречивости единства формы и содержания и оптимального развития с диалектических позиций классически свидетельствуют о соотношении государственной власти и государственного принуждения как соотношении содержания и формы¹.

Указанная позиция воспринята в отраслевой науке. О принуждении как форме реализации власти в разное время говорили исследователи философы (В. Г. Ледяев² и др.), экономисты (И. Ю. Солдатова³ и др.), политологи (А. В. Примаков⁴ и др.).

---

¹ См.: Философия : учеб. / П. В. Алексеев, А. В. Панин. 3-е изд., перераб и доп. М., 2005. (Классический университетский учебник). С. 472, 476.

² См.: Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. М., 2001. С. 285.

³ См.: Основы менеджмента: Учебное пособие / Под ред. проф. И. Ю. Солдатовой, проф. М. А. Чернышева. М., 2006. С. 158.

⁴ См.: Примаков А. В., Примаков В. В. Принуждение как форма проявления власти // Теории и проблемы политических исследований. 2021. Т. 10. № 5А. С. 37–42.

др.).

В юриспруденции проблеме государственного принуждения, как формы реализации государственной власти, уделено мало внимания. Между тем исследователями признается возможность существования власти в форме принуждения, хотя и не всегда прямо. Например, А. П. Роговым в диссертации указано, что «В условиях, когда не существовало различия между правом и обязанностью, обычай, авторитет, уважение, власть, которой пользовались старейшины рода и были первоначальными формами принуждения»¹. Следовательно, в соответствии с определённой Г. В. Ф. Гегелем возможностью взаимного перехода формы и содержания², с позиции автора государственное принуждение может явиться формой государственной власти. Аналогичный вывод возможно сделать из утверждения Г. М. Лановой, указывающей, что государственное принуждение может быть рассмотрено как форма правоприменительной деятельности, правомерной активности субъекта применения права³, к которой относится и государственную власть.

Государственное принуждение как форма реализации государственной власти является самостоятельной формой общественных отношений, обладает собственными свойствами и признаками (выступление на стороне принуждающего лица общества в лице государства и уполномоченных им субъектов, важность для непосредственно принуждающего самостоятельного поведения принуждаемого и др.). Оно не сводится к методу принуждения (в том числе осуществляемого государством) и характеризуется комбинацией используемых методов⁴: помимо метода принуждения используется метод убеждения, заключающийся не только в

---

¹ См.: Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 52.

² См.: Гегель. Энциклопедия философских наук. Т.1. Наука логики. М., 1974. С. 298.

³ См.: Лановая Г. М. Принуждение в системе форм правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. С. 6.

⁴ Факт использования при реализации государственного принуждения различных методов находит свое признание, хотя и не всегда прямо, в современных исследованиях. См.: Мельникова О. В. К вопросу о сущности государственно-правового принуждения // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2022. № 5 (148). С. 79.

превентивном, убеждающем характере потенциального применения к лицу какой-либо меры государственного принуждения, а также в убеждении принуждаемого лица совершить или воздержаться от каких-либо действий под угрозой усиления негативных последствий.

Например, статьей 119 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, регламентируется такая мера процессуального принуждения, как предупреждение. Нормой закреплено, что за первичное нарушение участником судебного разбирательства порядка в судебном заседании председательствующий вправе объявить ему от имени суда предупреждение, являющееся мерой государственного принуждения. За повторное нарушение порядка в судебном заседании к лицу применяется удаление из зала заседания суда, то есть более суровая мера государственного силового воздействия.

В отличие от формы, характеризующейся как внешнее выражение содержания объекта, метод определяется как способ действия¹. Принуждение, как метод правового регулирования, можно охарактеризовать как универсальный инструмент правового воздействия на поведение участников общественных отношений², осуществление которого не относится к монополии государства, и способного содержаться в любых правовых отношениях, характеризуя такое свойство отношений, как принудительность (в самых общих чертах понимаемую как обязательность). Метод принуждения используется не только в принуждении, как форме реализации государственной власти, но и, например в государственно-силовом воздействии.

Понимание государственного принуждения как формы реализации государственной власти разрешает один из значимых для юриспруденции вопросов, а именно вопрос «чистоты» методов государственного воздействия, основными среди которых являются убеждение и принуждение, и их связей между собой.

Как справедливо указано В. И. Лениным, необходимо сначала убеждать, а

---

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 353, 855.

² См.: Сенякин И. Н. Система права // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Т. 2: Право / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп., М., 2007. С. 578.

лишь затем принуждать¹. Не вдаваясь в подробности выходящих за рамки исследования проблем методологии отметим, что если убеждение, как метод государственного воздействия, может характеризоваться как самодостаточный и существовать в «чистом» (несмешанном с иными методами) виде, прежде всего с принуждением, то принуждение не существует без убеждения. Каждый акт принуждения всегда выступает как убеждение для окружающих (общая превенция), а в большинстве случаев – и для самого принуждаемого лица (частная превенция). На такую связь не раз обращали внимание ученые².

Таким образом метод принуждения в «чистом» виде, в отличие от метода убеждения, не проявляется, а его отдельное изучение не может в полной мере охватить связи, возникающие (изменяющиеся, прекращающиеся) между убеждением и принуждением в рамках объективизации государственного принуждения, что способно искажать результаты исследований, делая их неполными и неточными.

Понимание государственного принуждения, как формы реализации государственной власти, разрешает указанный вопрос и позволяет шире оценивать государственное принуждение, несепарировано рассматривая взаимодействие методов принуждения и убеждения при осуществлении государственного принуждения.

При этом неверным видится противопоставление государственного принуждения как формы реализации государственной власти и как метода властного воздействия.

О связи формы и метода (способа) высказывалось значительное число ученых-юристов³, а отдельными правоведами указанные категории практически

---

¹ См.: Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. 5-е изд. М., 1970. Т. 43. С. 54.

² См. например: Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 130–131; Чернова Л. С. Современные концепции принуждения в теории права // Право и управление. XXI век. 2023. Т. 19, № 1(66). С. 28.

³ См. подробнее: Чернышов А. В. Правоприменительный приказ (общетеоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. С. 157; Чепурнов А. А. Концессия как организационно-правовая форма и метод государственного управления экономикой // Государство и право. 2015. № 3. С. 29–36; Фиалковская И. Д. Теоретические вопросы взаимодействия форм и методов

отождествляются. Так, С. А. Мельников, рассматривая вопросы форм реализации права указывает, что «Индивидуальная форма [реализации права – прим. авт.] воплощается в жизнь посредством ... форм (способов) реализации права ...»¹.

Полагаем, данные категории неразрывны, поскольку как государственное принуждение в используемом нами значении не может существовать без применения метода принуждения, который является для него основным, так и наоборот, исключение метода принуждения из реализации государственного принуждения, как формы власти, существенно оскуднило бы многообразие случаев использования указанного метода.

Форма является отражением сущности феномена, которая, в свою очередь, содержит в себе (выражает) специфику собственного существования, включая методы функционирования. Последние неизбежно находят свое отражение в содержании, а затем и в форме явления. Государственное принуждение как форма реализации государственной власти неизбежно будет выражать вовне присущие ему методы воздействия, преобладающим среди которых является принуждение. Таким образом государственное принуждение как форма реализации государственной власти воспринимает не противоречащие собственному содержанию характеристики принуждения как метода, что и определяет близость и отсутствие антагонизма названных категорий.

В связи с изложенным под государственным принуждением, как формой реализации государственной власти, предлагается понимать направленное на достижение стоящих перед обществом целей нормативно регламентированное социальное отношение, при котором действующие от имени общества и уполномоченные государством лица ограничивают самостоятельные волевые действия (бездействие) принуждаемого субъекта (субъектов) за счет доминирования в легально доступном им властном ресурсе при сохранении у

государственного управления // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2010. № 6. С. 261–267.

¹ Мельников С. А. Индивидуальная и коллективная формы реализации права : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. С. 15.

принуждаемого возможности самостоятельного поведения. Концептуальным признаком государственного принуждения, позволяющим обозначить его как относительно самостоятельный феномен, выступает значимость для уполномоченного государством на осуществление принуждения лица, основанного на собственной воле поведения принуждаемого субъекта или субъектов (волеизъявление последних).

Сопоставление характеристик государственного принуждения и рассмотренной ранее властью в форме силы, с поправкой на государственный субъект, позволяет считать, что основными свойствами государственного принуждения, интегрирующими его с государственной властью в форме силы, являются: а) властвующий субъект (принуждающий, осуществляющий власть в форме силы) легально обладает властными ресурсами для осуществления воздействия на лицо или лиц; б) причинами возникновения поименованных властных отношений служат расхождения воле их участников, выполняющих противостоящие (противоположные) роли (то есть роли властвующего и подвластного в отношениях государственного принуждения и силы соответственно); в) возникающие по поводу воздействия отношения обладают социальной природой и нормативно регламентированы; г) рассматриваемые отношения осуществляются должностными лицами государства (либо иными уполномоченными государством лицами) от имени общества в целом.

В контексте настоящего исследования представляет интерес вопрос соотношение государственного принуждения, как формы реализации власти, а также насилия и господства.

Разрешение данного вопроса существенно осложнено многозначностью понятия насилия¹, чему способствовал интерес к нему исследователей с древнейших времен. Насилие и принуждение учеными то противопоставлялись друг другу (Платон, И. Кант и др.), то напротив, различия между ними практически

---

¹ См. об этом: Маслов И. А. Государственное принуждение и государственное насилие в современной политико-правовой доктрине // Юридическая мысль. 2019. № 4-5 (114-115). С. 33–40.

нивелировались (Н. Макиавелли и др.)¹. С учетом отмеченной Г. В. Ф. Гегелем необходимости рассмотрения определений в качестве элементов единой тотальности, составляющих характер нации и эпохи², для установления их соотношения требуется обратиться к общесоциальному пониманию насилия. В означенном смысле насилие определяется как беззаконие³, что свидетельствует о восприимчивости современным обществом идей Платона и И. Канта, также указывавших на роль закона в отграничении правомерного принуждения от беззаконного насилия. Следовательно государственное принуждение как форма реализации государственной власти соотносится с насилием также, как правомерное и неправомерное деяние.

Категория господства хотя и полисемантическая, все же более определённа. Основанным на теории легитимности М. Вебера пониманием господства, признаваемого отдельными учеными классическим⁴, под ним понимается «шанс найти повиновение для любого приказа у определенной группы людей». Автор отмечает, что указанный шанс не сводится к использованию на людях влияния или власти, а может опираться на самые различные мотивы для покорности: от привычки до чисто целерациональных соображений⁵, что в целом соответствует общесоциальному пониманию господствования как обладания властью или преимуществом⁶. Таким образом господство включает в себя государственное принуждение, понимаемое как форма реализации государственной власти, поскольку охватывает любое обеспечивающее повиновение воздействие господствующего субъекта, а не только нормативно установленное и реализуемое

---

¹ См. подробнее: Петренко М. Н. О «насилии» и «принуждении» во властной деятельности // Пробелы в Российском законодательстве. 2011. № 4. С. 179–180.

² См.: Гегель Г. В. Ф. Философия права / пер. с нем., ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц; авт. вступ. ст. и примеч. В. С. Нерсисянц. М., 1990. С. 62.

³ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 393.

⁴ Богомяков В. Г., Бурханов Р. А. Указ. соч. С. 11, 27.

⁵ Вебер М. Типы господства (пер. А. Б. Рахманова) // Личность. Культура. Общество. 2008. № 1 (10). Т. 10. С. 31.

⁶ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 141.

должностными лицами государства, что характерно для государственного принуждения.

Небезынтересным является и вопрос соотношения государственного принуждения как формы реализации государственной власти с категорией отношений, в которых реализуется государственная власть, ответить на который возможно следующим образом: как отмечено в работе ранее, государственная власть рассматривается нами именно в качестве отношений между властвующим и подвластным, поскольку в таком значении она прежде всего интересует юриспруденцию. Государственное принуждение как форма реализации государственной власти воспринимает родительские для неё характеристики государственной власти (исследуемой в качестве отношений между властвующим и подвластным), следовательно само относится к числу отношений.

Итак, Корреляция государственного принуждения с государственной властью дает возможность сделать вывод об их: а) неразрывности; б) неоднозначности существующих между ними связей; в) противоречивости их единства; г) оптимальности развития. При рассмотрении с диалектических позиций указанные качества свидетельствуют о соотношении государственного принуждения и государственной власти как формы и содержания. Отмечается, что такая позиция хотя и является дискуссионной, тем не менее имеет место в юридических исследованиях.

Государственное принуждение постулируется как форма, а не метод реализации государственной власти. Это позволяет аргументировать тезис о том, что в названном значении государственное принуждение отличается комбинацией используемых методов, а именно убеждения и принуждения. Созвучность государственного принуждения как формы реализации государственной власти и принуждения как её метода свидетельствует об их омонимичности, но не тождественности. Восприятие государственного принуждения как формы государственной власти позволяет охватить весь комплекс связей между

убеждением и принуждением как методами в рамках объективизации государственного принуждения как формы реализации государственной власти.

Определение государственного принуждения как формы реализации государственной власти, а последней, в свою очередь, как детерминанты государственного принуждения, обуславливает представленную его формулировку. Государственное принуждение – это направленное на достижение стоящих перед обществом целей нормативно регламентированное социальное отношение, при котором действующие от имени общества и уполномоченные государством лица ограничивают самостоятельные волевые действия (бездействие) принуждаемого субъекта (субъектов) за счет доминирования в легально доступном им властном ресурсе при сохранении у принуждаемого возможности самостоятельного поведения.

Данная дефиниция, основанная на единстве государственной власти и государственного принуждения, их взаимосоответствия как статики и динамики, общего и частного, объективно предполагает сходство рассматриваемых понятий, не означающего, однако, их полного совпадения.

Концептуальным признаком государственного принуждения, позволяющего определять его как относительно самостоятельный феномен, выступает значимость для уполномоченных государством лиц поведения принуждаемого субъекта (субъектов), основанного на их собственной воле (волеизъявление последних).

Основными свойствами государственного принуждения, интегрирующими его со смежными категориями, прежде всего с государственной властью в форме силы, являются следующие: а) субъект легально обладает властными ресурсами для осуществления воздействия; б) причинами возникновения отношений служат расхождения воле их участников, выполняющих противостоящие роли; в) отношения, возникающие по поводу воздействия властвующего на подвластного, обладают социальной природой и нормативно регламентированы; г) отношения реализуются должностными лицами государства (либо по их поручению иными субъектами) от имени общества в целом.

ГЛАВА 2. ОСНОВАНИЯ И НРАВСТВЕННЫЕ ПРЕДЕЛЫ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

2.1. Основания применения государственного принуждения

Необходимость существования государства, а также его легитимность, во многом определяется бесперебойностью исполнения им возложенных функций. Их реализация, однако, нередко встречает разного рода препятствия, преодоление которых требует властного вмешательства различной степени интенсивности. Даже сравнительно небольшое, по сравнению с властью в форме силы, вторжение государственного принуждения в сферу прав и свобод человека способно вызвать в обществе существенные делегитимационные процессы, ввиду затронутости одних из наиболее важных аспектов правового статуса принуждаемого: жизни, свободы и др. Обусловленная гуманистическими ценностями неприемлемость нарушения прав и свобод граждан с одной стороны, а также недопустимость утраты государством легитимности с последующим оставлением общества без государственной защиты – с другой, требует взвешенного подхода к основаниям (то есть причинам, поводам)¹ применения государственного принуждения.

Осуществляемое на основе и во исполнение юридических норм государственное принуждение как форма реализации государственной власти объективируется через правоприменение, что требует затронуть вопрос форм реализации права.

Классическим подходом является выделение в зависимости от характера действий субъектов четырёх форм реализации права: соблюдения, исполнения, использования (осуществления) и применения². Данный подход актуален до настоящего времени³, хотя и не является единственным.

---

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М., 1997. С. 463.

² См.: Марченко М. Н. Формы реализации норм права // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Т. 2: Право / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 708.

³ См.: Мельников С. А. К вопросу о формах реализации права // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6 (107). С. 68.

Несмотря на то, что формы реализации права на практике часто смешиваются и в своем классическом, «чистом», виде встречаются редко, они, тем не менее, наиболее полно отражают способы реализации правовых предписаний, каждый из которых обладает собственной спецификой.

Если соблюдение, как форма реализации права, по сути своей является не нарушающим установленных правовых предписаний пассивным поведением лица, то исполнение выступает в качестве активного поведения, вызванного необходимостью реализации установленных предписаний. При этом и первая и вторая формы характеризуются обязательностью для лица - субъекта правоприменения.

Использование, в отличие от приведенных форм, не обязательно для исполнения и осуществляется лицом только в случае, если оно считает необходимым воспользоваться своим правом. Использование, как и исполнение, характеризуется активностью поведения лица.

Применение, в качестве формы реализации права, преимущественно «вклинивается» в механизм реализации права, если возникают препятствия к реализации субъективных прав, добровольно не исполняются юридические обязанности или исполняются с дефектами, неправильным использованием правовых средств»¹, в связи с чем обладает спецификой².

Во-первых, в его основе находится государственно-властный или, как указано Н. Н. Вопленко, властный исполнительно-распорядительный, государственно-организованный характер³, что обуславливает возможность его реализации лишь органами, наделенными властными полномочиями.

Во-вторых, применение обладает конкретизированным характером, поскольку властная деятельность, как это рассмотрено применительно к категории

---

¹ Сапун В. А Механизм реализации советского права // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 1. С. 7.

² См. об этом: Кораблина О.В. Усмотрение в правоприменительной деятельности (общетеоретический и нравственно-правовой аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 11.

³ См.: Вопленко Н. Н. Реализация норм советского права и её социально-практические результаты // Нормы советского права. Проблемы теории / под ред.: М. И. Байтина, В. К. Бабаева. Саратов, 1987. С. 236, 238.

государственной власти, осуществляется в отношении конкретного лица или группы лиц и только в соответствии с требованиями законодательства.

В-третьих, применение сочетает в себе черты других форм реализации права¹, ей свойственна комплексность и организующий характер, поскольку «невозможно представить правоприменение вне деятельности по соблюдению, исполнению и использованию»². Орган государственной власти преобразует формы реализации права в комплексную категорию, обладающую чертами входящих в него компонентов, но не сводящуюся к каждой из них.

В силу юридической фиктивности у органа государственной власти отсутствует способность осуществления выбора в обычном понимании, что делает невозможным для него использование, как форму реализации права, в своем классическом виде. Однако будучи преобразованным с учетом специфики субъекта – органа государственной власти – в элемент применения, способность выбирать преобразуется в нормативно-определенные алгоритмы, определяющие выбор органа государственной власти в зависимости от установленных обстоятельств. При этом концептуальная характеристика использования, а именно выбор субъектом своих действий, сохраняется и в применении, как форме реализации властных предписаний.

Сходным образом следует рассматривать такие формы реализации права, как соблюдение и исполнение, отличающиеся поведением субъекта: активным или пассивным. Отмеченная ранее юридическая фиктивность органов государственной власти нивелирует возможность какого-либо самостоятельного поведения в связи с относимостью данной категории лишь к живым существам³, а следовательно, её неприменимостью к органам государственной власти в своем обычном понимании.

Кроме того, разграничение деяний органов государственной власти на активные и пассивные в условиях равной и неотвратимой предопределенности всех совершаемых субъектом действий нормативными требованиями едва ли возможно. Исполнению данными органами подлежат предписанные для них действия, что

---

¹ См.: Вопленко Н. Н. Реализация норм советского права и её социально-практические результаты. С. 236; Лазарев В. В. Применение советского права. Казань, 1972. С. 30.

² Вопленко Н. Н. Реализация права : учеб. пособие. Волгоград, 2001. С. 18.

³ См.: Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. 2-е изд. М., 1989. С. 486–487.

делает неуместным использование в их отношении терминов активного и пассивного деяния (как действия, так и бездействия) в типичном понимании (как связанных с отношением к ним субъекта).

Вместе с тем, органы государственной власти обязаны исполнять нормативные требования, с одной стороны проявляя для этого установленную законодательством активность, то есть совершая установленные действия, а с другой пассивно соблюдая требования законодательства, то есть бездействуя тогда, когда им адресовано соответствующее предписание.

Следовательно соблюдение и исполнение, как формы реализации правовых предписаний, в своем традиционном понимании не могут использоваться органами государственной власти, однако специфика субъекта преобразует их в элементы применения, сохраняя их первоначальные концептуальные признаки.

Таким образом, реализация государственного принуждения может осуществляться лишь в форме применения, аккумулирующего все иные формы правореализации и включающего в себя: соблюдение, в части обязанности государства не нарушать нормативные пределы применения государственного принуждения; исполнение, в части обеспечения установленных законодательством прав принуждаемого; использование, проявляющееся при избрании строгости принудительного воздействия при наличии установленной законодательством альтернативы в данном вопросе.

Продолжая отметим, что современные исследователи по-разному понимают основания применения государственного принуждения или, иначе, основания возникновения правоотношений государственного принуждения.

По мнению В. А. Сапуна механизм правового регулирования, в том числе относящийся к государственному принуждению, включает в себя несколько этапов. На первоначальном этапе упорядочение общественных отношений осуществляется при помощи выраженных в системе нормативно-правовых актов правовых норм охранительного и регулятивного содержания. Данная часть представляет собой статическую часть механизма правового регулирования. На последующих этапах

предписания правовых норм переходят в плоскость их практического действия за счет возникающих и реализующихся правоотношений¹.

Д. Н. Бахрах указывает, что основанием применения государственного принуждения является совершенное лицом правонарушение. При этом, уточняет автор, такое принуждение применяется только тогда, когда обязанности, установленные нормативными актами, нарушаются².

С. Н. Братусь отмечает, что в качестве основания применения государственного принуждения выступает нарушение лицом возложенной на него обязанности. Указанная обязанность должна быть законодательно закреплена, однако не обязательно должна быть сформулирована казуистично – по мнению автора, достаточно наличия самой общей нормы или норм. Исследователем также отмечается, что конкретным основанием применения государственного принуждения могут быть акты уполномоченных органов и лиц³.

Основанием применения государственного принуждения, по мнению И. В. Максимова, является неправомерное деяние, то есть нарушение лицом требования, выраженного в норме права, а также общественная, государственная необходимость либо иные позитивно-значимые обстоятельства, закреплённые в форме акта применения права⁴.

По итогам проведенного анализа подходов отечественных исследователей к вопросу об основаниях применения государственного принуждения А. И. Каплунов приходит к выводу о правильности понимания под ними возникновения экстремальных социальных условий. К таким условиям он относит виновное (правонарушение) или объективно-противоправное (деликт) неисполнение лицом юридической обязанности по соблюдению наказуемых запретов или по исполнению законных требований уполномоченных должностных

---

¹ См.: Сапун В. А. Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002. С. 48–50.

² См.: Бахрах Д. Н. Советское законодательство об административной ответственности: учебное пособие. Пермь, 1969. С. 16–26.

³ См.: Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976. С. 56, 195–196, 214.

⁴ См.: Максимов И. В. Административное наказание в системе мер административного принуждения (концептуальные проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 35–36.

лиц, либо неисполнение лицом каких-либо конкретных обязанностей, включая дополнительные, в связи с возникновением потенциальной или реальной опасности для охраняемых законом прав личности либо совершением правонарушения. При этом в основе принуждения, по его мнению, лежат два вида правовых норм: нормы, регламентирующие деятельность участников, и нормы, устанавливающие правила поведения принуждаемого лица¹.

К основаниям применения государственного принуждения С. И. Вершинина причисляет правовые основания и фактические основания.

К правовым основаниям она относит «находящиеся между собой в определенной связи и взаимозависимости материальные нормы, определяющие вид, содержание и характер меры принуждения (материально-правовое основание), процессуальные нормы, устанавливающие порядок реализации норм принуждения (процессуально-правовое основание), и правоприменительный акт [постановленный в процессе реализации материальных и процессуальных норм уполномоченным лицом]»².

Фактическими основаниями правоведа называет «юридические факты – противоправные деяния, соответствующие предписаниям правоохранительной нормы и установленные в индивидуально-правовом акте»³.

К похожим выводам приходит О. Н. Князева, указывая, что основанием применения налогового принуждения как формы государственного принуждения является наличие юридического факта, с которым законодатель связывает возникновение отношений по применению принудительных мер воздействия.

При этом исследователем указывается, что нормативная основа принуждения содержит в себе материальные и процессуальные нормы, а также односторонне-

---

¹ См.: Каплунов А. И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 18–20.

² Вершинина С. И. Правовые основания применения мер государственного принуждения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 3 (3). С. 41.

³ Вершинина С. И. К вопросу о юридической классификации фактических оснований применения мер государственного принуждения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2010. № 2 (12). С. 59.

властное решение компетентного органа или должностного лица. К фактическим основаниям применения государственного принуждения исследователем отнесено наличие правовых аномалий, представляющих собой правонарушение или объективно-противоправное деяние конкретного лица¹.

Предлагаемые учеными основания применения государственного принуждения являются комплексными, содержащими в себе несколько условий, которые можно условно подразделить на две группы:

1) нормативные основания – закреплённость в правовых нормах обстоятельств и процедуры применения государственного принуждения и связанных с ними вопросов.

В качестве элементов нормативного основания исследователями выделяются:

– материальные нормативные основания – нормы, содержащие указание на возможность применения государственного принуждения при наличии установленных критериев (Д. Н. Бахрах, С. Н. Братусь, С. И. Вершинина);

– процессуальные нормативные основания – нормы, устанавливающие правила и порядок реализации материальных оснований государственного принуждения (А. И. Каплунов, С. И. Вершинина, О. Н. Князева);

– правоприменительный акт (С. Н. Братусь, С. И. Вершинина).

2) фактические основания – совершение лицом предусмотренных нормативными основаниями деяний, влекущих применение мер государственного принуждения.

Нормативные и фактические основания применения государственного принуждения являются взаимосвязанными и неразрывными частями единого целого – оснований применения государственного принуждения. При этом фактические основания, то есть непосредственное совершение лицом предусмотренных нормативными основаниями деяний, влекущих за собой

---

¹ См., например: Князева О. Н. Основания налогового принуждения // Инновационное образование и экономика. 2012. № 10. С. 88–93; Бобкова Л. Л. Теоретические аспекты развития государственного принуждения в бюджетном праве // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 2 (13). С. 374.

применение к нему мер государственного принуждения, существует и может существовать только в той форме, с которой правовой нормой (материальными и процессуальными нормативными основаниями) связывается применение в отношении лица мер государственного принуждения.

Таким образом, фактические основания применения государственного принуждения, в рассматриваемом нами значении, носят производный от нормативных оснований характер, поскольку отсутствие последних нивелирует возможность его применения в принципе. Как справедливо отмечает по данному вопросу И. В. Максимов, «неправомерное принуждение – не есть государственное принуждение в истинном смысле этого слова: произвол и насилие не вписываются в формат государственного принуждения, правовой характер которого является его имманентным признаком»¹.

Отметим, что нормативный характер государственного принуждения, подробно определяющий порядок действий государства, позволяет соотнести его со смежными категориями социального принуждения: общественного и корпоративного.

Общественное принуждение не является результатом основанных на нормативной регламентации действий государства, а базируется на нравственности принуждающего общества и им же приводится в исполнение. Хотя общественное принуждение и связано требованиями закона, последние лишь очерчивает круг недопустимого общественного воздействия, исключая из него отнесенные к компетенции государства меры. Например, ст. ст. 126 и 127 УК РФ предусмотрена ответственность за похищение и незаконное лишение свободы человека вне зависимости от того, совершены ли эти действия лицом по собственной инициативе или в рамках применения общественного принуждения лица к чему-либо (вступить в брак с конкретным лицом, прибыть в правоохранительные органы для дачи свидетельских показаний или с повинной, по другим причинам).

При этом общественное принуждение находится во взаимосвязи с государственным принуждением, в демократическом обществе способствуя

---

¹ Максимов И. В. Указ. соч. С. 37.

последнему, в том числе за счет использования недоступных государству мер. Так, ст. ст. 21, 33 УК РСФСР 1960 года регламентировалось применение в качестве уголовного наказания общественного порицания, заключающегося в доведения до сведения общественности порицания виновному лицу.

Корпоративное принуждение, характеризуемое применением в рамках отдельных организаций (корпораций)¹, в большей мере связано нормативной регламентацией, чем общественное. Если связь общественного принуждения и нормативной регламентации можно в целом охарактеризовать как «разрешено все, что не запрещено законом», то корпоративное принуждение – это принуждение, применяемое органами управления корпорации по собственным мотивам, но в нормативно установленных для этого границах. В самом общем виде эту связь можно описать как «запрещено то, что не разрешено законом».

Между корпоративным и государственным принуждением также существует взаимосвязь. Например, абз. 6 ст. 357 Трудового кодекса РФ предусмотрено право государственных инспекторов при осуществлении контроля (надзора) за соблюдением трудового законодательства предъявлять работодателям обязательные для исполнения предписания, содержащих требования о привлечении виновных лиц к дисциплинарной ответственности, то есть должностное лицо государства вправе требовать применения корпоративного принуждения и это требование должно быть исполнено.

С другой стороны и органы управления корпорации вправе обращаться за государственным принуждением при недостаточной эффективности собственных мер. Например, работодатель (корпорация) вправе обратиться в суд за взысканием ущерба с материально ответственного лица.

Признаком общественного и корпоративного принуждения, а также одним из основных их отличий от государственного принуждения, является некоторая свобода их применения. Ввиду фиктивного характера государства последняя отсутствует в

---

¹ См. подробнее: Козырева А. Б. Корпоративные нормы: правовой характер, признаки, санкции и соотношение с законодательными нормами // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 3 (76). С. 28–38.

государственном принуждении, в котором для государства «разрешено только то, что прямо предписано». При этом указанные категории не являются антогонистичными и в современном обществе функционируют во взаимосвязи, усиливая друг друга и генерируя ядро консолидированной системы принудительного воздействия на человека.

Спорным остается вопрос о содержании материальных нормативных оснований применения государственного принуждения, а именно о возможности нормативного закрепления в качестве условий применения государственного принуждения лишь противоправных действий, либо отнесения к их числу также и иных деяний.

В соответствии с первым подходом к решению указанного вопроса, представленным в отмеченных работах Д. Н. Бахраха, С. Н. Братуся, С. И. Вершининой, а также Ф. М. Кудина¹ и др., основанием применения государственного принуждения является совершение лицом деяния (фактическое основание), противоречащего законодательству (нормативное основание)², то есть случаи нарушения лицом норм материального права.

Справедливость указанного подхода объясняется необходимостью пресечения противозаконного деяния, привлечения к ответственности виновных лиц, устранения его негативных последствий³. Речь идет об обеспечении реализации содержащихся в законодательстве представлений о должном поведении, господствующим в данном обществе при осуществлении государственного принуждения, а также о восстановлении правопорядка.

---

¹ См.: Кудин Ф. М. Избранные труды / вступ. ст. В. А. Азарова. Волгоград, 2010. С. 15.

² См. также: Нураддинова В. Н. Девиантное поведение несовершеннолетних и иные обстоятельства как основание для применения мер административного принуждения // Педагогическое образование на Алтае. 2014. № 2. С. 508; Князева О. Н. Основания налогового принуждения // Инновационное образование и экономика. 2012. № 10. С. 88–93; Чебаков А. И. Основания применения мер государственного принуждения // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. 2015. № 2–3 (66–67). С. 132.

³ См.: Чебаков А. И. Указ. соч. С. 127.

Особо следует отметить позицию С. Н. Братуся¹, который хотя и говорит о противоправном действии как об основании применения государственного принуждения, трактует последнее широко, охватывая все отношения, в какой бы то ни было форме урегулированные законодательством. Такая концепция, безусловно, сыграла значительную и положительную роль в формировании советской и российской доктрины применения государственного принуждения и уже стала классической. Однако отметим, что, с учетом широкой регламентированности общественных отношений, используемый автором подход значительно расширяет круг случаев, являющихся основанием для применения государственного принуждения. Это объясняется тем, что всегда будет существовать норма высокой степени абстрактности, регламентирующая в той или иной мере любые общественные отношения.

Согласно второму подходу в качестве основания применения государственного принуждения может выступать не только совершение противоречащих законодательству деяний, но и деяний, не являющихся правомерными в строгом смысле. К ним исследователями относятся те случаи, когда фактическими основаниями применения государственного принуждения являются действия, не нарушающие материально-правовых норм².

Например, О. Э. Лейст указывает, что «...ряд принудительных мер, применяемых государственными органами, вообще не связан с охраной правопорядка, а преследует другие цели (например, принудительное

---

¹ См. подробнее: Братусь С. Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М., 1976. С. 46–47, 178–182.

² Можно согласиться с позицией той части исследователей, которые понимают под материально-правовыми нормами нормы, регулирующие лишь содержательную сторону общественных отношений, а под процессуально-правовыми нормами – нормы, устанавливающие процедуру деятельности по осуществлению норм материального права. При этом не имеет значение содержатся ли указанные нормы в нормативном правовом акте, регламентирующем вопросы преимущественно процессуально-правового или преимущественно материально-правового характера (см.: Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 246).

освидетельствование и принудительное лечение лиц, страдающих определенными заболеваниями)»¹.

С. В. Лелявин полагает, что принуждение должно применяться, в том числе, за поведение, которое не противоречит требованиям права, но граничит с противоправным поведением, в том числе за виктимное поведение, шиканозные действия². Близкого подхода придерживается С. Н. Кожевников, который отмечает, что фактическим основанием применения государственного принуждения является наличие юридического факта, к которому помимо правонарушения относятся ситуации, требующей незамедлительной реакции государства³.

Э. А. Сатина пишет, что помимо отступления лица от правомерного поведения основанием применения мер государственного принуждения является угроза совершения правонарушения, наличие каких-либо обстоятельств, свидетельствующих о возможном нанесении обществу ущерба, а также объективно вредные и нанесшие ущерб деяния, не являющиеся виновными⁴.

Приведенные позиции находят свое отражение и в иных исследованиях.

В числе сторонников второго подхода заслуживающей особого внимания, на наш взгляд, является позиция С. В. Лелявина, считающего, что применение государственного принуждения может быть вызвано не только нарушением каких-либо конкретных требований законодательства (например, о неприкосновенности жизни и собственности), но и случаи злоупотребления правом, в том числе шиканозное и виктимное поведение⁵.

---

¹ Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М., 1962. С. 30.

² См.: Лелявин С. В. Поведение, не противоречащее правовым предписаниям, как основание государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2010. С. 8.

³ См.: Кожевников С. Н. Государственное принуждение: регулятивно-охранительное назначение, формы // Российский юридический журнал: электронное приложение. 2011. № 2. С. 26. URL: <http://electronic.ruzh.org> (дата обращения: 12.01.2021).

⁴ См.: Сатина Э. А. Понятие и виды государственного принуждения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2003. № 2 (30). С. 74.

⁵ Виктимное поведение отнесено нами к случаям злоупотребления правом постольку, поскольку провоцирующее поведение способно повлечь за собой негативные последствия для лица, совершившего связанное с указанным поведением противоправное действие.

Правомерное (соответствующее требованиям законодательства) и неправомерное (не соответствующее требованиям законодательства) поведение лица являются противоположностями, между которыми, как справедливо отмечено ученым, в соответствии с философским законом единства и борьбы противоположностей, существует промежуточный интервал, служащий для взаимного перехода противоположностей друг в друга¹. Поведение лица, которое выходит за пределы строго правомерного поведения (то есть за границы нормативно регламентированного поля отношений), но не является противоправным (то есть не вступает в прямое противоречие с нормативными требованиями) – иными словами, находящееся в вышеозначенном интервале взаимного перехода противоположностей, – способно иметь негативные для общества последствия². Отмеченное обстоятельство, как полагает С. В. Лелявин, «требуется корректировки с помощью государственного принуждения» в целях исключения и недопущения негативных в понимании общества действий, то есть направлено на приведение поведения лица в соответствие с общепринятым стандартом поведения³.

Рассмотрение отечественного нормативного регулирования, в частности одного из самых современных отечественных кодифицированных нормативных правовых актов – Кодекса административного судопроизводства РФ, свидетельствует о признании отечественным законодателем отмеченного подхода. Так, ч. 6 ст. 45 указанного кодекса определено, что лица, участвующие в деле, должны добросовестно пользоваться всеми принадлежащими им процессуальными правами. За нарушение указанного требования предусмотрена возможность

---

¹ См.: Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. М., 1983. С. 156, 185, 625.

² Примером могут служить случаи злоупотребления правом (шиканозные действия), блокирующие нормальную деятельность социально необходимых институтов, например, медицинских организаций при необоснованном и многократном обращении за помощью, препятствующем оказанию реально необходимой помощи иным лицам, деятельность коллекторских организаций, заключающаяся в необоснованно многократных телефонных звонках предполагаемому должнику и иные аналогичные случаи (см.: Козлова Н. «Скорую» отключили // Российская газета. 2016. 1 апреля.)

³ См.: Лелявин С. В. Указ соч. С. 7–8.

применения мер государственного принуждения: например, ст. 118 данного закона установлено, что в случае нарушения участником судебного разбирательства правил выступления в судебном заседании председательствующий в судебном заседании вправе: ограничить от имени суда его выступление или лишить его от имени суда слова. Таким образом законодателем предусматривается возможность применения мер государственного принуждения в связи с злоупотреблением правом принуждаемым лицом.

Думается, следует согласиться и с указанными выше позициями А. И. Каплунова, а также Э. А. Сатиной в части указания ими на такое основание применения государственного принуждения, как угроза причинения ущерба обществу, в том числе путем совершения правонарушения или деликта, поскольку предотвращение указанных угроз не позволит причинить обществу реальный ущерб и тем самым сохранит нормальное функционирование общественных отношений. Последнее позволит обеспечить интересы общества, как принуждающего лица.

Указанный подход воспринят отечественным законодателем. Так, ч. 1 ст. 97 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации определено, что дознаватель, следователь, а также суд в пределах предоставленных им полномочий вправе избрать обвиняемому, подозреваемому одну из мер пресечения, предусмотренных УПК РФ, при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый: скроется от дознания, предварительного следствия или суда; может продолжать заниматься преступной деятельностью; может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу. Законодатель наделил уполномоченные органы правом применения мер принуждения в случае, когда правонарушение отсутствует, но имеются достаточные основания полагать, что правонарушение (преступление) будет

совершено. Иными словами, нормативная возможность применения принуждения допускается в случае наличия реальной угрозы¹.

При этом следует отметить недопустимость отнесения к их числу потенциальных угроз, то есть тех, которые на момент оценки ситуации субъектом отсутствуют, однако их возникновение не обязательно, но сколько-нибудь вероятно в дальнейшем. Такой подход не только допускает применение государственного принуждения в ситуации отсутствия негативных последствий каких-либо совершенных действий (то есть при наличии реальной угрозы), но и в условиях отсутствия самих этих действий и даже при неочевидности их совершения в дальнейшем. Это позволит применять государственное принуждение фактически случайным образом по усмотрению уполномоченных лиц, со значительной вероятностью приведет к необоснованному вмешательству в сферу прав и свобод человека, а значит негативно повлияет на легитимность государства и безопасность общества.

Исследователями среди оснований применения мер государственного принуждения отдельно также выделяется презумпция причинения вреда.

Так, М. А. Латушкин указывает, что характерным примером применения мер государственного принуждения на основании названной презумпции является осуществление досмотров в аэропортах. «В данном случае, указывает автор, презюмируется факт возможности причинения вреда, а также совершения лицом противоправных действий, выраженных в попытке провести на борт авиасудна запрещенные предметы. Этот презюмированный факт может быть опровергнут действиями лица, в отношении которого применяется соответствующая мера

---

¹ См. об этом, например: Векленко П. В. Опасность: сущность, структура, онтологические смыслы : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Омск, 2006; Ильянова О. И. Угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и их предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015.

государственно-правового принуждения»¹. Аналогичной позиции придерживается А. П. Рогов².

Признание презумпции причинения вреда в качестве самостоятельного основания применения мер государственного принуждения, полагаем, преждевременно. В предложенном понимании данная презумпция является юридическим оформлением угрозы причинения вреда, также выделяемого авторами, и не содержит достаточных условий для признания за ней самостоятельности. Аналогичную оценку предполагает и выделение в качестве самостоятельного основания, наряду с угрозой причинения вреда и фактическим причинением вреда, нормы права³, которая должна отражать основания применения мер государственного принуждения, не обладая при этом самостоятельным статусом.

Вместе с тем, приведенные категории (злоупотребление правом, угроза причинения ущерба), могут стать поводом для государственного воздействия лишь в случае приобретения ими юридической формы – нормативном закреплении. В ином случае государство попросту не сможет противодействовать данным явлениям мерами государственного принуждения.

Некоторые затруднения вызывает вопрос о соотношении ущерба, предупреждаемого применением государственного принуждения, и тех негативных последствий, которые наступают для превентивно принуждаемого государством лица. Иными словами, вопрос о приоритете интересов общества или отдельного лица при применении государственного принуждения.

Думается, что решение данного вопроса в значительной мере относится к сфере этики и бесспорный ответ на данный вопрос едва ли возможен в принципе. Попытавшийся его дать должен будет поставить на одну чашу весов гипотетическую, возможно не способную реализоваться фактически, пользу

---

¹ Латушкин М. А. Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2010. С. 78–80.

² См.: Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 151.

³ Там же.

обществу от применения государственного принуждения, а на другую - реальные и обычно довольно строгие ограничения конкретного человека со всеми влекомыми этим последствиями. Ответ в данном случае не очевиден и будет зависеть, в том числе, от нравственных приоритетов, доминирующих в обществе в конкретный период времени.

Рассматривая же данный вопрос в объёме, необходимом для разрешения поставленных в настоящей работе вопросов обратим внимание на «многоуровневость» ответа на него.

На первом уровне (в базисе) ответ на поставленный вопрос о выборе приоритета между обществом и отдельным лицом при применении государственного принуждения определяется ролью общества как принуждающего лица в государственном принуждении, а, следовательно, приоритетом его интересов над интересами принуждаемого лица¹.

На втором уровне (на уровне надстройки), общество в зависимости от нравственных приоритетов в текущий момент, стоящих перед обществом вызовов, и др., самостоятельно принимает решение в данном вопросе. И если общество устанавливает приоритет человека, а также его индивидуальных прав, свобод и законных интересов (что характерно для высоких уровней нравственного развития)², то в противостоянии общества и отдельного лица приоритет отдаётся находящемуся в меньшинстве лицу. Если же общество принимает решение о преимущественной защите общественных интересов – приоритет будет отдан им.

Таким образом следует прийти к выводу о том, что материальные нормативные основания применения государственного принуждения, как формы реализации государственной власти, могут охватывать как противоправные, так и не являющиеся объективно противоправными, но свидетельствующие о

---

¹ Отметим, что сказанное не следует понимать как пренебрежение гуманистическими ценностями. Имеется в виду то минимальное необходимое «зло», которое приходится допускать в целях сохранения нормального функционирования общественных отношений.

² См.: Анцыферова Л. И. Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) // Психологический журнал. 1999. Т. 20. № 3. С. 7.

злоупотреблении правом либо о реальной угрозе нарушения прав и свобод человека действия.

Последнее, вместе с тем, должно находить свое отражение в законодательстве, поскольку в противном случае государство не сможет применить государственное принуждение в связи с отсутствием установленного для его должностных лиц порядка действий в данной ситуации. Кроме того, отсутствие надлежащей нормативной регламентации может создать условия для неоправданного ограничения прав и свобод человека со стороны должностных лиц государства. Последнее способно инициировать в демократическом государстве делегитимационные процессы и привести к гибели последнего, то есть прекращению какой бы то ни было защиты прав граждан, что недопустимо.

Изложенное, кроме того, служит дополнительным подтверждением верности такого понимания государственного принуждения и юридической ответственности, при котором категории не сводятся друг к другу¹, о чем следует сказать отдельно.

Как отмечается С. И. Вершининой, государственное принуждение представляет собой систему, лишь один элемент из которой – наказательное принуждение – находит свое отражение в институте юридической ответственности. Остальные выделяемые автором виды принуждения имеют иные задачи, например превентивное воздействие на лиц (превентивное принуждение), защита и восстановление прав пострадавших (восстановительное принуждение) и др.². Схожие подходы к вопросу актуальны до настоящего времени³.

Хотя, по нашему мнению, автором государственное принуждение ошибочно совмещено с государственным силовым воздействием и расширяется до размеров

---

¹ См.: Акбашев Р. Р. Ограниченная юридическая ответственность как мера государственного принуждения и её отображение в отдельных правовых учениях // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2013. № 13. С. 114–115; Горбунов А. Е. О соотношении дефиниций «государственное принуждение» и «ретроспективная юридическая ответственность» // Научный поиск. 2017. № 2.1. С. 11.

² См.: Вершинина С. И. Юридическая ответственность как вид государственного принуждения // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2009. № 5. С. 23.

³ См.: Пугацкий М.В. Юридическая ответственность как вид государственного принуждения // Вопросы российского и международного права. 2019. Т. 9. № 4-1. С. 326.

общественных отношений, охватывающих государственную власть в целом, а также допускается смешение форм и методов реализации власти, не вызывает сомнений как выделяемая авторами системность государственного принуждения, так и широта общественных отношений, в которых он используется. Полагаем, государственное принуждение может применяться для осуществления юридической ответственности, но не сводится к ней.

Равно как и юридическая ответственность может осуществляться не только применением принуждения, как одной из форм реализации государственной власти, но и, например, такой ранее рассмотренной в работе формой реализации государственной власти как силовое воздействие. Кроме того, по справедливому утверждению И. А. Кузьмина, «юридическая ответственность может осуществляться правонарушителем ... посредством самостоятельного (добровольного) исполнения обязанности претерпеть лишения, лежащей в содержании ответственности»¹, то есть не сводится к государственному властному воздействию в целом.

По аналогичным причинам неверно ограничивать лишь принуждением, как одной из форм реализации государственной власти, не только юридическую ответственность, но и выделяемые наравне с нем меры предупредительного воздействия, меры защиты (восстановительные меры) и др., каждая из которых может использовать для своей реализации различные формы государственной власти и их комбинации.

Указанное справедливо для широкого понимания юридической ответственности и иных указанных мер. Если же категории принуждения (превентивное, восстановительное и др.) рассматриваются в качестве видов собственно государственного принуждения, то неверным видится провозглашение равенства между наказательным принуждением и юридической ответственностью, поскольку последняя хотя и связана с государственным принуждением, но

---

¹ См.: Кузьмин И. А. Теоретические проблемы понимания и реализации юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2012. С. 7.

включает в себя и иные указанные автором меры (например, восстановительные меры).

Не менее важными являются процессуальные основания применения государственного принуждения. Не вызывает сомнений обоснованность указания учеными в качестве принципиально важного и обязательного основания применения государственного принуждения соблюдения принуждающим требований процессуальных норм. Их регулятивный характер, направленный на упорядочение возникающих в связи с применением государственного принуждения отношений, обеспечивает единообразие и прозрачность применения мер государственного принуждения, что, в свою очередь, способствует верному применению государственного принуждения, то есть достижению нормативно определенных интересов общества как принуждающего субъекта.

Напротив, признание правоприменительного акта одним из нормативных оснований применения государственного принуждения видится излишним. Так, слово «основание» в неспециализированном смысле означает повод или причину чего-либо¹, то есть явление, обуславливающее возникновение другого явления².

При рассмотрении выделяемых исследователями оснований применения государственного принуждения не возникает сомнений в необходимости наличия материальных и процессуальных оснований применения государственного принуждения. Именно в соответствии с определенной процедурой проводится идентификация произошедших в объективной действительности обстоятельств с материальными основаниями, по результатам которой констатируется отсутствие либо наличие в действиях лица фактических оснований применения государственного принуждения. Иными словами, именно в результате применения процедуры устанавливается тождественность (нетождественность) фактических обстоятельств дела нормативным требованиям, и именно в рамках процедуры

---

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 463.

² См.: Там же. С. 603.

принимается итоговое решение о применении (неприменении) государственного принуждения.

Выделение в отдельный элемент нормативных оснований применения государственного принуждения правоприменительного акта фактически «разрывает» процедуру на несколько не связанных друг с другом частей. В первой из них устанавливается соответствие нормативным требованиям обстоятельств объективной действительности, в том числе требований, предъявляемых к уполномоченному должностному лицу, а во второй, равнозначной и независимой от первой, принимается соответствующий правоприменительный акт.

Такой подход, полагаем, противоречит действительности, поскольку оценка любым обстоятельствам может даваться только в связи с их тщательным рассмотрением, а без нее не может быть принят и правоприменительный акт, т. к. в нем попросту ничего не удастся отразить. Кроме того, рассматриваемый подход при системном рассмотрении позволяет утверждать, что правоприменительный акт принимается вне связи с какими бы то ни было обстоятельствами. Поэтому полагаем обоснованным рассматривать правоприменительный акт в составе процессуального основания применения государственного принуждения.

Приведенное выше понимание исследователями оснований применения государственного принуждения как вопроса, лежащего исключительно в плоскости исполнения (неисполнения) установленных правом требований, является рассмотрением этого вопроса в узком смысле.

В общей теории права основанием применения юридической ответственности является совокупность нормативных (материальных и процессуальных) и фактических оснований. В отношении применения государственного принуждения эти основания, понимаемые в узком смысле, также имеют место, исходя как минимум из того обстоятельства, что юридическая ответственность может реализовываться средствами государственного принуждения и в этом смысле юридическая ответственность частично совпадает с государственным принуждением.

Однако вопрос об основаниях применения государственного принуждения является более сложным, нежели вопрос оснований юридической ответственности.

Конечно, указанные основания присутствуют при применении государственного принуждения. Но так как государственное принуждение является более широким явлением, чем юридическая ответственность, оно связано с задачами, как государства, так и права.

Концептуально государства имеют своей задачей разрешение вопросов, в принципе неразрешимых в их отсутствие. К таким вопросам могут относиться, например, обеспечение жизненных условий завоевателей за счет порабощенного населения, необходимость сдерживания классовых противоречий¹. Обратное, с учетом значительного объема необходимых для создания и функционирования государства средств, явилось бы бессмысленной тратой значительных ресурсов впустую.

Государство выполняет роль механизма по достижению задач, поставленных перед ним инициатором его создания, причем они являются целями инициатора, которых он, при отсутствии государства, достичь не может. Иными словами, задачи государства производны от задач инициатора его создания. Аналогичным образом следует подходить и к задачам законодательства, регламентирующего деятельность государства.

Задачи государства, в свою очередь, обуславливают возникновение и существование его функций (Л. Б. Алексеева², М. И. Байтин³, Н. В. Черноголовкин⁴ и др.), из чего следует, что функции государства являются проявлением задач инициатора создания последнего, а, следовательно, и его

---

¹ См.: Гумплович Л. Общее учение о государстве / пер. И. Н. Неровецкого. СПб., 1910. С. 47, 53, 58–59; Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. М., 1961. Т. 21. С. 170.

² См.: Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. М., 1989. С. 423.

³ См.: Байтин М. И. Сущность и основные функции социалистического государства. Саратов, 1979. С. 191.

⁴ См.: Черноголовкин Н. В. Теория функций социалистического государства. М., 1970. С. 7–8, 23.

сущности. Для демократического государства функции государства являются проявлением сущности и задач общества в наибольшей мере.

Для установления соотношения функций государства и государственного принуждения рассмотрим вопрос о видах функций государства.

Ученые предлагают много различных классификаций и типологий функций государства¹, однако применительно к настоящему исследованию наибольшей показательностью обладает классическая дифференциация функций государства в зависимости от сфер их реализации, то есть на внутренние и внешние.

К внутренним относят: экономическую (осуществление государством управленческого воздействия на экономическую сферу жизни общества); финансовую (консолидация и распределение денежных средств в государстве); социальную (оказание услуг всем членам общества, забота о малообеспеченном в силу каких-либо причин населении, оказание ему помощи); политическую (поддержка политического господства правящих); охраны правопорядка (борьба с преступлениями и правонарушениями в целях создания благоприятных условий существования общества); культурную (организация деятельности по культурному, духовному, интеллектуальному развитию общества); экологическую (организация деятельности по охране природы и рациональному использованию ее ресурсов) функции государства.

Среди внешних функций выделяется военная функция, заключающаяся в обороне страны, в том числе обеспечении готовности к ней в мирное время, охрана границ и функция международного сотрудничества, ведении военных действий².

В отечественной правовой и политической науке также распространен подход к классификации функций государства, предложенный В. С. Кудря. Он дифференцирует присущие государству функции на функцию правового регулирования, включающую в себя защиту прав человека, экономическую,

---

¹ См., например: Черноголовкин Н. В. Указ. соч. С. 116, 124–125; Байтин М. И. Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков). С. 10.

² См.: Лазарев В. В., Липень С. В. Указ соч. С. 68–78.

социальную, фискальную, коммуникативно-информационную, экологическую, внешнеполитическую функции и функцию обороны¹.

В некоторой степени сходного подхода придерживаются Г. А. Борисов и Е. Е. Тонков, которые выделяют такие функции государства, как функция всемерного обеспечения реализации основных прав и свобод человека и гражданина, социальная функция, функция экономического регулирования, функция упрочнения режима законности и укрепления правопорядка, экологическая функция, демографическая функция².

Развивая вопрос функций государства, обратим внимание на первоочередную роль убеждения при осуществлении государственной деятельности и обеспечении реализации функций государства. Однако, как справедливо указано К. В. Шундиковым, «в любом, даже самом благополучном, обществе найдутся люди, цели которых выходят за рамки дозволенного. Однако это не означает, что данный процесс нельзя контролировать»³.

Так, в случае если лицо не желает добровольно платить налоги (а получение их является задачей государства), то необходимость их сбора инициирует реализацию финансовой функции государства, обеспечивающей сбор соответствующего налога или сбора с лица (фискальной функции у В. С. Кудря, функции экономического регулирования у Г. А. Борисова и Е. Е. Тонкова). Отказ от подчинения уполномоченному лицу приводит в действие правоохранительную функцию (функцию правового регулирования у В. С. Кудря, функцию упрочнения режима законности и укрепления правопорядка у Г. А. Борисова и Е. Е. Тонкова). Нежелание лица подчиняться ограничениям на экспорт или импорт какого-либо товара служит основанием для исполнения экономической функции государства

---

¹ См.: Кудря В. С. Функции правового государства, находящегося в становлении: на примере Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 168–173.

² См.: Борисов Г. А., Тонков Е. Е. О развитии теории функций государства // Право и образование. 2005. № 1. С. 6–7.

³ Шундиков К. В. Цели, средства и результаты в правореализационном процессе // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2001. № 4 (237). С. 33.

(экономическая функция у В. С. Кудря, функция экономического регулирования у Г. А. Борисова и Е. Е. Тонкова).

Возможно смоделировать аналогичные ситуации применительно к иным государственным функциям, выделяемым исследователями в рамках различных классификаций и типологизаций.

Для достижения задач от государства требуется добиться исполнения существующих требований в финансовой, экономической и иных сферах, что, в свою очередь, при наличии оснований, может быть достигнуто только применением государственной власти. Это обстоятельство позволяет считать, что реализация любой государственной функции вне зависимости от классификации, в которой она выделяется, может потребовать применения государственной власти, и в этом смысле государственная власть имманентна функциям государства.

Государственное принуждение по сравнению с ранее установленной в работе второй формой власти – власти в форме силы, меньшим образом вмешивается в сферу прав и свобод человека. Это предопределяет преимущества указанной формы, поскольку минимизация вмешательства в права и интересы членов общества сокращает вероятность возникновения делегитимационных процессов в самом государстве, позволяя понуждать лиц к исполнению требований без применения к ним более сурового силового воздействия¹. При этом следует особо подчеркнуть, что государственная власть в целом и государственное принуждение в частности являются вспомогательными по отношению к построенным на убеждении вариантам воздействия государства, вступающим тогда, когда убеждение не позволяет достичь стоящих перед государством задач, реализовать необходимые государственные функции.

Таким образом, необходимость реализации государством своих внутренних и внешних функций обуславливает применение государственной власти, а

---

¹ Это утверждение подтверждается также распространенностью указанной формы власти в деятельности демократических государств (см.: Кожевников С. Н. Государственное принуждение: регулятивно-охранительное назначение, формы // Юридический мир. 2010. № 9. С. 43–44).

недопустимость делегитимационных процессов в государстве предопределяет в качестве наиболее приемлемой формы ее реализации государственное принуждение (по сравнению с парным ему государственным силовым воздействием).

По верному замечанию А. П. Рогова «Вся историческая цепочка событий предопределяет негативное отношение ко всему, что связано с государственным принуждением»¹. Причем настолько, что как указано Н. А. Власенко, «теперь предлагается верить, что скоро и государственное принуждение отомрет, и народ забудет, что это такое»². Именно поэтому применение последнего является крайней мерой, требующейся лишь при возникновении препятствий к нормальному осуществлению государственных функций (например, функции охраны здоровья граждан и обусловленным её реализацией пресечением нарушений санитарно-эпидемиологического режима в период распространения новой коронавирусной инфекции; правоохранительная функция и производная от неё, обеспечиваемая мерами государственного принуждения, деятельность по пресечению вооруженного мятежа), однако объективно необходимой мерой. Мерой, на современном этапе развития общества носящей вспомогательный по отношению к иным способам государственного управления, но от этого не менее востребованный характер. Применение государственного принуждения обеспечивает и выступает гарантом стабильного осуществления государством своих функций и достижению поставленных перед ним задач, а, следовательно, обеспечивает защиту прав и свобод человека, обеспечения интересов общества и государства.

Разумеется, значительная часть случаев объективного противодействия реализации государственных функций не требует применения столь существенным образом воздействующих на лицо мер, как государственное принуждение. В большинстве достаточно основанных на методе убеждения средств воздействия

---

¹ См.: Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 37.

² Власенко Н. А. Современное российское государство: очерки. М., 2023. С. 31.

государства на лиц (разъяснения, побуждения) для обеспечения их действий в правовом поле. Однако, в настоящее время преждевременно утверждать о невозможности существенного противодействия реализации государственных функций, а следовательно, излишности государственной власти в целом и государственного принуждения в частности.

Примером такого противодействия может выступить реализация государством правозащитной функции, заключающейся, в том числе, в пресечении преступных посягательств и изобличении виновных. По сведениям Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации¹ в 2022 году в Российской Федерации зарегистрировано более 1 966 тыс. преступлений (в 2021 г. – 2 004 тыс., в 2020 г. – 2 044 тыс., в 2019 г. – 2 024 тыс., в 2018 г. – 1 991 тыс., в 2017 г. – 2 058 тыс.). Из них более четверти – 536 тыс. преступлений, относятся к преступлениям особой тяжести и тяжким преступлениям (в 2021 г. – 560 тыс., в 2020 г. – 563 тыс., в 2019 г. – 494 тыс., в 2018 г. – 448 тыс., в 2017 г. – 437 тыс.), остальные к числу преступлений небольшой и средней тяжести.

Имеющаяся динамика преступности свидетельствует об отсутствии устойчивой тенденции к её исчезновению в краткосрочной и среднесрочной перспективе, а следовательно, о необходимости применения государственного принуждения для реализации правозащитной функции государства. Схожие результаты могут быть получены и при рассмотрении иных функций.

Таким образом восстановление нормального функционирования государства (следовательно реализации консолидированной воли его граждан) в каждом приведенном случае требует государственного вмешательства, а при неэффективности основанных на методах убеждения механизмов – применения государственного принуждения. Отказ от применения последнего в данном контексте негативно скажется на защите прав и свобод граждан, способен привести к гибели государства и полному лишению общества защиты, им гарантированной.

---

¹ См.: Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения 03.02.2023).

Следовательно, с занятых позиций основанием применения государственного принуждения, понимаемого в широком смысле, является необходимость реализации государством своих функций, обеспечивающих защиту прав и свобод человека, защиту интересов государства и общества.

Уместным считаем отметить также следующее: ввиду юридической фиктивности государство осуществляет свою деятельность на основании закрепленного в законодательстве порядка, составляющего в известном смысле алгоритм его действий, в том числе по осуществлению государственного принуждения. Законодательная регламентация предшествует применению государственного принуждения.

Между тем, законодательство само по себе играет общепреventивную роль: устанавливая порядок применения государственного принуждения, оно одновременно убеждает лицо воздержаться от совершения действий, которые повлекут негативные последствия. Таким образом, хронологически применение государственного принуждения следует за убеждением, осуществляемым законодательством, и в этом смысле государственное принуждение вторично убеждению. Полагаем это справедливо и в случаях оперативного применения государственного принуждения.

При этом государственное принуждение не только обеспечивает функционирование государства, но и осуществляет собственные функции (служебные, социальные), которые, однако, не относятся к предмету настоящего исследования¹.

Итак, государственное принуждение осуществляется в форме правоприменения, аккумулирующего в себе также соблюдение, исполнение, использование.

Применение, как одновременно интегрирующая и магистральная форма реализации государственного принуждения, отличается обусловленными

---

¹ См.: Грешнова Г. В. Функции государственного принуждения и формы их реализации по российскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2022. С. 10–11.

своеобразием каждой формы правореализации чертами. Так, в частности, соблюдение порождает возникновение обязанности у принуждаемого лица не нарушать нормативные пределы применения государственного принуждения; исполнение детерминирует обеспечение реализации закрепленных прав принуждаемого; использование порождает реакцию государства в случаях предусмотренной альтернативности в его действиях. Собственно применение характеризуется наличием у субъекта возможности принятия обеспечиваемых государством властных решений.

Итогом обобщения различных точек зрения на основания применения государственного принуждения как формы реализации государственной власти послужил авторский вывод об обоснованности и необходимости их дифференцированного восприятия в узком и широком смыслах.

Под основаниями применения государственного принуждения в узком смысле предлагается понимать совокупность нормативных и фактических оснований его применения. Нормативные основания зафиксированы в нормах материального и процессуального права и устанавливают, соответственно, условия и порядок применения государственного принуждения. Фактические основания – это выполнение (либо, напротив, невыполнение) в объективной реальности принуждаемым лицом действий, которые обозначены в качестве нормативных оснований применения государственного принуждения.

Первичным нормативным основанием выступают именно материальные основания, закрепляющие триггеры применения государственного принуждения. К их числу, в условиях нормативной фиксации, могут относиться как нарушения юридических норм, так и случаи злоупотребления правом либо реальная угроза нарушения прав и свобод человека. В свою очередь процессуальными основаниями выступают нормы, устанавливающие правила и порядок реализации материальных оснований государственного принуждения.

Критически оценивается отнесение некоторыми авторами правоприменительного акта к числу самостоятельных правовых оснований применения государственного принуждения. Уязвимость данного тезиса

объясняется приданием сторонниками названной позиции дискретного характера правоприменительной процедуре, что подразумевает искусственное отделение процесса реализации вышеуказанных законодательных требований от порождаемого ими правореализационного акта.

В широком смысле под основаниями применения государственного принуждения предлагается понимать казуистические обстоятельства, требующие применения государственного принуждения для обеспечения реализации государством внутренних и внешних функций в условиях осуществляемого им противодействия, а в конечном итоге для защиты прав и свобод человека.

Применение государственного принуждения является вторичной по отношению к убеждению, но объективно необходимой и основанной на законодательстве мерой. Оно требуется лишь при возникновении препятствий и обеспечения их преодоления, что необходимо для надлежащего осуществления государственных функций. Подобного рода принуждение применяется для нивелирования трудностей, возникающих в связи с неисполнением (ненадлежащим исполнением) отдельными лицами возложенных на них обязанностей либо при наличии реальной угрозы их неисполнения, т. е. олицетворяющими воспрепятствование свободе, а следовательно, является правовым по своей природе (И. Кант). Такие субъекты в установленном порядке мерами государственного принуждения склоняются к осуществлению обязательных для них действий (бездействия), без совершения которых функции государства не могут быть реализованы, задачи государства достигнуты, а защита прав и свобод граждан, интересов общества и государства – обеспечена.

Соотнесено государственное, общественное и корпоративное принуждение, в результате чего обосновывается, что указанные разновидности принуждения не являются антагонистичными и функционируют во взаимосвязи, взаимопроникая и усиливая друг друга.

2.2. Нравственные пределы применения государственного принуждения

Государственное принуждение, как отмечено ранее, характеризуется столкновением интересов обладающего значительными властными ресурсами государства с имеющим заведомо меньший запас властных ресурсов лицом или лицами, подвергаемыми принудительному воздействию. Потребность в обеспечении защиты и реализации индивидами своих прав и свобод в неравном противостоянии с государством предопределяет поиск ответа на вопрос: «из чего исходит законодатель, предусматривая определенные меры правового принуждения за совершение конкретного противоправного деяния, и из чего исходит правоприменитель при их выборе и назначении?»¹, что поднимает проблематику пределов применения государственного принуждения (далее – пределы государственного принуждения), в самом общем виде понимаемых как границы, за которыми государственное принуждение перестает быть самим собой и приобретает черты насилия.

По замечанию А. А. Березина «пределы неоправданно часто выпадают из поля зрения исследователей»², что требует восполнения данного пробела, и, в частности, обоснования использования указанного термина. Обосновывая использование понятия «предел» следует отметить, что применительно к границам использования государственного принуждения оно, несмотря на свою многозначность³, широко распространено в правовых исследованиях (И. П. Жаренов⁴, А. П. Рогов⁵ и др.), а следовательно, воспринято учеными и исследователями. Кроме того, оно соответствует общесоциальному пониманию

---

¹ Минникес И. А. Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 45.

² Березин А. А. Пределы правоприменительного усмотрения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. С. 15.

³ См.: Суменков С. Ю., Ловцов А. Н. Понятие и признаки пределов в праве // Алтайский юридический вестник. 2019. № 3 (27). С. 31.

⁴ См.: Жаренов И. П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 16–18.

⁵ См.: Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 10.

данной категории, под которой понимается нечто, отграничивающее собою что – либо¹, что не просто указывает на разделенность чего-либо границей, но подчеркивает противопоставленность разграниченных элементов.

И хотя существует научная дискуссия по вопросу точности и соотносимости данного термина со смежными категориями, в том числе понятием «ограничение»², он вполне может считаться устоявшимся и достаточным для целей настоящего исследования. Особенно учитывая, что ограничения обладают собственным пределом³ и находятся в пределах общей по отношению к ним категории⁴.

Исследуя особенности государственного принуждения А. П. Рогов определяет пределы государственного принуждения как «нормативно установленные и обеспечиваемые государством границы государственно-принудительного воздействия, определяющие его меру путем закрепления целей и средств принуждения, оснований и порядка их применения, выступающих условиями реализации полномочий государства в сфере принуждения и гарантией защиты прав граждан от незаконной деятельности принуждающих субъектов»⁵. Полагаем уместным для продолжения рассмотрения вопроса взять за рабочее определение приведенное понимание пределов государственного принуждения, последовательно рассмотрев выделяемые автором признаки.

Абсолютно обоснованно А. П. Роговым выделяется нормативный характер государственного принуждения. Как отмечалось ранее, государство выступает в роли орудия общества, не обладает собственной волей и разумом, способно осуществлять свою деятельность лишь в соответствии с нормативной регламентацией. В связи с чем пределы государственного принуждения, в том числе нравственные, могут найти свое отражение лишь в законодательных нормах, где

---

¹ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 580;

² Милушева Т. В. Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 104–107.

³ См.: Темрезов Т. Б. Пределы в праве и ограничения в праве: аспекты соотношения // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 276–279.

⁴ См.: Милушева Т. В. Указ соч. С. 106.

⁵ См.: Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 104.

каждый из возможных пределов государственного принуждения объективируется и приобретает юридическую значимость.

Необходимость нормативного закрепления пределов государственного принуждения справедливо подчеркивается многими исследователями. Например, Н. В. Макарейко указывает, что правовое государство вводит в правовые рамки в том числе и собственную деятельность, что особенно важно применительно к государственному принуждению, реализация которого должна осуществляться исключительно в режиме законности¹. Н. В. Ткачевой указывается, что именно закон определяет пределы мер принуждения². Ф. - К. Корнуо определяет законность как один из основных принципов применения государством «принудительных сил»³. На наличие связи между категорией пределов и нормативной регламентацией указывают и исследователи, сфера интересов которых не касается государственного принуждения⁴.

Причем нормативная закрепленность пределов государственного принуждения в материальных и процессуальных нормах законодательства, то есть рассмотренных ранее и понимаемых в узком смысле нормативных основаниях применения государственного принуждения, а также иных посвященных государственному принуждению нормах, является необходимым условием защиты прав и свобод личности, интересов общества и государства. Она нивелирует или, как минимум, значительно осложняет возможность произвольного применения государственного принуждения, способствует прозрачности и обеспечению обществу доступа к контролю за ним⁵. Разумеется, и в таком случае возможны злоупотребления со стороны применяющих государственное принуждение лиц,

---

¹ См.: Макарейко Н. В. Пределы государственного принуждения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 36.

² См.: Ткачева Н. В. Пределы применения принуждения в уголовном судопроизводстве // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 3-1 (41). С. 122.

³ См.: Cornuot F.-X. L'encadrement juridique de l'emploi de la contrainte exercée par la force publique en France et dans le monde. Strasbourg, 2015. P. 759–780.

⁴ См.: Панченко К. С. Пределы правовой толерантности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2021. С. 21.

⁵ См.: Жаренов И. П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

игнорирование ими закрепленных пределов его осуществления, что, вместе с тем, не позволяет считать инициированное недобросовестным лицом незаконное воздействие государственным принуждением по своей сути (В. Г. Ледяев).

Вместе с тем, имеется ряд замечаний к предлагаемому А. П. Роговым определению пределов государственного принуждения, не затрагивающих, однако, его концептуальных признаков.

Так, указание автором на обеспечиваемость государством границ государственно-принудительного воздействия относится к указанному в определении законодательству, а не собственно к пределам государственного принуждения. Государство, в силу указанных ранее причин, лишено возможности осуществлять действия, в том числе обеспечить границы государственного принуждения, до объективизации требований в законодательной форме. После же указанной объективизации государство обязано обеспечивать реализацию законодательства в целях защиты личности и общества под страхом утраты легитимности. В связи с тем, что предлагаемое определение содержит указание на законодательную регламентацию пределов дополнительное указание на их обеспечиваемость государством избыточно. Аналогично следует оценивать и указание на законодательство, как на условие реализации полномочий государства в сфере принуждения.

Избыточным видится также указание автором на конкретные регламентируемые вопросы, в которых подлежат отражению пределы государственного принуждения. Не оспаривая возможности закрепления пределов государственного принуждения в задачах и средствах принуждения, основаниях и порядке их применения, отметим, что последние могут найти свое отражение и в иных, прямо не посвящённых указанным вопросам нормах: например, при регламентации прав и обязанностей лица, в нормах высокой степени абстрактности. Напротив, недостаточно конкретизированным видится указание в предлагаемом А. П. Роговым определении пределов государственного принуждения на принуждающих субъектов, не раскрывая их состав.

Указание автора на то, что нормативно установленные границы государственного принуждения являются гарантией защиты прав граждан от незаконной деятельности принуждающих субъектов вероятно содержит в себе логическую ошибку, поскольку деятельность принуждающих субъектов может явиться незаконной лишь после установления законодательных требований (нормативно установленных границ), а не до этого. Полагаем уместнее в данном случае говорить о неправомерной в широком смысле, а не противозаконной деятельности.

Развивая вопрос пределов применения государственного принуждения, отметим, что их образуют множество как объективных, так и субъективных факторов. Ранее в отечественной теории права и государства внимание вопросу построения (структуре) системы пределов государственного принуждения практически не уделялось. Исследователями рассматривались вопросы сущности, свойств и признаков государственного принуждения, границ его допустимого воздействия и их критериев, соотношения со смежными категориями и др., в то время как «внутренняя архитектура» пределов и системы пределов применения государственного принуждения оставалась в стороне. Между тем данный вопрос обладает как теоретической, так и практической значимостью, вы связи с чем требует внимания.

Исследователи в абсолютном большинстве рассматривают пределы государственного принуждения как нечто единое, монолитное. Именно так, как это выглядит при самом общем рассмотрении. Однако при детальном рассмотрении становится очевидным их консолидированная множественность, но не монолитность.

Анализируя пределы функционирования власти, дочерней категорией по отношению к которой является государственное принуждение, Т. В. Милушевой обоснованно указывается, что на них влияют такие факторы, как экономика, общественная нравственность, социокультурные условия, политика, право,

индивидуальная мораль и др¹. Думается, что каждый из указанных, а также иных факторов, исходя из своей сущности, то есть «фундаментальной характеристики, наличие которой опосредует само его существование»², определяет собственную область (сферу) допустимых при применении государственного принуждения деяний.

Например, несмотря на политическую и экономическую целесообразность совершение лицом любой совокупности преступлений не может повлечь применение в России смертной казни для преступника, поскольку закон, отразивший требования нравственности, это запрещает: из возможных вариантов наказаний, то есть из области допустимого, такая мера воздействия исключена нравственным фактором.

Следовательно, указанные факторы (далее – предельообразующие факторы, факторы) возможно рассматривать как самостоятельные детерминанты, определяющие область допустимого государственного принуждения (применительно к данной категории) и отграничивающие её от недопустимого (опять же, применительно к данной категории) воздействия в случае их нормативного закрепления. Фактор находится в основе соответствующего предела применения государственного принуждения (экономический фактор в основе экономического предела, политический фактор – в основе политического предела и т.д.) и исходя из его сущности, а точнее в результате оценки соответствия предъявляемым им к применению государственного принуждения требованиям и при нормативном закреплении появляются соответствующие (политические, экономические и др.) границы между допустимым и недопустимым применением государственного принуждения. Образованные на основе одного фактора границы не охватывают всего многообразия социально востребованных ограничений государственного принуждения, а, следовательно, носят частный характер.

---

¹ Милушева Т. В. Указ. соч. С. 89.

² Коровко Ю. А. О возможности цифровизации государственного принуждения // *Advances in Science and Technology* : Сборник статей ЛII международной научно-практической конференции (Москва, 30 апреля 2023 года). М., 2023. С. 391.

Важно отметить что сам по себе, без соответствующего нормативного закрепления в соответствующих актах, указанный фактор в юридическом смысле предела применения государственного принуждения не образует, оставаясь границей, то есть своего рода предпосылкой для его возникновения.

Следовательно, для целей исследования под частным пределом применения государственного принуждения возможно концептуально характеризовать как нормативно закреплённую границу применения государственно-принудительного воздействия, образованную каким-либо социально значимым фактором в результате оценки соответствия предъявляемым им к применению государственного принуждения требованиям.

Пределообразующие факторы связаны между собой (экономика всегда связана с политикой и правом, право с нравственностью и т.д.) и создаваемые ими пределы образуют при взаимном наложении область допустимого применения государственного принуждения, а совокупность их границ – систему пределов государственного принуждения.

Пределы могут ограничивать государственное принуждение независимо друг от друга по одной и той же границе (например, в настоящее время нравственность, право, а также политика выступают против смертных казней и в этом смысле очерчиваемая ими граница совпадает), так и не совпадать между собой (например, мораль В. К. Калоева лишившего жизни авиадиспетчера в связи с гибелью его семьи в авиакатастрофе над Боденским озером, и право (законодательство) Германии и Швейцарии, не обеспечившего своевременного применения государственного принуждения к данному диспетчеру¹; формализм судей и правоприменителей, поступающих в соответствии с буквой закона, но не в соответствии с его принципами). При несовпадении пределов, образованных различными факторами, применение государственного принуждения, думается, допустимо лишь в той области отношений (диапазоне допустимого

---

¹ См.: Гень Ю. Как в Северной Осетии восприняли фильмы о судьбе Виталия Калоева // Российская газета. 2019. 10 января.

государственного принуждения), которая не пересекается любыми иными пределами, то есть одновременно соответствует всем предъявляемым к нему требованиям. Консолидированные пределы указанного диапазона допустимого государственного принуждения полагаем уместным именовать общими пределами государственного принуждения и понимать под ними охватывающую непересекаемый диапазон допустимого применения государственного принуждения нормативно определенную границу, или иначе – нашедшую закрепление в законодательстве границу применения государственно-принудительного воздействия, образованную совокупностью производных от социально значимых факторов (нравственных, экономических и др.) границ, в пределах которой применение государственного принуждения одновременно соответствует всем предъявляемым к нему вышеуказанными факторами требованиям.

Предлагаемый подход видится методологически более верным по сравнению с возможным пониманием пределов не как системы самостоятельных границ – экономических, политических, нравственных и иных, а как единой границы, образуемой вышеуказанными факторами. Это объясняется тем, что в последнем случае неизбежно возникает вопрос определения пределов применения государственного принуждения в случае, если на каком-либо её отрезке формируемые предельобразующими факторами границы не совпадают, а следовательно, и общие предела государственного принуждения отсутствует.

Пределы применения государственного принуждения подлежат отражению в законодательстве, поскольку только таким образом они объективизируются и получают юридическую значимость. Вместе с тем многочисленность предельобразующих факторов, их многозначность и историческая изменчивость, при их всеобъемлющем учете, способна превратить нормотворческую деятельность в фактически не ограниченную по времени или, как минимум, весьма длительную. Это ухудшит или вовсе сведет к минимуму положительный эффект от детальной проработки посвященных применению государственного принуждения норм. В связи с этим полагаем верным считать, что при нормативном закреплении

государственного принуждения, в том числе ранее рассмотренных нормативных оснований их применения, обязательному учету подлежат лишь общественно значимые в конкретный период времени пределы его осуществления. Является ли предел значимым в демократическом обществе определить может лишь само общество.

В самом общем виде частные пределы, входящие в систему пределов, то есть отвечающие условию общественной значимости, можно разграничить на прямые, то есть собственно определяющие содержание и процедуру (нормативные основания) применения мер государственного принуждения, а также косвенные – прямо не затрагивающие вопросов государственного принуждения, однако опосредованно влияющие на их применение (неприменение). Косвенные пределы государственного принуждения могут содержаться в различных отраслях законодательства: в бюджетном – при определении лимита расходов на применение мер государственного принуждения; о государственной службе – при определении личных качеств лиц, непосредственно осуществляющих меры государственного принуждения, а также иных отраслях.

Косвенные пределы, проходя через законодателя, как сквозь призму, должны учитываться в каждой затрагивающей государственное принуждение норме, исключая противоречия в регламентации. В обратном случае государственное принуждение становится фиктивным и не может исполняться (ввиду нехватки выделяемых финансовых средств, отсутствия непротиворечивой регламентации, по иным причинам).

Таким образом, пределы государственного принуждения могут быть прямыми, то есть непосредственно содержащими содержание и процедуру применения мер государственного принуждения, и косвенными, то есть регламентирующими вопросы применения государственного принуждения опосредованно. Нормативные основания применения государственного принуждения и иные посвященные ему нормы сочетают в себе как прямые, так и косвенные пределы государственного принуждения.

Объем кандидатской диссертации не позволяет рассмотреть все значимые пределы осуществления государственного принуждения ввиду их множества. Вместе с тем важным видится уделить внимание такой непреходящей ценности, как нравственность, которая, как верно подчеркивается С. В. Липенем, является одним из основных предъявляемых к праву требований¹. Праву, регламентирующему, в том числе, и само применение государственного принуждения.

Нравственность является одной из важнейших категорий и, по верному утверждению О. И. Цыбулевской, отражает глубинные слои бытия человека. По мнению ученого, без морали и вне её не существует подлинной свободы – ни экономической, ни политической, ни какой-либо иной. Без прочных нравственных основ невозможно экономическое развитие общества, что подтверждается опытом зарубежных стран, построивших свое «экономическое чудо» в том числе на нравственных категориях честности, скромности, трудолюбия. «Опыт многих стран, – пишет О. И. Цыбулевская, – подтвердил недопустимость упрощенчества, сведения общественной потребности лишь к экономической, исключая нравственную сферу»².

Кроме того, соответствие требованиям нравственности действий государства имеет непосредственное влияние на легитимированность последнего: безнравственные, противоречащие ей действия способствуют делегитимации государства, а в перспективе – его гибели с последующим лишением членов общества всякой предоставляемой им защиты. Напротив, соответствие действий государства требованиям нравственности усиливает легитимированность и укрепляет государство, чем способствует обеспечению безопасности членов общества.

Полагаем, важность нравственности, прямо связанной как со свободой, так и в условиях современного постиндустриального общества – с экономическим

---

¹ См.: Липень С. В. Аксиологический подход в системе методов юридической науки // Нравственное измерение и человеческий потенциал права (Москва, 21–26 апреля 2017 года) / Отв. ред. В. М. Артемов. М., 2017. С. 115.

² См.: Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С.70–71.

развитием и безопасностью членов общества, не вызывает сомнений. Ее фундаментальная роль и особое значение для социума в ноябре 2022 года нашло свое отражение в документах стратегического планирования развития России, а именно Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Президентом России В. В. Путиным¹. Поддержание и развитие нравственности в приведенном нормативном правовом акте признано значимым элементом обеспечения национальной безопасности (п. 1), а гуманизм, милосердие, справедливость, высокие нравственные идеалы – подлежащими защите основами российского общества (п. 5, 7, 9).

В науке до настоящего времени нет единообразного разграничения категорий морали и нравственности. Одними под нравственностью понимается основанные на общепринятых в социуме правилах поведения основной массы людей способ регуляции жизни последних, а под моралью – теоретический уровень нравственности, где общепринятые требования к поведению подвергаются субъективному анализу и критике (Н. О. Исмаилов и др.)². Иные исследователи под нравственностью понимают статичную категорию, заключающуюся в восприятии и последующей реализации лицом на практике существующих в обществе норм морали, понимая под последними соответствие общепринятым представлениям о добре (В. С. Бялт и др.)³. Третьи исходят из того, что «Термины «мораль» и «нравственность» однозначны» (А. Ф. Черданцев и др.)⁴.

Как верно отмечено А. А. Гусейновым и Р. Г. Апресяном, исследователями

---

¹ См.: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977).

² См.: Исмаилов Н. О. Взаимосвязь права и нравственности в контексте справедливости // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2014. №1 (135). С. 28–29.

³ См.: Бялт В. С. Право и мораль в системе социального регулирования // Ленинградский юридический журнал. 2015. №3 (41). С. 10–11.

⁴ Черданцев А. Ф. Теория государства и права: учебник. М., 2003. С. 288; Алиева М. Н. Нравственность как объект конституционно-правовой защиты : дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 14.

неоднократно предпринимались попытки разведения понятий нравственности и морали, однако «В целом попытки закрепить за словами «этика», «мораль», «нравственность» различный содержательный смысл и соответственно придать им различный понятийно-терминологический статус не вышли за рамки академических опытов»¹, в связи с чем верным в рамках данного исследования видится солидаризироваться с авторами, не разграничивающими категорий морали и нравственности.

Категория нравственности, на что абсолютно обоснованно указано О. И. Цыбулевской, является сложной категорией, что определяется как её комплексным характером, сочетающим в себе объективные и субъективные, абсолютные и относительные, а также иные, порой противоположные факторы, так и её изменчивостью во времени². Несмотря на то, что вопросы определения данной категории относятся к предмету этики, последняя также не дает однозначного ответа на этот вопрос³, одной из основных причин чего видится отмеченная А. А. Гусейновым широта охвата нравственностью общественных отношений. Нравственность, указывает автор, «регулирует поведение во всех сферах общественной жизни»⁴.

Обоснованным в данном контексте, хотя и несколько размытым для целей нашего исследования, выглядит подход А. П. Рогова, которым по результатам рассмотрения критериев пределов государственного принуждения, указывается на нравственные требования, как на «систему общих руководящих положений, социально-нормативных предписаний и духовно-ценностных установок, соответствующих национальной культуре и менталитету, преимущественно воспроизводящихся в праве, на основании которых формируются границы

---

¹ См.: Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Этика: Учебник. М., 2000. С. 4–5.

² См.: Цыбулевская О. И. Нравственный аспект ограничения прав человека // Юридическая техника. 2018. №12. С. 351.

³ См.: Гусейнов А. А., Апресян Р. Г. Указ. соч. С. 6–19.

⁴ Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 342.

государственного принуждения: совесть, справедливость, гуманность, достоинство личности, уважение, честь добросовестность, долг»¹.

Не оспаривая важность приведенных ценностей нравственности для определения пределов государственного принуждения, нельзя не согласиться с тем, что индивидуальный учет каждой из них значительно усложнит, вплоть до невыполнимости, определение вышеуказанных пределов, их последующее закрепление в законодательстве. Данный подход также способен исказить указанные пределы за счет игнорирования иерархичности влияния ценностей на их формирование: например индивидуально взятая и абсолютизированная ценность достоинства личности способна быть истрактована как недопустимость любого воздействия на личность, как унижающего достоинство лица (примером могут служить безнаказанные нападения на представителей европеоидной расы при проведении акций движения «Black lives matter» в связи с декларируемой государственной властью США особой ценностью личностей афроамериканцев). При таком подходе сомнительным видится реализация иных нравственных ценностей, в том числе справедливости, как ответственности лица за совершенное деяние.

Верным видится использование системного подхода к данному вопросу, требующего выделения основных и сопутствующих нравственных категорий при определении пределов применения государственного принуждения. Причем основная категория, в силу указанной ранее специфики государства (его юридической фиктивности), должна объединить нравственность и нормативную регламентацию. По верному замечанию О. И. Цыбулевской таким объединяющим моментом является справедливость², которая, кроме того, является по мнению ряда

---

¹ См.: Рогов А. П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2013. С. 11.

² Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 219.

исследователей высшей нравственной категорией, основой нравственности и легитимности государственно-правовых систем¹.

Категория справедливости вероятно всегда находилась и находится в сфере интересов исследователей, в связи с чем её изучению уделено значительное внимание представителями философии (Е. С. Нестерук, О. А. Торосян² и др.). Подробному изучению справедливость подвергнута представителями юридической науки, как с позиции общей теории права и государства (А. И. Клименко³, И. Д. Мишина, В. В. Булгаков⁴ и др.), так и с позиции отраслевых юридических наук (О. Л. Васильев, В. А. Вайпан⁵ и др.).

Данную категорию, равно как и саму категорию нравственности следует относить к сложноопределяемым «в силу предельной неопределенности и субъективности её содержания»⁶. Как верно указано Т. В. Милушевой, справедливость изменяет свое содержание в зависимости от этапа исторического развития, представлений о ней в обществе⁷, то есть справедливость является справедливостью только в конкретных социальных и исторических условиях, одной тотальности, и изменяется с течением времени. На отмеченную изменчивость влияет, в том числе, связанность с не менее многозначными идеями

---

¹ См.: Александров Ю. В. Справедливость в системе ценностей российской правовой культуры : дис. ... канд. философ. наук. Великий Новгород, 2003. С. 29; Чечельницкий И. В. Справедливость в правотворчестве: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 10.

² См.: Нестерук Е. С. Справедливость в современном российском правосознании : дис. ... канд. философ. наук. Нижний Новгород, 2008. С. 16–70; Торосян О. А. Идеал справедливости в социально-гуманистическом измерении : дис. ... канд. философ. наук, Иваново, 2014. С. 14–32.

³ См.: Клименко А. И. Правовая идеология современного политически организованного общества. М., 2019. С. 271.

⁴ См.: Мишина И. Д. Нравственные ценности в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 1999. С. 74–88; Булгаков В. В. Концепция справедливости в праве : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2001. С. 9.

⁵ См.: Васильев О. Л. Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях Российского уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2018. С. 10–12; Вайпан В. А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Москва, 2019. С. 13–15.

⁶ Панченко В. Ю., Морозова А. С., Плахтий Е. В. О справедливости в праве // Евразийский юридический журнал. 2020. № 2 (141). С. 96.

⁷ Милушева Т. В. Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 172.

порядка, меры, равенства, ответственности¹. Кроме того, справедливость является многоаспектным понятием, включающим, как минимум, аспект справедливости как идеала и как средства его достижения².

Несмотря на сложность дефинирования справедливости, в контексте настоящей работы важным является уяснение её содержания, которое по вышеуказанным обстоятельствам может быть сформулировано лишь в самом общем виде. В связи с этим в целях настоящей работы под справедливостью будет пониматься предложенный А. А. Гусейновым, и находящий отражение в современных работах³ подход, согласно которому справедливость является общей нравственной санкцией, способом обоснования распределения между индивидами выгод и тягот при совместном существовании в рамках единого социального пространства⁴.

Хотя разработка категории справедливости не позволила дать ей всеобъемлющее и универсальное определение, она, однако, способствовала выделению в ней структурных элементов, в частности соразмерности.

А. В. Василенко, рассматривая категорию справедливости, указывает, что для достижения справедливости необходим всесторонний учет личности. Справедливость, продолжает автор, предполагает соразмерность поступкам и деяниям субъектов при распределении благ, обязанностей и прав, применении наказаний⁵. Аналогичной позиции придерживается В. Н. Карташов, указывающий, что справедливость предполагаем борьбу с «уравниловкой»⁶, то есть требует индивидуальной оценки действий каждого субъекта.

---

¹ См.: Клименко А. И. Указ соч. С. 271.

² См.: Винницкий И. Е. Функции справедливости и законности как принципов права : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. С. 66.

³ См.: Торосян О. А. Идеал справедливости в социально-гуманистическом измерении : дис. ... канд. философ. наук. Иваново, 2014. С. 31.

⁴ См.: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 536–537.

⁵ См.: Василенко А. В. Справедливость как принцип правоприменительной деятельности / Право. Ускорение. Справедливость : Сборник статей. Саратов, 1989. С. 48–49.

⁶ См.: Карташов В. Н. Принцип справедливости в правоприменительной практике / Право. Ускорение. Справедливость : Сборник статей. Саратов, 1989. С. 52.

А. И. Экимовым указывается, что справедливость может выступать как равенство, так и как неравенство. Автор указывает, что «между людьми существуют различия в физическом, интеллектуальном и других отношениях. ... Справедливость выражается в равном отношении к равным людям и в неравном отношении к неравным людям», воздаянии каждому в соответствии с совершенными им социально-значимыми действиями¹, то есть справедливость предполагает соразмерность деяния и воздаяния за него.

Активно категорию справедливости используют в своей аргументации многие современные исследователи, в частности М. М. Магомедрасулов. К обстоятельствам, позволяющим признавать конкретный акт принуждения справедливым, он относит соответствие негативных последствий принуждения общественной опасности совершенного деяния², то есть применяет к оценке применения мер государственного принуждения критерий соразмерности, отражающий требование справедливости принуждения.

Схожей позиции придерживается И. П. Жаренов, выделяющий справедливость как основное условие применения меры принуждения, а соразмерность как её обязательный элемент, заключающийся в соизмерении меры государственного принуждения опасности, исходящей от лица³.

Не вполне обоснованным в данном контексте выглядит подход Ф. - К. Корнуо, которым соразмерность выделяется в качестве самостоятельного условия применения государством принудительных сил⁴. За пределами категории справедливости соразмерность, думается, предстает в качестве математической операции сравнения, заключающейся в соотношении принудительного воздействия с какой-либо иной величиной. Такой величиной может быть объем выделенных на осуществление государственного принуждения денежных средств, что имеет мало

---

¹ См.: Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 47–49.

² См.: Магомедрасулов М. М. Особенности принуждения в правовом государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 22–23.

³ См.: Жаренов И. П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10, 67.

⁴ См.: Cornuot F. - X. L'encadrement juridique de l'emploi de la contrainte exercée par la force publique en France et dans le monde. Strasbourg, 2015. P. 759–780.

общего со справедливостью, демократией и современным постиндустриальным обществом в целом. Об этом будет сказано далее.

Реализация государственного принуждения должна осуществляться с учетом ее соотнесения (соразмерности) с той опасностью, которая объективно исходит для принуждающего лица со стороны принуждаемого лица. Как верно отмечено А. И. Клименко, идея справедливости связана с идеей меры, а также идеями порядка и закона¹.

Государственное принуждение не должно быть избыточным, то есть не допускать чрезмерной жесткости по отношению к принуждаемому лицу, или слишком мягким.

Во-первых, как первое, так и второе не соответствует справедливости – родовой категории для соразмерности в исследуемом значении, поскольку распределение выгод и тягот в таком случае осуществляется необоснованно.

Во-вторых, как первое, так и второе способно инициировать у общества – как у принуждающего лица – делегитимационные тенденции в отношении государства в связи с неудовлетворенностью его функционированием (нарушением прав и свобод отдельного лица – члена общества), необоснованно жесткими мерами принуждения при избыточности властного воздействия в форме государственного принуждения, нарушением прав членов общества несоразмерно мягкими мерами принуждения при недостаточном воздействии. Применительно к последнему Н. В. Макарейко верно замечено, что «Правовое закрепление и последующее применение минимального объема принудительных мер не только не позволяет получать запрограммированный результат, но в ряде случаев является тем катализатором, который запускает механизм преступной деятельности. Бессилие государства, неспособность его органов и должностных лиц обеспечить качественную защиту прав и свобод граждан наносит не меньший, а зачастую и

---

¹ См.: Клименко А. И. Указ. соч. С. 272.

большой урон, чем необоснованное применение мер государственного принуждения»¹.

Как необоснованная жесткость, так и мягкость государственного принуждения впоследствии могут привести к делигитимации и гибели государства, влекущей за собой невозможность обеспечения защиты граждан и общества, им гарантированной.

Несмотря на то, что соразмерность способна быть отождествлена с принципом талиона, предполагающим воздания равным за равное и в этом смысле соразмерным, такое понимание не имеет, по нашему мнению, отношения к нравственности.

Во-первых, принцип талиона (око за око, зуб за зуб) при кажущейся справедливости в действительности не может и не должен учитывать индивидуализирующих ситуацию обстоятельств.

Во-вторых, как отмечает Д. Финнис, этот принцип нацелен на последствия или материальное содержание преступных деяний, а не на их формальную неправомерность (нечестность)². Принцип талиона не предусматривает соотнесения имеющихся обстоятельств, во всей их полноте, с содержанием преобладающего в обществе нравственного идеала и не осуждает предпочтения личного интереса общему благу.

Соразмерность, рассматриваемая применительно к вопросу о допустимости государственного принуждения, по своему смыслу ближе к предложенному Ш.-Л. Монтескье принципу экономии репрессии³, заключающегося во взаимозависимости силы (интенсивности) воздействия государственного принуждения и обстоятельств дела во всей их полноте.

---

¹ Макарейко Н. В. Пределы государственного принуждения // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2014. № 1 (25). С. 36.

² См.: Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 329.

³ См.: Монтескье Ш. О духе законов, или Об отношениях, в которых законы должны находиться, к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д., к чему автор прибавил новые исследования о законах Римских, касающихся наследования, о законах Французских и о законах феодальных / пер. с фр.; под ред. А. Г. Горнфельда, вступ. ст. М. М. Ковалевского. СПб., 1900. С. 187–205, 207, 210–211.

Таким образом полагаем верным считать соразмерность важным аспектом справедливости, позволяющим установить пределы государственного принуждения.

Вместе с тем справедливость, по верному замечанию И. П. Жаренова, несводима только к соразмерности. По мнению ученого структурным элементом справедливости также является обоснованность его применения¹. Последнее он определяет как обусловливаемое легитимностью наличие у государства права действовать от имени всего общества для достижения поставленных целей², или иначе – управомоченность государства обществом на реализацию государственного принуждения.

С этим, полагаем, следует согласиться. Как отмечалось ранее, именно общество является принуждающим лицом в отношениях государственного принуждения, и к сфере его ведения относится вопрос о принятии или непринятии государством, как реализующим его волю орудием, решения о применении государственного принуждения. Неуправомоченное применение должностными лицами государства принудительного воздействия является вторжением в сферу прав и свобод человека, интересов общества, и подлежит нравственной оценке.

Рассматриваемый критерий, полагаем, не следует понимать как передачу обществом государству абстрактного права на возможность осуществления любого государственного принуждения. Это противоречило бы содержанию понятия справедливости, являющейся, как отмечено выше, конкретной категорией. Обоснованность государственного принуждения является атрибутом каждого случая его применения и включает положительную или отрицательную общественную нравственную оценку как содержания планируемой к применению меры государственного принуждения, так и оснований, порядка её применения.

Разграничение обоснованности и соразмерности, на наш взгляд, следует проводить так, чтобы включить в содержание обоснованности основанность

---

¹ См.: Жаренов И. П. Государственное принуждение в условиях демократизации общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 11.

² См.: Там же. С. 17.

государственного принуждения на нравственных оценках обществом совершенного лицом (лицами) деяния (сложившихся обстоятельств) и соотносимых с ними возможных вариантов воздействия, а в содержание соразмерности – соотнесение государственного принуждения с индивидуализирующими обстоятельствами, которые позволяют корректировать воздействие на принуждаемое лицо в соответствии с требованиями обоснованности, но с учетом специфики, присущей конкретному случаю. С учетом юридической фиктивности государства указанные критерии должны найти свое отражение в законодательстве, а их реализация может быть осуществлена, в том числе, посредством механизма исключений в праве.

Иными словами, если в основе обоснованности, как элемента справедливости, находится соотнесение деяния (сложившихся обстоятельств) и влекомых его совершением (им) вариантов воздействия, то в основе соразмерности – соотнесение воздействия и конкретных обстоятельств дела, в том числе личности того, на кого оно направлено.

Таким образом, считаем возможным определить в качестве предельнообразующего фактора нравственного предела государственного принуждения справедливость, как нравственную категорию, аспектами которой являются соразмерность и обоснованность. Каждая из приведенных категорий формирует собственный предел применения государственного принуждения, но лишь консолидированно и симфонично конгломерат указанных пределов применения государственного принуждения обеспечивает его справедливость, а следовательно соответствие нравственности. В силу комплексности справедливость не может реализоваться минуя фундаментальные ценности общего блага, соблюдения законов, свободы, равенства, гуманности, достоинства и иных, носящих хотя и неразрывный, но сопутствующий справедливости характер. Выделение последних в качестве самостоятельных предельнообразующих факторов для государственного принуждения, думается, избыточно.

Применительно к проблеме нормативной фиксации справедливости отметим, что последняя обретает возможность проявиться в действительности лишь после

соответствующего закрепления. По верному замечанию Э. Д'Амато, справедливость, применяемая без нормативного закрепления, лишает население предсказуемости и безопасности поскольку становится невозможным предугадать результаты рассмотрения должностными лицами государства того или иного вопроса¹. Приведенные доводы подкрепляют ранее занятую нами позицию о невозможности какой-либо деятельности государства без соответствующей нормативной регламентации.

Означенная проблематика нашла свое отражение в отечественных документах стратегического планирования. Так, пп. «а» п. 25 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей², правовым инструментом реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей (к которым также отнесена справедливость), названо совершенствование нормативно-правовой базы на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Таким образом нормативное закрепление нравственных категорий, а в частности справедливости, прямо установлено в качестве одной из стратегических задач России.

В результате изложенного возможно сделать вывод о том, что под нравственными пределами применения государственного принуждения следует понимать нашедшие нормативное отражение границы осуществления государственного принуждения, отграничивающие справедливое, то есть укладывающееся в нравственно обоснованные рамки воздействия на лицо при каких-либо типичных обстоятельствах (обоснованность) и соотносимое с индивидуализирующими обстоятельствами конкретной ситуации (соразмерность) воздействие, от несправедливого, то есть несоответствующего требованиям обоснованности и соразмерности. Нравственные пределы применения

---

¹ D'Amato A. On the Connection between Law and Justice // Northwestern Public Law Research Paper, 2011, № 10-92. URL: <https://papers.ssrn.com/> (дата обращения: 30.11.2021).

² См.: Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977).

государственного принуждения обеспечивают защиту прав и свобод граждан, интересов общества, от воздействия государства, не отвечающего требованиям нравственности, чем раскрывают связь права с духовной системой общества¹.

Исследователями выделяются также иные, помимо указанных, элементы справедливости.

Например, Дж. Финнис выделяет среди них: интерсубъективность, то есть обусловленную социальной природой межличностных отношений сопоставляемость субъекта и совершённых им действий с эталонным представлением о должном субъекте и его необходимых (достаточных) действиях; обязанность, то есть соотнесение того, что должны лицу или обязаны сделать в отношении него, с тем, на что это лицо имеет право; равенство (пропорциональность), то есть, соотнесение воздействия на лицо с самим лицом и его характеристиками². Понимание автором элементов справедливости хотя и не идентично ранее рассмотренным нами подходам, полностью в них укладывается при отнесении интерсубъективности и обязанности к обоснованности, а равенство к соразмерности. Аналогичным образом следует подходить и к иным выделяемым исследователями элементам справедливости, сводящимся, при достаточной степени абстрактности, к рассмотренной нами обоснованности и соразмерности.

Возвращаясь к вопросу о справедливости как нравственной категории, отметим неоднозначность соотношения в ее структуре целей и средств. Как отмечено Г. И. Миняшевой, имеющиеся подходы к решению данного вопроса можно условно разделить на две основные группы: с позиции целедоминирующей парадигмы, известной как принцип «цель оправдывает средства», и абстрактного гуманизма, согласно которому средства не зависят от цели и самостоятельны³.

К сторонникам первого подхода, именуемого также консеквенциализмом, относятся такие философы как Дж. Бентам, Дж. Ст. Милль, Ф. Ницше,

---

¹ См.: Ковлакас Н.В. Нравственные критерии правоприменительной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2009. С. 13.

² См.: Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М., 2012. С. 205–207.

³ См.: Миняшева Г. И. Нравственная допустимость правового принуждения // Вестник ВЭГУ. 2005. № 1 (23/24). С. 55.

Л. А. Фейербах, Й. Тиммерманн и др., а к сторонникам второго – И. Кант, В. С. Соловьев, И. А. Ильин, А. А. Гусейнов и др.¹. В основе этой дифференциации, как верно, по нашему мнению, отмечено А. А. Пилипенко, находится то, что «за всеми рефлексиями на этические и правовые темы стоят всего лишь 2 фактора: цена человеческой жизни и цена социального порядка. Когда социальный порядок неустойчив, человеческая жизнь падает в цене. ...Когда же социальный порядок стабилен и ценностные акценты смещаются в сторону индивидуального, человеческая жизнь становится более ценной и значимой»².

Таким образом, вопрос о соотношении задач и средств в сфере реализации государственного принуждения следует понимать как вопрос содержания наличествующего в конкретный момент времени у принуждающего лица – общества – нравственного приоритета (идеала)³, которым может явиться человек с принадлежащими ему правами и свободами либо обеспечение социального порядка⁴.

При этом А. А. Пилипенко справедливо применяются термины «падение» и «смещение акцентов», а не, как это могло бы быть, «нивелирование ценности человека» и сходная с этим терминология. Тем самым автор, по нашему мнению, указывает на тот факт, что как «изменение цены», так и «смещение акцентов» подразумевают постоянное сохранение поддержки некоторого минимального объема неприоритетного содержания идеала. На наш взгляд, с этим утверждением следует согласиться, поскольку полное нивелирование ценности как человеческой

---

¹ См.: Академия. Материалы и исследования по истории платонизма: межвузовский сборник / отв. ред. А. В. Цыб. СПб., 2003. Вып. 5. С. 376; Мясников А. Г. Долг правдивости и право на ложь как проблема практической философии И. Канта (история и современность) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. М., 2007. С. 20, 23–39; Везломцев В. Е. Социально-философский анализ наказания: ретрибутивизм и консеквенциализм : автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2010. С. 10–19.

² Вопросы социальной теории: научный альманах. Т. II. Вып. 1 (2): Социальная реальность: концепции и методология исследований / Ин-т философии РАН; под ред. Ю. М. Резника. М., 2008. С. 215–216.

³ Содержание идеала, в нашем понимании, не тождественно самому идеалу. Содержание (наполняемость) нравственного идеала носит субъективный характер и изменяется в зависимости от окружающей действительности, тогда как наименование самого идеала остается неизменным.

⁴ См.: Советский энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. 4-е изд., испр. и доп. М., 1990. С. 841, 915.

жизни, так и социального порядка может привести к негативным для общества последствиям: деградация общества в связи с эгоцентризмом его членов и последующая анархия – при нивелировании ценности социального порядка; сокращение числа членов общества, обусловленное отсутствием безопасности для них – при нивелировании ценности человеческой жизни. При этом и те, и другие негативные последствия тесно взаимосвязаны между собой.

Следовательно, государственное принуждение требует в любом случае исходить из необходимости обеспечения минимального объема прав и свобод принуждаемого лица и мер по обеспечению социального порядка в объеме не меньшем предусмотренного законодательством, которое, по своей природе, есть продукт и отражение нравственного уровня социума в конкретный момент времени. Вместе с тем, как будет рассмотрено далее, на современном постиндустриальном этапе общественного развития ограниченность обеспечения минимального объема прав и свобод принуждаемых лиц, так и обеспечения лишь минимального уровня социального порядка недостаточно.

Справедливость, как нравственная категория, тесно связана с юридической (формализованной) справедливостью. Первая трансформируется во вторую через нормативную закреплённость.

Данная трансформация всегда более или менее продолжительна во времени: нравственное требование, как минимум, должно быть сформулировано законодателем и включено в соответствующую норму или нормы. В зависимости от предусмотренной для нормотворчества процедуры, переход нравственной справедливости в юридическую может удлиниться за счет согласования проекта изменений законодательства, ознакомления и голосования уполномоченного на изменение закона органа власти, промульгации законодательных изменений, периода вступления норм в юридическую силу. В своей совокупности указанные факторы могут отложить срок нормативной объективизации морали на весьма значимый период: от дней до месяцев, а возможно и лет.

Приведенная ситуация наглядно свидетельствует о том, что «несмотря на тесную взаимосвязь морали и права ... процесс упорядочения ими общественных

отношений не является абсолютно согласованным»¹ и неизбежно ставит вопрос тождественности нравственной справедливости, как отмечено ранее обладающей еще и изменчивостью во времени, и формализующийся на её основе юридической справедливости. Объективно обусловленный временной разрыв между началом нормотворческого процесса и его окончанием, оформляющего переход нравственной справедливости в юридическую, а также изменчивость во времени содержания нравственной справедливости, позволяет считать возможным несоответствие юридической и нравственной справедливости.

Сказанное не свидетельствует об обязательности противоречий между приведенными категориями: изменения нравственной справедливости могут затрагивать вопросы, не подлежащие нормативной регламентации (например, обязанность уступать места старшим по возрасту на скамейках в парках и скверах) или укладываться в существующую регламентацию с учетом уровня её абстракции. Однако, безусловно, расхождения возможны.

Они могут носить как единичный характер (при расхождении в одной норме) так и множественный характер (при расхождении в двух и более нормах); происходить на уровне конституции (основного закона), иного законодательства, подзаконных актов, а также всех перечисленных либо их части; затрагивать сферы уголовного, административного, гражданского и иных отдельных отраслей законодательства, либо являться комплексными, то есть включать две и более сферы нормативного регулирования. Исчерпывающий перечень вариантов расхождений дать едва ли возможно.

Указанные обстоятельства определяют разграничение расхождений нравственной и юридической справедливости: в зависимости от численности на единичные и множественные; в зависимости от уровня расходящейся регламентации на конституционные, законодательные или расхождения на уровне подзаконных актов; в зависимости от сфер регламентации на расхождения в сфере: уголовного, административного, гражданского и в сферах иных отраслей

---

¹ Петренко В. В. Нравственные и правовые начала деятельности властных субъектов (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 12.

законодательного регулирования либо комплексными, а также в сферах материального и процессуального законодательства. Расхождения могут быть разграничены на нравственно-статические, то есть возникшие в связи с дефектами нормативного закрепления статичных (не изменившихся) положений нравственной справедливости и нравственно-динамические, то есть возникшие в связи с изменением положений нравственной справедливости.

По характеру образования расхождений между нравственной и юридической справедливостью возможно также выделить: случайные расхождения, образовавшиеся ввиду ошибочных действий формирующих нормы лиц (ввиду недолжной осмотрительности, технических и лингвистических ошибок и др.) и умышленные расхождения, зафиксированные уполномоченным лицом в нормативном акте специально (в связи с существующими экономическими, политическими, культурными и иными причинами, а также в связи с осуществлением противоправных действий).

Тождественность нравственной и юридической справедливости носит сложностижимый характер, чему способствует и имманентная нравственности изменчивость. Однако значительные расхождения между ними снижают легитимированность государства могут способствовать его гибели.

Разумеется, не каждое расхождение юридической и нравственной справедливости, не во всех случаях и не сразу влечет полную делигитимацию государства. Согласно диалектическому закону перехода количественных изменений в качественные каждая безнравственная норма (как проявление расхождений указанных видов нравственности), будет лишать государство доли доверия общества, постепенно ослабляя его, а не лишая его легитимности одномоментно. Ослабленное государство все ещё обладает общественной поддержкой и существует до момента накопления значительных противоречий, при наступлении которых государство критически утрачивает доверие общества и вероятнее всего гибнет. Причем в результате этой гибели ущерб причиняется: обществу, утрачивающему защиту тех прав и свобод, которые обеспечивало государство; работникам государственного аппарата, утрачивающим получаемые

за службу блага; внешнегосударственным партнерам, теряющим возможности выгодного взаимодействия.

Не вдаваясь в подробности, относящиеся к иным областям исследований, отметим, что относительная невыгодность гибели государства для граждан, общества, самого государства (в лице сотрудников), добросовестных партнеров, по общему правилу и вышеуказанным причинам требует постоянного поддержания в государстве относительно высокого уровня соответствия юридической справедливости (отраженной в нормативных актах) справедливости нравственной (являющейся продуктом общества). Таким образом, хотя абсолютное соответствие юридической и нравственной справедливости, а значит нормативного регулирования и нравственности, является сложно достижимым состоянием, в реальности юридическая справедливость по общему правилу тяготеет к совпадению со справедливостью нравственной. Данное совпадение предполагает нравственный (в большей или меньшей степени) характер законодательства.

Одним из следствий этого является отраженность в посвященном применению государственного принуждения законодательстве требований нравственной справедливости, в том числе носящих ограничительный, то есть устанавливающий предел применения государственного принуждения, характер.

Возможность расхождений между нравственной и юридической справедливостью с учетом того, что принуждающим лицом в государственном принуждении является общество, представляет последнему возможность непосредственного изъявления своего отношения к государственному принуждению в конкретных случаях до приведения законодательства в соответствие с требованиями нравственности. Формами такого оперативного изъявления своего отношения к нравственной обоснованности принимаемых государством мер принуждения можно признать коллективные прошения о помиловании (признании невиновным, освобождении от наказания и т. д.) какого-либо лица в связи с безнравственностью их применения, то есть нарушением нравственных пределов государственного принуждения, в отношении данного лица. Они могут подаваться как в ходе публичных мероприятий (собраний граждан,

пикетов, демонстраций и т. д.), так и без таковых уполномоченным государственным органам и должностным лицам. Однако оперативное изъяснение обществом своего отношения во всех случаях должно соответствовать специально установленной законодательством (исключительной) для этого процедуре, как гаранту нравственности самого оперативного изъяснения обществом своей воли.

На современном этапе общественного развития нравственная допустимость государственного принуждения и формируемые на её основе нравственные пределы государственного принуждения специфичны по отношению к иным этапам.

Как справедливо указано А. А. Гусейновым и О. Г. Дробницким, нравственные нормы, которые корректнее именовать требованиями нравственности, возникают в сознании общества, основываясь на обычаях и общественном мнении¹. Общественному мнению, выступающему в роли прогрессивной силы, имманентна изменчивость, уравнивающая консервативную силу обычая: она позволяет нравственности отвечать на те вызовы, адекватную реакцию на которые в связи с новизной не способен дать обычай. Изменчивость общественного мнения значительным образом продиктована изменчивостью сознания членов общества, выражением совокупности которых оно и является. Последнее же, сформированное под влиянием общественного бытия², отражает актуальную и существующую в постоянно развивающемся обществе реальность, с присущими именно ей представлениями о нравственном и безнравственном.

Справедливость, как производная от нравственности категория, также формируется на основе актуального общественного бытия, отличного на каждом этапе общественного развития. Как верно указано Т. В. Милушевой, она является «отражением существующей реальности и изменяет свое содержание в зависимости от исторической эпохи, от складывающихся в обществе

---

¹ См.: Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд., перераб. и доп. М., 2001. С. 382–383.

² См.: Маркс К. Сочинения. М., 1959. Т. 13. С. 7.

представлений о ней, изменяющихся в соответствии с многочисленными субъективными, а также объективными условиями»¹.

Современная наука предлагает несколько подходов к пониманию развития общества. Одним из наиболее авторитетных среди них является подход К. Маркса и Ф. Энгельса, которыми в зависимости от существующих экономических отношений, выстраивается последовательность этапов (формаций) развития общества – от племенной до коммунистической. Причем до перехода к коммунистическому этапу общественного развития работник фактически выступает в качестве средства производства и находится в угнетаемом состоянии, что определяет его общественное бытие, а следовательно сознание человека и содержание нравственности.

Приведенный подход получил свое развитие в работах Д. Белла, который преодолев исключительно экономическую детерминированность общественного развития, за который критиковался формационный подход, пришел к аналогичным выводам о роли работников на различных этапах развития.

В соответствии с подходом Д. Белла общество может существовать в трех основных формах в зависимости от существующего типа производства и разновидности используемого знания. Достижению постиндустриального этапа общественного развития предшествует доиндустриальное и индустриальное общество². Лишь на наиболее развитом постиндустриальном этапе основным действующим лицом становится оказывающий услуги профессионал, которому образование и навыки обеспечивают достижение высокого общественного положения³, что и определяет содержание нравственности на данном этапе развития.

Практически одновременно с Д. Беллом предложенная К. Марксом и Ф. Энгельсом концепция развития общества подверглась переосмыслению Э.

---

¹ Милушева Т. В. Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 172.

² См.: Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. Перевод с англ. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2004. С. 14, 169–172.

³ См.: Белл Д. Там же. С. 170–172.

Тоффлером, разграничивающим общественное развитие стадии в зависимости от прохождения обществом производственных революций, существенно изменяющих преимущественный способ производства. Таких революций и следующих за ними «волн» автором выделяются три¹, и лишь на последней, порожденной технологической революцией волне, ценность работников и забота о них обретает значимые формы (рост оплаты и качества охраны труда и др.)².

Теория Э. Тоффлера, несмотря на свои достоинства, не преодолела недостатков теории К. Маркса и Ф. Энгельса, лишь заменив собственным технологическим детерминизмом³ экономический детерминизм формационной теории общественного развития.

Попытки переосмысления предпринимались и в дальнейшем, однако, несмотря на их значимость в вопросах развития науки, преодолеть детерминированность одним или несколькими факторами в полной мере они не смогли⁴.

В противовес теориям формационного толка создана цивилизационная концепция развития общества, одним из основателей которой наравне с А. Тойнби и О. Шпенглером, а возможно опережая их, являлся Н. Я. Данилевский⁵. Слабой стороной теорий указанной группы, полагаем, является избыточная индивидуализация каждой цивилизации и производная от этого невозможность установления закономерностей в общественном развитии, а следовательно, и содержания нравственности.

Поскольку ни одна из существующих концепций общественного развития не

---

¹ См.: Тоффлер Э. Третья волна. М., 1999. С. 38–39.

² См.: Там же. С. 562–563.

³ См.: Формации и волны цивилизации: от Маркса к Тоффлеру и русской философии : монография / Е. В. Алехина, Я. В. Бондарева, Л. А. Демина и др.; под общ. ред. В. А. Песоцкого. М., 2018. С. 104.

⁴ См. подробнее: Нерсисянц В. С. Национальная идея России по всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости : Манифест о цивилизме. М., 2001. С. 1–11, 32–40.

⁵ См. подробнее: Данилевский Н. Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. / Сост., вступ. ст. и комм. А. А. Галактионова. СПб., 1995.

может сравниться в широте распространения и числе сторонников с концепцией постиндустриального общества¹, постольку целесообразным видится её использование в работе.

Как отмечено ранее основным действующим лицом в постиндустриальном обществе становится профессионал, что обуславливается необходимостью высокого уровня знаний для эксплуатации и совершенствования имманентного постиндустриальному обществу высокотехнологичного оборудования. Помимо знаний постиндустриальное общество требует от работника развитых творческих способностей, так как последние являются залогом развития наукоемких технологий – «основного существенного признака постиндустриального общества»².

Неодинаковость качества знаний, иных индивидуализирующих черт работников, порождает среди работодателей постиндустриального общества конкуренцию за наиболее квалифицированных, а следовательно, способных принести наибольшую выгоду, работников. Это выводит квалифицированного работника на роль важнейшего участника отношений, забота о котором концептуальная необходимость для работодателя, что определяет работника уже не как средство производства, а как нашедшую закрепление в нравственности ценность.

Сказанное в полной мере относится и к государству на постиндустриальном этапе общественного развития, начинающего играть иную, продуцируемую сменой приоритетов новую роль³. Под угрозой утраты легитимности в связи со стагнацией, обусловленной нехваткой квалифицированных работников, а также несоответствия

---

¹ См., например: Корж П. А. Постиндустриальное общество: общеправовой и технико-юридический вопросы // Юридическая техника. 2015. № 9. С. 347; Нехода Е. В. Трансформация труда и социально-трудовых отношений в условиях перехода к постиндустриальному обществу // Вестник томского государственного университета. 2007. № 302. С. 160, 162.

² См.: Кальней М. С. Творчество или креативность? Проблема отчуждения в постиндустриальном обществе // Экономические и социально-гуманитарные исследования. 2017. № 4 (16). С. 38.

³ См. подробнее: Милушева Т. В. Сравнительно-правовой анализ механизмов ограничения государственной власти // Байкальские компаративистские чтения (Иркутск, 22–23 апреля 2022 г.). Иркутск, 2022. С. 77.

сложившимся нравственным требованиям, оно вынуждено заботиться о работниках, создавать и обеспечивать им комфортные и конкурентные условия. Последнее, как рассмотрено ранее, не может быть реализовано без удовлетворения одной из фундаментальных потребностей человека - потребности в безопасности, то есть защищенности, стабильности, порядке и др¹. В юриспруденции указанная безопасность обеспечивается защитой прав, свобод и законных интересов работника (далее – прав работника).

Причем, если индустриальный этап характеризуется иерархичностью и бюрократией², а значит преимущественно формальным подходом к защите прав работника государством, то на постиндустриальном этапе последнее вынуждено обеспечивать их фактическую, то есть ориентированную не на формальное исполнение закона, а на реальное обеспечение прав работника, защиту. В обратном случае работнику не будет обеспечена необходимая безопасность, а государству – достаточная легитимированность в связи с расхождением его действий с общественной нравственностью.

Применительно к сказанному следует отдельно подчеркнуть верное замечание С. В. Липеня, согласно которому продиктованная цифровизацией общественных отношений новая социальная виртуальность предполагает и негативные тенденции. К их числу следует относить информационные манипуляции³, за счет которых реальное обеспечение прав и свобод работника недобросовестными участниками отношений может лишь симулироваться. Однако такого рода манипуляции лишь маскируют (в большей или меньшей степени) ненадлежащие действия или бездействие, но не отменяют объективной необходимости в реальном обеспечении правового статуса работника. Значительную роль в обеспечении последнего играет государство, которое должно оставаться на страже защиты прав и свобод человека.

---

¹ См.: Маслоу А. Мотивация и личность / пер. с англ. 3-е изд. СПб., 2008. С. 63.

² См.: Белл Д. Указ. соч. С. 170.

³ См.: Липень С. В. Аспекты виртуализации политической жизни и виртуальное государство в современных юридических исследованиях // Актуальные проблемы российского права. 2022. Т. 17. № 1 (134). С. 37.

Применительно к вопросам государственного принуждения это требует сочетания органами государственной власти в своей деятельности нескольких условий. Среди них, во всяком случае, следует выделить минимизацию препятствующих профессиональной деятельности работника адресованных ему мер государственного принуждения, а также высокую результативность мер государственного принуждения, адресованных посягнувшим на права работников лицам. Причем наделение необоснованным приоритетом любого из условий повлечет ухудшение уровня безопасности работников, а в итоге негативно скажется на развитии общества и способно привести к делигитимации государства.

Вместе с тем, переориентация на фактическое обеспечение прав работника расширяет круг участников отношений, поскольку работника, помимо собственных прав, будет интересовать защищенность близких для него лиц, круг которых объективно не ограничен. Следовательно, на постиндустриальном этапе актуальным является защита не только прав работника, но и прав и свобод человека в целом.

Итак, суммируя позиции отечественных и зарубежных ученых, предлагается дифференцировать пределы применения государственного принуждения на общие и частные.

Общие пределы применения государственного принуждения формируются из конгломерата частных пределов и представляют собой контур диапазона отношений государственного принуждения, соответствующих всем требованиям, предъявляемым к нему частными пределами.

Частные пределы применения государственного принуждения предопределяются каждым общественно значимым фактором (экономическим, политическим, культурным, нравственным и др.), устанавливающим границы допустимости применения государственного принуждения, основываясь на главной, концептуальной детерминанте его непосредственной сущности (экономическая возможность для экономики, культурная приемлемость для социокультурной сферы и т. д.). Названные пределы отделяют приемлемое с позиции соответствующего фактора применение государственного принуждения от

неприемлемого, т. е. находящегося вне установленных границ.

Указанные детерминанты связаны между собой (экономика связана с политикой и правом, право с нравственностью и т.д.) и в проекции на социальные отношения образуют более чем сложный конгломерат пересечений продуцируемых ими границ допустимости государственного принуждения.

Подобного рода корреляция может быть:

а) полной, если совокупность подобного рода границ формирует единую общую границу применения государственного принуждения, одинаково разделяя допустимое и недопустимое принудительное воздействие;

б) частичной, если производные от различных факторов границы не совпадают.

Отмечается, что пределы применения государственного принуждения могут найти свое объективное выражение лишь в нормативной регламентации, что является необходимым условием и гарантией защиты прав и свобод человека, обеспечения интересов общества и функционирования государства. В контексте нормативного ограничения государственного принуждения лексема «граница» не является синонимом слова «предел», соотносясь с последним как предпосылка и итог.

Важнейшие частные пределы применения государственного принуждения генерируются исходя из согласованности оказываемого на субъект воздействия с критериями нравственности. Под нравственными пределами применения государственного принуждения предлагается понимать нормативно определенную границу применения государственного принуждения как формы реализации государственной власти, формируемую на основе соответствия меры принудительного воздействия требованиям справедливости, а точнее таким ее аспектам, как обоснованность и соразмерность.

Под обоснованностью предлагается понимать основанность применения государственного принуждения на нравственно мотивированном соотношении деяния (или сложившихся обстоятельств применительно к реальной угрозе причинения вреда правам и свободам человека) и порождаемых им возможных вариантов государственно-принудительного воздействия на субъекта (субъектов).

Под соразмерностью понимается такое соответствие применяемого государственного принуждения индивидуальным характеристикам субъекта, события или деяния, при котором обеспечивается корректировка воздействия на принуждаемое лицо в соответствии с нравственно одобряемыми обществом вариантами государственного принуждения (т. е. в соответствии с требованиями обоснованности), но с учетом казуального своеобразия, присущего каждому конкретному случаю.

Потенциальная темпоральная коллизия между нравственностью и правом, вызываемая объективной задержкой формализации изменившихся нравственных директив, обуславливает возможность представителей социума легальным образом ходатайствовать о корректировке применяемой меры государственного принуждения в отдельных, приходящихся на период существования указанного противоречия, ситуациях. Последнее должно всегда соответствовать предусмотренным для данных случаев нормативным требованиям, в том числе установленной процедуре.

Приведенное несоответствие может носить как единичный, так и множественный характер; происходить на уровне законов и (или) подзаконных нормативных актов, как магистральной форме выражения российского права; затрагивать предметы регулирования отдельных самостоятельных отраслей права либо являться комплексными, т. е. включать две и более сферы регламентации.

Отмечается, что специфика коллективного бытия на каждом этапе развития оказывает непосредственное влияние на общественные представления о справедливом и несправедливом, тем более по отношению к применению государственного принуждения и его нравственным пределам. На постиндустриальном этапе особенности нравственных пределов применения государственного принуждения заключаются в необходимости реальной защиты прав и свобод человека, то есть их фактического, а не декларативного обеспечения. Такой подход способствует взаимовыгодному развитию партнерских отношений между обществом и государством.

ГЛАВА 3. ПРОБЛЕМЫ УСТАНОВЛЕНИЯ НАВРСТВЕННЫХ ПРЕДЕЛОВ ПРИМЕНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ И ПУТИ ИХ ОПТИМИЗАЦИИ

Государственное принуждение как форма реализации государственной власти неразрывно связано с нормативной регламентацией, отражающей в себе пределы его применения (нравственные, экономические, политические и пр.). Под последними, в самом общем виде можно понимать нормативно закрепленные границы применения государственно-принудительного воздействия, образованные какими-либо социально значимыми факторами в результате оценки соответствия предъявляемым им к применению государственного принуждения требованиям. Предел государственного принуждения определяет возможную меру последнего путем нормативного закрепления задач, оснований, порядка применения принуждения и иных связанных с ним вопросов, а также выступает гарантией защиты прав и свобод человека, интересов общества от неправомерной деятельности должностных лиц государства, а государство – от делегитимационных рисков в рассматриваемой сфере.

Особую важность пределы приобретают в публичных отраслях законодательства, где граждане непосредственно сталкиваются с государством и осуществляемым им принуждением, а, следовательно, наибольшим образом нуждаются в защите от неограниченного и несправедливого государственного воздействия.

Необходимость данной защиты во многом обусловлена преимущественным использованием в государственном принуждении, как форме реализации государственной власти, императивного (субординационного, авторитарного, властного приказа) метода правового регулирования, по справедливому замечанию исследователей характерного для публичных отраслей права и применяемого для

воздействия на подчиненных лиц¹. Данный метод отличается высоким уровнем вмешательства в сферу прав и свобод человека за счет используемых в нем обязательных государственно-властных предписаний и также именуется административно-правовым методом², что точнее отражает лежащее в его основе подчинение лица государству. Однако поскольку до настоящего времени указанный термин не является общепринятым, в работе он будет именоваться императивным.

Императивный метод, по верному замечанию И. С. Хохловой, отличается категоричным, обязательным характером воздействия, в равной мере использующим способы обязываний и запретов. Автор определяет первые из них как обременения лица и понуждение его к определенным действиям, а второе – как осуществляемое в целях охраны общих благ и интересов, характеризующиеся сдерживающим характером воздействие, направленное на пресечение нежелательной деятельности лица. В отраслях публичного законодательства (уголовной и административной отрасли), отмечает И. С. Хохлова, запреты предназначены для исключения негативной активности людей, преимущественно направлены на обеспечение безопасности и правопорядка, в том числе в сфере противодействия коррупции³.

Аналогичного понимания содержания способов запретов и обязываний придерживается С. С. Алексеев. Автор указывает, что должностное непосредственно относится к обязываниям (позитивным обязываниям) и запретам. Они проявляются в адресованных лицу побуждающих к активному поведению повелениях и предписаниях дальнейшего поведения (для обязанностей) и запрещающих лицу поведение какого-либо рода (для запретов)⁴.

А. В. Малько указывает, что к сущностным признакам правовых ограничений, а следовательно входящих в их число запретов и обязываний,

---

¹ См.: Миронов В. О., Кабанова О. В. Метод правового регулирования и структурирование системы права // Аграрное и земельное право. 2019. № 1 (169). С. 44.

² См.: Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 261.

³ Хохлова И. С. Способ правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2009. С. 21, 23, 28–29.

⁴ См.: Алексеев С. С. Избранное / Вступ. сл., сост.: П. В. Крашенинников. М., 2016. С. 307.

относится негативный характер последних. Он заключается в том, что «сдерживает осуществление «собственных» интересов лица, не позволяя им удовлетвориться за счет ценности, на которую претендует управомоченный и одновременно отрицательно стимулирует это лицо удовлетворять интересы «чужие» — контрsubjекта в правоотношении. То есть правовое ограничение выражается в отрицательной мотивации, сопровождаясь, вместе с тем, и негативными стимулирующими моментами, которые, выступая в качестве дополнительного побочного эффекта, действуют с помощью угроз, давления, силы, принудительных начал»¹.

Способы запрета, концептуальной характеристикой которого является ограничение возможного свободного активного поведения лица, и обязывания, характеризующегося ограничением возможного свободного бездействия лица, основаны на ограничении свободы лица, обеспечении совершения лицом не соответствующих его воле действий, а, значит, основаны на методе принуждения и выражают собой принуждение. Следовательно, основные методы реализации государственного принуждения как формы реализации государственной власти — метод принуждения и императивный метод неразрывны, принуждение имманентно императивному методу, а императивный метод олицетворяет собой принуждение.

Кроме того, именно возможность обеспечения фактической реализации запретов и обязываний в случае нарушения лицом установленных обязательных требований отличает императивный метод от иных методов правового регулирования (диспозитивного метода, метода рекомендаций и др.) и делает его самим собой, то есть категоричным и обязательным.

Обоснованность указанного подхода подтверждается и работами ученых. В посвященном вопросам дифференциации отраслей права исследовании Д. Е. Петров указывает, что к числу существенных признаков метода правового регулирования следует относить «приемы и средства защиты субъективных прав и

---

¹ Малько А. В. Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики // Юридическая техника. 2018. №12. С. 238–239.

обеспечения исполнения юридических обязанностей (характер юридической ответственности)». К числу внешних признаков автором относятся, в том числе, «особенности применения юридической ответственности»¹.

Поскольку, как отмечено ранее, юридическая ответственность не может отделяться от принуждения, постольку принуждение неразрывно с императивным методом правового регулирования.

Следует отметить, что в науке существует и такое понимание методов правового регулирования, согласно которому императивный метод и метод принуждения разграничиваются между собой². В настоящей работе мы не разделяем данный подход по указанным выше обстоятельствам. Понятия императивного метода и метода принуждения используются нами как синонимы, хотя мы понимаем, что этот вопрос требует дальнейшего исследования и разрешения.

Характерный для императивного метода, а значит и для государственного принуждения, как формы реализации государственной власти, высокий уровень вмешательства в сферу прав и свобод граждан, как для защиты лиц, так и для исключения вызванных избыточным применением государственного принуждения делегитимационных тенденций, требует закрепления пределов государственного принуждения.

Именно пределы отграничивают государственное принуждение от его главной опасности и противоположности – беспредела, справедливо определяемого Т. Б. Темрезовым как «действия, переходящие любые рамки писаных и неписаных законов; крайняя степень беззакония, беспорядка. Беспредел нередко детерминирует исключительно отрицательные итоги и результаты. В свою очередь предел, будучи категорией прямо противоположной, направлен на позитив, служит косвенной, а иногда и прямой причиной конструктивным процессам в праве

---

¹ Петров Д. Е. Отрасль права / под ред. М. И. Байтина. Саратов, 2004. С. 124–129.

² См. подробнее: Сенякин И. Н. Система права // Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Т. 2: Право / отв. ред. М. Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2007. С. 578.

(причем как формальным, так и содержательным аспектам). Предел способствует возникновению в праве новационных компонентов, подсистем, способствующих повышению эффективности права в целом»¹.

Однако и наличие пределов не гарантирует достижения идеального состояния законности и справедливости в обществе. Надлежащему ограничению государственного принуждения препятствуют технико-юридические дефекты (далее – дефекты), под которыми нами, вслед за И. П. Кожокарем, понимаются «недостатки социальной значимости, содержания, внешней формы и структуры норм права, а также содержащих их нормативно-правовых актов, приводящих к снижению эффективности, неэффективности либо антиэффективности нормативно-правового регулирования общественных отношений»². Дефекты всегда негативным образом влияют на защищенность прав и свобод граждан, легитимированность государства обществом.

При регулировании государственного принуждения дефекты приобретают особенно «острые» негативные последствия за счет важности регламентируемых отношений, предполагающих прямое вторжение в принципиально важные, основные личные и имущественные права и свободы человека. Дефекты в данной сфере, особенно в вопросах регламентации пределов применения государственного принуждения, искажают волю общества, способны принести существенный, а в ряде случаев (например, в случае смертной казни) – непоправимый вред человеку и делегитимационный урон государству. Сказанное обуславливает необходимость принятия мер по сокращению их количества и улучшению качества нормативной регламентации в данной сфере.

И. П. Кожокарем справедливо указывается на комплексный характер дефектов, несводимых только к нарушениям требований юридической лингвистики, а включающих в себя также обеспечение ясности, полноты,

---

¹ Темрезов Т. Б. Цели наличия пределов в праве: теоретические и практические аспекты // Гуманитарные и юридические исследования. 2020. № 2. С. 169.

² Кожокаръ И. П. Техничко-юрідическіе дефекты в Россійском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2020. С. 8.

определенности и непротиворечивости правовых норм, а также их согласованное взаимодействие как на внутриотраслевом, так и на межотраслевом уровнях¹.

Именно с неопределенностью, противоречивостью содержания государственного принуждения в понимании законодателя, связана первая их рассматриваемых нами проблем регламентации пределов государственного принуждения, следствием чего является невозможность четкого нормативного закрепления пределов государственного принуждения, в том числе нравственного.

Рассмотрение основных регламентирующих публичные отношения законов, наибольшим образом «насыщенных» государственным принуждением (Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации, Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции»², Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения»³) свидетельствуют об отсутствии единообразного понимания государственного принуждения законодателем, что негативно влияет как на правотворческую, так и правоприменительную деятельность⁴, свидетельствует об отсутствии должного единства правовой системы Российской Федерации⁵.

В УК РФ, УПК РФ, КАС РФ, Федеральном законе «О полиции» расхождения в понимании государственного принуждения касаются целей осуществления и устанавливаемых правоограничений для принуждаемого лица, состава участников отношений (как на стороне принуждающего, так и принуждаемого лица), значении

---

¹ См.: Кожокаръ И. П. Там же. С. 3, 8.

² Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

³ Федеральный закон от 21.07.1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.

⁴ См. подробнее: Туралин В. Ю. Юридическая терминология в современном российском законодательстве : теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук, Белгород, 2017. С. 33–34.

⁵ См.: Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 169.

поведения принуждаемого лица¹. Понимание государственного принуждения законодателем в каждом из указанных нормативных актов отличается от понимания в любом другом из них. Это способствует путанице в правоприменительной практике, особенно в рамках межотраслевой регламентации отношений (например, в случае со ст.116.1 УК РФ, которая требует административной преюдиции для привлечения к уголовной ответственности).

Одной из основных причин данных расхождений, безусловно, является специфика регламентируемых отношений, требующих индивидуализированного подхода в каждой сфере.

Однако индивидуализацией сложно объяснить, например, отнесенность к числу принуждаемых лиц в КАС РФ объединений граждан (ч. 5 ст. 38, ч. 1 ст. 116 КАС РФ), и отсутствие последних в УПК РФ, также относящемуся к процессуальному законодательству, а значит сталкиваемому со схожими проблемами (например в делах о хищениях при осуществлении долевого строительства жилья, где на стороне потерпевших в целях защиты прав «обманутых дольщиков» нередко выступают объединения граждан). Отсутствуют объединения граждан среди принуждаемых лиц и в Федеральном законе «О полиции», также регламентирующим административно-государственные отношения.

Затруднительно объяснить индивидуализацией и различия в подходах к вопросу значимости для принуждающего поведения принуждаемого лица при осуществлении государственного принуждения в рамках одной отрасли законодательства. Например, в посвященных ограничению выступления участников судебного заседания, удалению из зала заседания, приведе нормам КАС

---

¹ См. подробнее: Петренко М. Н. О понимании принуждения в уголовном праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер. : Юридические науки. 2014. № 4 (19). С. 80–83; Его же. О понимании принуждения в уголовно-процессуальном законодательстве // Приволжский научный вестник. 2014. № 12-1 (40). С. 106–109; Его же. О понимании принуждения в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 4 (60). URL: <http://web.snauka.ru> (дата обращения: 20.11.2022); Его же. О понимании государственного принуждения в Федеральном законе «О полиции»// Юридический факт. 2021. № 144. С. 8–11.

РФ (ч. 2 ст. 118, ч. 2 ст. 119, ч. 1 ст. 120 КАС РФ) содержатся указания на значимость поведения принуждаемого для понуждающего, тогда как в иных нормах кодекса, в том числе связанных с наложением судебного штрафа (ст. 122 КАС РФ) указанное требование не учитывается. Уместным видится отметить, что по справедливому указанию С. А. Белоусова коллизии норм создают объективные проблемы с исполнением требований правовых актов, в том числе связанных с принуждением, и свидетельствуют о дисбалансе системы законодательства¹.

Особого внимания заслуживают КоАП РФ, УИК РФ, Федеральный закон «Об органах принудительного исполнения». Являясь одними из наиболее «насыщенных» государственным принуждением отраслей нормативного регулирования, указанные нормативные акты никак не раскрывают содержание государственного принуждения, являющегося для них фундаментальной, краеугольной категорией.

При этом нельзя утверждать, что законодатель исключает принуждение из числа используемых в КоАП РФ, УИК РФ форм власти. Статья 1.6 КоАП РФ указывает на категорию административного принуждения, закрепляя недопустимость решения и действия (бездействие), унижающих человеческое достоинство при его применении (однако также не раскрывает содержание категории), а в посвященной доставлению ст.27.2 КоАП РФ указывается на принудительный характер данной меры обеспечения производства по делу об административном правонарушении.

В ст. 8 УИК РФ указывается на то, что уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации основывается на рациональном применении мер принуждения, а ч. 2 ст. 12 указанного закона закреплено, что меры принуждения к осужденным могут быть применены не иначе как на основании закона.

Сложившаяся ситуация имеет негативное значение как для граждан, так и для

---

¹ См.: Белоусов С. А. Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2015. С. 282.

государства, поскольку отсутствие единообразного подхода к определению в нормативных правовых актах государственного принуждения свидетельствует об отсутствии его более или менее конкретного понимания законодателем, а значит и правоприменителем. Это влечет невозможность для законодателя в проведении выверенной работы по регламентации государственного принуждения в целом, установлении его принципов, оснований и пределов применения, поскольку указанные вопросы невозможно полноценно закрепить без понимания самого предмета регламентации – государственного принуждения. Для правоприменителя отсутствие однозначного понимания используемого им термина влечет дополнительные трудности в квалификации и иных сферах деятельности.

По справедливому замечанию И. П. Кожокаря как формально-логический дефект, он может быть устранен только законотворческими усилиями¹, направленными на приведение понимания государственного принуждения в законодательстве к единообразию, но с учетом специфики регламентируемых отношений. Поскольку в высшем законе – Конституции России, отсутствуют нормы, определяющие государственное принуждение, этому может способствовать опыт прошлого – принятие основ законодательства о государственном принуждении или соответствующего федерального конституционного закона.

Не меньший, а возможно и больший делегитимационный для государства и негативно сказывающийся на защищенности общества потенциал несут дефекты обоснованности государственного принуждения. Данные дефекты могут выражаться в поименовании в нормативных актах мер государственного принуждения без закрепления условий, порядка, сроков и иных оснований ее применения. В целом их, полагаем, возможно отнести к дефектам юридической техники.

Например, п. 16 ст. 14 Федерального закона «О полиции», находящейся в посвященной применению отдельных мер государственного принуждения главе 4, определено, что «задержанные лица перед водворением в специально отведенные

---

¹ Кожокарь И. П. Указ. соч. С.10–11.

для этого помещения и после окончания срока задержания подвергаются осмотру, результаты которого заносятся в протокол о задержании».

Из нормы следует, что задержанное лицо подвергается осмотру, то есть в отношении лица совершаются какие-либо действия, относимые законодателем к государственному принуждению, однако данная категория не раскрывается. При этом категория «осмотр» применительно к физическим лицам отсутствует и в УПК РФ и в КоАП РФ, а формулировка «подвергается осмотру» не позволяет однозначно утверждать, что речь идет о физическом действии должностного лица, заключающемся в визуальном наблюдении задержанного и не способного нарушить права и интересы осматриваемого лица.

Таким образом в сфере общественных отношений, характеризующихся особой «остротой» противостояния участвующих в нем государства и личности появляется категория, в соответствии с системным толкованием относящаяся к мерам государственного принуждения, содержание и основания применения которой законодательно не определяются. Данная, и аналогичные с данной ситуацией, с одной стороны потворствуют совершению должностными лицами государства правонарушений (совершаемых ими, а не представляемым ими государством), а с другой стороны – вводит в систему мер государственного принуждения новую категорию, которая не может применяться и, в целом, является неопределенной.

Определенность права, а следовательно – законодательства (далее – определенность), есть неотъемлемая, концептуальная характеристика последнего, поскольку «По существу право – это согласованное решение общества жить по определенным правилам, поэтому и существо права – в придании общественной жизни заданности, скоординированности и порядка», она является проявлением его разумности¹. В своей основе определенность имеет четкость, непротиворечивость понимания выполняющую нормотворческую функцию лицом (далее – законодателем) регламентируемого вопроса. С этих позиций нормотворческий процесс начинается не с выработки проекта нормативного правового акта, не с

---

¹ Власенко Н. А. Разумность и определённость в правовом регулировании. М., 2014. С. 11–12.

включения его в планы правотворческих работ¹, и не с анализа правоприменительной практики и социальной значимости подлежащих регламентации вопросов. Она начинается с концептуального определения законодателем регламентируемой категории, выделения всех её значимых свойств и признаков, поскольку без понимания предмета и задач качественная регламентация что-либо невозможна.

Разрозненность понимания законодателем уже самой категории государственного принуждения, вне зависимости от причин этого (в связи с подготовкой нормативных правовых актов различными лицами, в разное время, и др.) прямо свидетельствует об отсутствии единого общего понимания данной категории. И речь не идет о различных чертах государственного принуждения, определяемых спецификой отраслей нормативной регламентации. Различия в понимании законодателем государственного принуждения касаются самой его сути, начиная с состава участников данных отношений, как это отмечено выше.

Закономерностью развития права (и законодательства как его формы) является эволюция последнего, стремящегося к определенности регулирования фактических отношений², которой, однако, нельзя достичь без определенности в сознании законодателя предмета регламентации. Последнее, заметим, в демократическом государстве усложняется множественностью выступающих на стороне законодателя лиц, которым, прежде регламентации отношений, требуется «синхронизация» в понимании регламентируемого предмета.

Иными словами четкое, единообразное понимание законодателем регламентируемой категории является краеугольным камнем, лежащим в основе системности законодательства, залогом его эффективности и высокого качества. Аналогичный вывод можно сделать применительно к ситуации, связанной с дефектом обоснованности государственного принуждения, при котором мера государственного принуждения не определена, но поименована.

---

¹ См.: Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 293.

² Власенко Н. А. Указ. соч. С. 13.

Важность определенности нормативного правового регулирования подчеркивается не только в теории права, но и потребностью ежедневной правоприменительной практики. Пленум Верховного суда Российской Федерации в издаваемых обобщениях судебной практики указывает на то, что «Проверяя содержание оспариваемого акта или его части, необходимо также выяснять, является ли оно определенным. Если оспариваемый акт или его часть вызывают неоднозначное толкование, оспариваемый акт в такой редакции признается не действующим полностью или в части»¹. Причем аналогичная норма содержалась в п. 25 предшествующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 г. № 48², что свидетельствует о непреходящей важности определенности для нормативно-правового регулирования.

Таким образом определенность, применительно к государственному принуждению, обеспечивая прозрачность данных отношений является гарантом защищенности прав, свобод и интересов человека, а в конечном счете – легитимности государства. Обоснованность государственного принуждения, как структурный элемент предельнообразующего фактора нравственного предела применения государственного принуждения – справедливости, является выражением определенности применительно к реализации государственного принуждения. Она, как дочерняя категория последней, выполняет аналогичные функции, и также как определенность является проявлением разумности права и законодательства.

Требующей внимания проблемой является нарушение условий соразмерности при регламентации государственного принуждения. В. В. Лазаревым справедливо отмечено, что оценка пропорциональности ограничительной меры, к числу которых мы относим меры государственного

---

¹ См.: п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» (Российская газета. 2019. 15 января).

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» // Российская газета. 2007. 8 декабря.

принуждения, необходима всегда, поскольку «Всегда могут существовать альтернативы, менее ограничительные меры, которые приведут к искомой цели»¹.

Соразмерность предполагает индивидуализацию применяемой меры принуждения, которая в ряде нормативных актов отсутствует: за совершение определяемых действий устанавливается абсолютно определенное последствие.

Например, ч. 2 ст. 119 КАС РФ установлено, что граждане, присутствующие в судебном заседании, за повторное нарушение порядка в судебном заседании удаляются по распоряжению председательствующего в судебном заседании из зала заседания суда на все время судебного заседания.

Указанная норма, регламентирующая государственное принуждение, устанавливает обязательное и абсолютно определенное требование, не предполагающее какой-либо выбора: при повторном нарушении порядка в судебном заседании председательствующий распоряжается удалить участвующего в заседании гражданина на все время судебного заседания, после чего указанный гражданин удаляется из зала. Вместе с тем, не сложно смоделировать ситуацию, в которой нарушение, в том числе повторное, лицом порядка в судебном заседании может являться не виновным: в к/ф «Профессионал» показана сцена, в которой главный герой, находясь под воздействием введенных ему медицинских препаратов нарушает установленный порядок судебного заседания. Аналогичная ситуация возможна при умышленной провокации лица противной стороной. Применение к нарушителю указанной меры принуждения в таком случае будет несоразмерным, а, следовательно, несправедливым.

Соразмерность могла бы быть достигнута за счет возможности правоприменительного усмотрения, как это сделано, например, в ч. 1 ст. 119 КАС РФ, где компетенция суда по объявлению лицу предупреждения, как меры принуждения, сформулирована по формуле «вправе». Усмотрение является необходимым элементом правоприменительной деятельности, придающим

---

¹ Лазарев В. В. Естественно-правовые основания ограничения прав человека и гражданина // Юридическая техника. 2018. № 12. С. 25.

гибкость правовому регулированию. Суд в данном случае «свободен делать выбор из нескольких альтернатив, из которых каждая законна»¹, то есть сам, исходя из требований закона, а также собственного убеждения, принимает решение.

В рассмотренной нами ситуации, связанной с удалением из зала судебного заседания, право на усмотрение суду закон не предоставляет².

При этом ранее Конституционным судом Российской Федерации (далее – Конституционный суд) уже указывалось, что конституционные принципы соразмерности и справедливости, понимаемые как дух основного закона, определяют «необходимость дифференциации юридической ответственности в зависимости от тяжести содеянного, размера и характера причиненного ущерба, степени вины правонарушителя и иных существенных обстоятельств, обуславливающих индивидуализацию при выборе той или иной меры государственного принуждения»³.

Таким образом на соразмерность, как необходимое условие государственного принуждения, указывал и высший судебный орган конституционного контроля, что, однако, не было в полном объеме воспринято законодателем. В результате нашедший отражение в Конституции РФ принцип справедливости, а следовательно правовая политика государства, вошла в противоречие с правовым регулированием, что образовало «аксиологический технико-юридический дефект»⁴ регламентации государственного принуждения.

Однако соразмерность попирается не только безальтернативным применением мер государственного принуждения, как указано выше, но и чрезмерной вариативностью их содержания.

---

¹ Суменков С. Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 47–48.

² Об усмотрении см. подробнее: Никитин А. А. Правовое усмотрение: теория, практика, техника : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2021. С. 309–357.

³ Определение Конституционного Суда РФ от 27.02.2018 г. № 525-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "РусТендеры" на нарушение конституционных прав и свобод частью 3 статьи 7.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный сайт Конституционного суда Российской Федерации. URL: <http://ksrf.ru> (дата обращения: 23.10.2022).

⁴ См.: Кожокарь И. П. Указ. соч. С. 24–25.

В связи с проводимой либерализацией уголовного законодательства в 2011 году был принят целый ряд нормативных актов¹, в соответствии с которыми УК РФ существенно изменен. Во многих статьях исключены нижние пределы санкций в виде лишения свободы, ареста, исправительных работ, являющихся мерами государственного принуждения.

Такой шаг субъекта правотворчества не только породил неопределенность в назначении мер принуждения, что потребовало от Верховного Суда РФ подготовки, а затем и утверждения его Президиумом, специального документа, призванного ответить на вопросы, поступившие из судов, по применению вышеуказанных федеральных законов², но и чрезвычайно расширив пределы правоприменительного усмотрения исключил законодательные гарантии соразмерности меры государственного принуждения содеянному (в первую очередь для потерпевшей стороны) по ряду статей УК РФ, передав её реализацию правоприменителю. Последнее, как обоснованно указывается А. П. Роговым и А. А. Воротниковым, ведет не только к сбоям в механизме правового воздействия, но и нарушению прав и свобод личности³.

Не ставя под сомнение добросовестность и профессионализм последних хотелось бы отметить следующее. Наличие нескольких гарантий соразмерности при применении государственного принуждения: во-первых, на уровне нормативного регулирования, где исходя из понимания в обществе справедливого воздействия на правонарушителя закрепляются верхний и нижний пределы мер государственного принуждения, а во-вторых – на уровне правоприменителей,

---

¹ См.: Федеральный закон от 07.03.2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 11. Ст. 1495; Федеральный закон от 07.12.2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 50. Ст. 7362.

² Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации», утверждены Президиумом Верховного Суда РФ 27.06.2012 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. № 11.

³ См.: Рогов А. П., Воротников А. А. Особенности государственного принуждения в правовом государстве. Саратов, 2022. С. 6.

которыми на основе закона и пределах установленных им границ избираются надлежащие формы воздействия на нарушителя, в большей мере защищает права и интересы граждан, чем одна гарантия, основанная только на добросовестности и профессионализме правоприменителей.

Соответствие рассмотренных требований законодательства представлению общества о справедливости, как нравственной категории, нельзя оценить однозначно и положительно, что выводит их и аналогичные им нормы за нравственные пределы государственного принуждения. Приведенный дефект также может быть устранен усилиями законодателя.

Право, а значит и его выражение в объективной действительности – нормативная регламентация, является продуктом общества, результатом рациональной деятельности его членов и едва ли может быть неразумным. Как верно указано Н. А. Власенко «Объективный разум не может породить антиразумное, уничтожающее самого человека»¹.

Разумность права (далее – разумность) не следует сводить к механической рациональности, экономическому расчету². В современном обществе разумность не может существовать без такого продукта нравственного развития современного постиндустриального общества, как гуманизм, который снижает уровень механичности правового регулирования, его рациональности и расчета в пользу ценности прав и свобод человека. В ряде случаев результат регламентации перестает быть механически и экономически рациональным, но становится разумным и социально оправданным. Например – такая мера принуждения как пожизненное заключение едва ли может считаться рациональной, поскольку на её реализацию тратятся ресурсы, несопоставимые с пользой от содержания осужденного, но гуманизм требует именно такого подхода, а не экономически рационального понуждения принуждаемого лица к непосильному и вредному труду либо лишению жизни. Иными словами, разумность не тождественна

---

¹ Власенко Н. А. Указ. соч. С. 12.

² См. о разумности в праве подробнее: Коваленко К. Е. Разумность в праве: основные формы проявления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2015. С. 14–25.

рациональности в представленном смысле и включает в себя гуманность.

Отдельно отметим, что разумность является сложной категорией¹, сколько-нибудь единообразное понимание которой в юриспруденции, а вероятно и вообще в научной сфере, отсутствует. Это во многом связано с многоаспектностью категории, её значительным субъективным содержанием и используемыми исследователями подходами, а также многими иными факторами, в совокупности, полагаем, ставящими вопрос о принципиальной невозможности её сущностного бесспорного определения.

В рассмотренном случае с безальтернативностью предусмотренного КАС РФ удаления участника процесса из зала заседания и связанного с этим лишения его права не только быть свидетелем судопроизводства, но и прав участника судебного процесса по представлению суду пояснений, доказательств, требованиям гуманности не соответствует. Законодательством удаляемое лицо, вне зависимости от виновности его действий, не гуманно лишается принадлежащих ему прав, что не только способно препятствовать установлению истины по делу (например, в связи с отсутствием необходимых пояснений удаленного лица), но и может быть связано с негативными последствиями для удаленного лица, вынужденного в порядке обжалования доказывать свою правоту путем дачи тех пояснений, прав на которые он был лишен в нижестоящем суде. Такой подход не отвечает принципу гуманности, а следовательно и разумности. Неразумность же, по верному замечанию Н. А. Власенко, ведет к слабости права, бессилию и гибели государства².

Разумность, равно как и рассмотренная определенность, является не только и не столько теоретической, сколько практической правоприменительной потребностью. Об этом свидетельствует регулярный анализ данной категории Верховным судом Российской Федерации, разъясняющим её роль и значение в спорах по гражданским, арбитражным, административным и иным отраслям

---

¹ См. подробнее: Рогачев Д. Н. Разумность как общеправовая категория : проблемы теории, техники, практики : автореферат дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2010.

² Власенко Н. А. Указ. соч. С. 37.

законодательного регулирования¹.

Соразмерность государственного принуждения как составной элемент предельнообразующего фактора нравственного предела применения государственного принуждения – справедливости, является выражением разумности применительно к реализации государственного принуждения. Иными словами соразмерность, как дочерняя категория справедливости, является проявлением разумности законодательства.

Таким образом обоснованность государственного принуждения корреспондирует определенности права, соразмерность – его разумности, а в целом, при рассмотрении с юридических позиций, соответствуют предложенным нами ранее структурным элементам справедливости, как предельнообразующего фактора нравственного предела применения государственного принуждения.

Дефект каждой из рассматриваемых категорий – обоснованности (определенности), соразмерности (разумности) влечет дисбаланс при применении государственного принуждения, в том числе юридической ответственности², а, следовательно, нарушение прав и свобод человека и общества, делигитимацию государства.

Препятствовать возникновению дефектов в нормативных правовых актах, затрагивающих вопросы принуждения, и устранять уже существующие дефекты может проведение «этической экспертизы», под которой понимается одна из возможных экспертиз нормативных правовых актов, целью которой является определение соответствия нормативного правового акта справедливости, нравственным критериям³. В ходе указанной экспертизы учеными предлагается с учетом ментальности общества отсекают все случаи, негативно влияющие на

---

¹ См., например: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.03.2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2016. № 5.

² См. об этом: Кушнир И. В. Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 41–134.

³ См.: Милушева Т. В. Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2011. С. 183.

нравственную обстановку в государстве, разрушающие межличностные связи, препятствующие свободе, активности и самореализации человека и др¹.

Причем указанная экспертиза должна осуществляться по 2 направлениям:

- как предварительная экспертиза, то есть до принятия нормативного правового акта;

- как текущая, то есть проведенной в ходе мониторинга действующей нормативной правовой базы в той или иной сфере либо с той или иной разумной периодичностью.

Указанные экспертизы должны отвечать комплексному характеру нормативного регулирования применения государственного принуждения и затрагивать не только непосредственно нормативные основания применения государственного принуждения, но и такие связанные с его применением вопросы, как соответствие нравственным требованиям правового статуса лиц, непосредственно осуществляющих принуждение; государственные гарантии возмещения вреда, сопутствующего принуждению и др.

Итак, характерный для применения государственного принуждения высокий уровень вмешательства в сферу прав и свобод человека, с одной стороны, необходимого для защиты граждан, а с другой – недопущения утраты доверия социума к государственной власти и государству в целом, требует демаркации применения государственного принуждения от его противоположности – беспредела.

Само по себе наличие нравственных пределов не обеспечивает достижения абсолютной справедливости в обществе. Надлежащему ограничению реализации государственного принуждения препятствуют технико-юридические дефекты, вызывающие более чем значимые критические последствия ввиду важности регламентируемых отношений. Их острота предопределена потенциальной возможностью государственного принуждения вторгаться в основополагающие

---

¹ См.: Цыбулевская О. И. Нравственные основания современного российского права : дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2004. С. 173–174.

личные и имущественные права и свободы человека. Дефекты в данной сфере, особенно в вопросах регламентации пределов применения государственного принуждения, искажают волю общества и способны принести существенный, а в ряде случаев непоправимый, вред индивиду и делегитимационный урон государству.

К проблемам, осложняющим применение государственного принуждения, относятся отсутствие четкого, единообразного и непротиворечивого дефинирования государственного принуждения законодателем в различных отраслях правового регулирования; присутствие юрико-лингвистических дефектов, связанных с нормативным обеспечением обоснованности и соразмерности применения государственного принуждения.

Так, в регламентирующих преобладающее число мер государственного принуждения законодательных актах Российской Федерации, в частности в УК РФ, УПК РФ, КАС РФ, КоАП РФ, УИК РФ, Федеральном законе «О полиции»¹, Федеральном законе «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации»², понимание государственного принуждения, в том числе целей его осуществления и установленных правоограничений, значения поведения принуждаемого лица для принуждающего, состава участников отношений (как на стороне принуждающего, так и принуждаемого) не совпадают. Формулировка государственного принуждения у субъекта правотворчества в каждом из указанных актов либо отличается от содержащихся в иных названных законах, либо вовсе в них не присутствует, что способствует такому негативному явлению, как правовой хаос. Последний более чем опасен в правоприменительной практике, особенно в рамках межотраслевой регламентации отношений, возникающих при применении государственного принуждения и сопутствующих ему ограничений.

Точная институциональность государственного принуждения, закрепление его свойств и признаков в нормативном тексте являются как квинтэссенцией,

---

¹ СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

² СЗ РФ. 1997. № 30. Ст. 3590.

лежащей в основе системности законодательства вообще, так и залогом эффективности и гуманистически осмысленной дифференцированности применения государственного принуждения в частности.

К числу весомых юридико-лингвистических дефектов, носящих комплексный характер и препятствующих полноценному существованию нравственного предела применения государственного принуждения, предлагается относить дефекты обоснованности (например, незакрепленность условий, порядка применения государственного принуждения) и соразмерности (отсутствие у правоприменителя возможности индивидуализации применяемой меры государственного принуждения и др.).

В качестве критериев установления нравственных пределов применения государственного принуждения предлагается использовать такие бинарные категории, как обоснованность и определенность, соразмерность и разумность.

Обоснованность применения государственного принуждения в проекции к его реализации служит выражением определенности государственного принуждения, тем самым обоснованность применения государственного принуждения является частным аспектом определенности как свойства права. В свою очередь соразмерность применения государственного принуждения выступает олицетворением разумности правового воздействия.

Отмечается, что обоснованность применения государственного принуждения корреспондирует определенности права, соразмерность – его разумности, а в целом названные феномены соответствуют справедливости, играющей роль базиса нравственных пределов применения государственного принуждения. Органичное взаимодействие указанных пар в проекции к государственному принуждению свидетельствует о симфонии последнего одному из основных общеправовых принципов – принципу справедливости.

Делается вывод о том, что пределы применения государственного принуждения, как и само государственное принуждение, а в глобальном смысле все правовое регулирование, должно быть обоснованным, определенным, соразмерным, разумным, а значит, в конечном итоге – справедливым.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Результаты изучения государственного принуждения позволяют относить данную категорию к числу важнейших для правового регулирования общественных отношений. Государственное принуждение обеспечивает функционирование государственного механизма, делая возможным достижение поставленных обществом перед государством задач даже в случае сознания препятствий к этому отдельными лицами или группами лиц и в этом смысле обеспечивает достижение целей общества.

Принуждение является более мягкой, по сравнению с силовым воздействием, формой государственной власти, не предполагающей по общему правилу лишения лица свободы действий, а лишь ограничивающего варианты его поведения. Однако даже минимальное вмешательство в сферу прав и свобод человека остается вмешательством, в котором конкретному человеку противостоит многократно превышающее его по возможностям и ресурсам государство.

Такая ситуация требует определения баланса между общественными интересами и интересами конкретного лица, имея в виду что попрание последних, как и первых, ведет к делегитимации и гибели государства, а значит невозможности защиты ни частных интересов человека, ни публичных интересов общества. Способствует установлению баланса определение пределов применения государственного принуждения, концептуально понимаемых как нормативно определенные границы, отделяющие государственное принуждение от смежных с ним явлений, границы, за которыми государственное принуждение невозможно и недопустимо.

Особое значение имеют нравственные пределы государственного принуждения, ограничивающие последнее по признаку справедливости, а точнее аспектам обоснованности, то есть осуществления государственно-принудительного воздействия в нравственно приемлемых границах и аспектах соразмерности, понимаемых как соотносимость воздействия на лицо

индивидуализирующим обстоятельствам. Обоснованность является выражением определенности, как свойства права, а соразмерность – его разумности.

При этом нормативное закрепление нравственных границ государственного принуждения также содержит в себе ряд проблем, касающихся как избытка, так и недостаточности нормативных границ для реализации условия соразмерности применения государственного принуждения, законодательной неопределенности категории государственного принуждения и обоснованности его мер. Исключению указанных дефектов будет способствовать проведение экспертизы нормативных-правовых актов, затрагивающих вопросы государственного принуждения, исследующих, в том числе, аксиологические стороны применения последнего.

Диссертационное исследование свидетельствует о перспективности избранного пути научного поиска, способного дополнить и существенно усовершенствовать имеющиеся в отечественной доктрине теории государства и права подходы к пониманию государственного принуждения.

Изучение государственного принуждения, оснований и пределов его применения, в особенности нравственного, позволит уже на правотворческом уровне отсекать и блокировать выходящее за пределы применения государственного принуждения воздействия, что будет способствовать защите прав, свобод и законных интересов человека, а, следовательно, укреплению государственности.

Важным направлением последующих исследований в сфере государственного принуждения видится:

- определение и научное обоснование перечня входящих в систему пределов применения государственного принуждения элементов, подлежащих учету при регламентации государственного принуждения;

- сравнительный анализ эффективности применения государственной власти в форме принуждения и силового воздействия в зависимости от обеспечиваемых ими функций государства;

- сравнительный анализ нравственных пределов государственного принуждения на различных этапах общественного развития и определение вектора

дальнейшего развития государственного принуждения в условиях информационного общества;

- обобщение и анализ проблем реализации нравственного предела государственного принуждения в правоприменительной деятельности, в том числе вопросов установления необходимой и достаточной меры принудительного воздействия, пределах усмотрения и роли исключений в них.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г., с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01 июля 2020 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954.
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08 января 1997 г. № 1-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 2. – Ст. 198.
4. Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации от 07 марта 2001 г. № 24-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 11. – Ст. 1001.
5. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2001. – № 52 (ч. I). – Ст. 4921.
6. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 3.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
8. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1391.
9. Федеральный закон от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ «Об органах принудительного исполнения Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 30. – Ст. 3590.

10. Федеральный закон от 07 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.

11. Федеральный закон от 07 марта 2011 г. № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 14.03.2011. – № 11. – Ст. 1495.

12. Федеральный закон от 07 декабря 2011 г. № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 50. – Ст. 7362.

13. Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 09.11.2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977).

14. Уголовный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г., утвержден Верховным советом РСФСР 27 октября 1960 г. // Ведомости ВС РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591. (*утратил силу*).

Официальные документы

15. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 ноября 2007 г. № 48 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов полностью или в части» // Российская газета. – 2007. – 08 декабря.

16. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению федеральных законов от 7 марта 2011 года № 26-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» и от 7 декабря 2011 года № 420-ФЗ "О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации" (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 июня 2012 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2012. – № 11.

17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 марта 2016 г. № 11 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении дел о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права

на исполнение судебного акта в разумный срок» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – № 5.

18. Определение Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2018 г. № 525-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью "РусТендеры" на нарушение конституционных прав и свобод частью 3 статьи 7.30 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Официальный сайт Конституционного суда Российской Федерации. – URL: <http://ksrf.ru/> (дата обращения: 23.10.2022).

19. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 50 «О практике рассмотрения судами дел об оспаривании нормативных правовых актов и актов, содержащих разъяснения законодательства и обладающих нормативными свойствами» // Российская газета. – 2019. – 15 января.

Научные издания

20. *Алексеев, Н. Н.* Русский народ и государство / Н. Н. Алексеев. – М. : Аграф, 2003. – 640 с.

21. *Алексеев, С. С.* Избранное / С. С. Алексеев. Вступ. сл., сост.: П. В. Крашенинников. – М. : Статут, 2016. – 655 с.

22. *Байтин, М. И.* Сущность и основные функции социалистического государства / М. И. Байтин. – Саратов : Саратовский ун-т, 1979. – 301 с.

23. *Байтин, М. И.* Сущность права (современное нормативное правопонимание на грани двух веков) / М. И. Байтин. – Саратов : СГАП, 2001. – 416 с.

24. *Бахрах, Д. Н.* Административная ответственность граждан СССР / Д. Н. Бахрах. – Свердловск : Уральский ун-т, 1989. – 204 с.

25. *Белл, Д.* Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Д. Белл. – Перевод с английского. Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Academia, 2004. – CLXX, 780 с.

26. *Братусь, С. Н.* Юридическая ответственность и законность (очерк теории) / С. Н. Братусь. – М. : Юрид. лит., 1976. – 216 с.
27. *Власенко, Н. А.* Разумность и определённость в правовом регулировании: монография / Н. А. Власенко. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2014. – 157 с.
28. *Власенко, Н. А.* Современное российское государство : очерки / Н. А. Власенко. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2023. – 152 с.
29. Вопросы социальной теории: научный альманах. – Т. II. – Вып. 1(2): Социальная реальность: концепции и методология исследований / Ин-т философии РАН; под ред. Ю. М. Резника. – М. : Ин-т философии РАН; Междисциплинарное общество социальной теории, 2008. – 500 с.
30. *Гегель, Г. В. Ф.* Философия права / Г. В. Ф. Гегель; пер. с нем.; ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Нерсисянц. – М. : Мысль, 1990. – 524 с.
31. *Гегель.* Энциклопедия философских наук. / Гегель. – Т.1. Наука логики. М. : Мысль, 1974. – 452 с.
32. *Гоббс, Т.* Сочинения : в 2 т. / Т. Гоббс; сост., ред. В. В. Соколов; пер. с лат. и англ. – М. : Мысль, 1991. – Т. 2. – 731 с.
33. *Гришина, Н. В.* Психология конфликта / Н. В. Гришина. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2008. – 544 с.
34. *Гумплович, Л.* Общее учение о государстве / Л. Гумплович; пер. И.Н. Неровецкого. – СПб. : Общественная польза, 1910. – 516 с.
35. *Данилевский, Н. Я.* Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к Германно-Романскому. 6-е изд. /Н. Я. Данилевский / Предисл. Н. Н. Страхова; статья К. Н. Бестужева-Рюмина; составление, вступительная статья и комментарии А. А. Галактионова. – СПб. : С.-Петербургский университет, Глаголь, 1995. – 552 с.
36. *Ильин, И. А.* Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 4: Понятия права и силы. Общее учение о праве и государстве. О сущности правосознания.

О монархии и республике. Из лекций «Понятия монархии и республики» / И. А. Ильин; сост., вступит. ст. и ком. Ю. Т. Лисицы. – М. : Русская книга, 1994. – 624 с.

37. *Кант, И.* Метафизика нравов. – Ч. 1: Сочинения на немецком и русском языках / И. Кант; под ред. Б. Тушлинга, Н. Мотрошиловой. – М. : Канон+; РООИ Реабилитация, 2014. – Т. 5. – 825 с.

38. *Кант, И.* Основы метафизики нравственности. Критика практического разума. Метафизика нравов / И. Кант. – СПб. : Наука, 1995. – 528 с.

39. *Кант, И.* Собрание сочинений: Юбил. изд., 1794–1994 : в 8 т. / И. Кант; под общ. ред. А. В. Гулыги. – М. : ЧОРО, 1994. – Т. 5. – 414 с.

40. *Кейзеров, Н. М.* Власть и авторитет. Критика буржуазных теорий / Н. М. Кейзеров. – М. : Юрид. лит., 1973. – 263 с.

41. *Клименко, А. И.* Правовая идеология современного политически организованного общества / А. И. Клименко. – М. : Норма; Инфра-М, 2019. – 384 с.

42. *Кудин, Ф. М.* Избранные труды / Ф. М. Кудин; вступ. ст. В. А. Азарова. – Волгоград : ВолГУ, 2010. – 396 с.

43. *Лазарев, В. В.* Применение советского права / В. В. Лазарев, науч. ред. Волков Б.С. – Казань: Казан. ун-т, 1972. – 200 с.

44. *Ледяев, В. Г.* Власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. – 384 с.

45. *Лейст, О. Э.* Санкции в советском праве / О. Э. Лейст. – М.: Госюриздат, 1962. – 238 с.

46. *Ленин, В. И.* Полное собрание сочинений: в 55 т. / В. И. Ленин; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС – 5-е изд. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1970. – Т. 43. Март ~ июнь 1921. – 561 с.

47. *Маркс, К.* Избранные произведения : в 3 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1986. – Т. 3. – 639 с.

48. *Маркс, К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1959. – Т. 13. – 771 с.

49. *Маркс, К.* Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. – М. : Политиздат, 1961. – Т. 21. – 745 с.
50. *Маслоу, А.* Мотивация и личность / А. Маслоу; пер. с англ. – 3-е изд. – СПб. : Питер, 2008. – 352 с.
51. *Монтескье, Ш.* О духе законов, или об отношениях, в которых законы должны находиться, к устройству каждого правления, к нравам, климату, религии, торговле и т. д., к чему автор прибавил новые исследования о законах Римских, касающихся наследования, о законах Французских и о законах феодальных / Ш. Монтескье; пер. с фр.; под ред. А. Г. Горнфельда, вступ. ст. М. М. Ковалевского. – СПб. : Издание Л. Ф. Пантелеева, 1900. – 800 с.
52. *Нерсесянц, В. С.* Национальная идея России по всемирно-историческом прогрессе равенства, свободы и справедливости : Манифест о цивилизме / В. С. Нерсесянц. – М. : Норма, 2001. – 61 с.
53. *Нормы советского права. Проблемы теории* / под ред. : Байтина М. И., Бабаева В. К. – Саратов : Саратов. ун-т, 1987. – 248 с.
54. *Парсонс, Т.* О социальных системах / Т. Парсонс; под ред. В. Ф. Чесноковой, С. А. Белановского. – М. : Академический Проект, 2002. – 832 с.
55. *Петражицкий, Л. И.* Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий; сост., автор вступ. ст. и коммент. А. Н. Медушевский. – М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЕН), 2010. – 798 с.
56. *Петров, Д. Е.* Отрасль права / Д. Е. Петров. под ред. М. И. Байтина. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. – 192 с.
57. *Политические системы современности (очерки)* / отв. ред. Ф. М. Бурлацкий, В. Е. Чиркин. – М. : Наука, 1978. – 253 с.
58. *Проблемы государства и права : труды научных сотрудников и аспирантов.* – М. : ИГПАН, 1974. – Вып. 9. – 237 с.

59. *Рогов, А. П.* Особенности государственного принуждения в правовом государстве / А. П. Рогов, А. А. Воротников. – Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2022. – 192 с.
60. *Рубинштейн, С. Л.* Бытие и сознание. Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. – СПб. : Питер, 2003. – 512 с.
61. *Серегина, В. В.* Государственное принуждение по советскому праву / В. В. Серегина. – Воронеж : Воронеж. ун-т, 1991. – 120 с.
62. *Соловьева, С. В.* На стороне власти: очерки об экзистенциальном смысле власти / С. В. Соловьева. – Самара : Самарский ун-т, 2009. – 248 с.
63. *Солонько, И. В.* Феномен концептуальной власти: социально-философский анализ : монография / И. В. Солонько. – 2-е изд., испр. и доп. – СПб. : СОЛО, 2010. – 202 с.
64. *Тоффлер, Э.* Третья волна / Э. Тоффлер. – М. : АСТ, 1999. – 784 с.
65. *Финнис, Дж.* Естественное право и естественные права / Дж. Финнис. – М. : ИРИСЭН, 2012. – 554 с.
66. *Фихте, И. Г.* Сочинения: работы 1792–1801 гг. / И. Г. Фихте; под ред. П. П. Гайденко. – М. : Ладомир, 1995. – 656 с.
67. *Формации и волны цивилизации: от Маркса к Тоффлеру и русской философии : монография / Е. В. Алехина, Я. В. Бондарева, Л. А. Демина и др.; под общ. ред. В. А. Песоцкого.* – М. : ИИУ МГОУ, 2018. – 184 с.
68. *Фуко, М.* Искусство государственного управления (1978) // Фуко М. Интеллектуалы и власть: избранные политические статьи, выступления и интервью. – М. : Праксис, 2005. – Ч. 2. – С. 183–212.
69. *Черноголовкин, Н. В.* Теория функций социалистического государства / Н. В. Черноголовкин. – М. : Юрид. лит., 1970. – 215 с.
70. *Чичерин, Б.* История политических учений. – Ч. I: Древность и Средние века / Б. Чичерин. – М. : Грачев и компания, 1869. – 444 с.
71. *Шамхалов, Ф.* Собственность и власть / Ф. Шамхалов. – М. : Экономика, 2007. – 412 с.

72. *Шеллинг, Ф. В. Й.* Сочинения: в 2 т. / Ф. В. Й. Шеллинг. – М. : Мысль, 1989. – Т. 2. – 641 с.

73. *Шопенгауэр, А.* Мир как воля и представление. Афоризмы и максимы. Новые афоризмы / А. Шопенгауэр; пер. с нем. Ю. Айхенвальд, Ф. Чернигевец, Р. Красин. – Минск : Современный литератор, 1999. – 1408 с.

74. *Шершеневич, Г. Ф.* Избранное: В 6 т. Т. 4 включая Общую теорию права / Г. Ф. Шершеневич, Вступ. слово, сост.: П. В. Крашенинников. - М. : Статут, 2016. – 752 с.

75. *Экимов, А. И.* Справедливость и социалистическое право / А. И. Экимов. – Л. : ЛГУ, 1980. – 120 с.

**Публикации в периодических изданиях, материалах конференций,
сборниках научных трудов**

76. Академия. Материалы и исследования по истории платонизма : межвузовский сборник / отв. ред. А. В. Цыб. – СПб. : Санкт-Петербургский ун-т, 2003. – Вып. 5. – 560 с.

77. *Акбашев, Р. Р.* Ограниченная юридическая ответственность как мера государственного принуждения и её отображение в отдельных правовых учениях / Р. Р. Акбашев // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2013. – № 13. – С. 112-119.

78. *Анциферова, Л. И.* Связь морального сознания с нравственным поведением человека (по материалам исследований Лоуренса Колберга и его школы) / Л. И. Анциферова // Психологический журнал. – 1999. – Т. 20. – № 3. – С. 5–17.

79. *Ардашкин, В. Д.* О подчинении и принуждении в советском государственном управлении / В. Д. Ардашкин // Труды ТГУ. – 1966. – Т. 183. – С. 246–252.

80. *Базылев, Б. Т.* Сущность санкций в советском праве / Б. Т. Базылев // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1976. – № 5. – С. 32–38.
81. *Басовская, Е. Н.* Об агностицизме, стахановце и суягной овце (из истории создания «Словаря русского языка» С. И. Ожегова) / Е. Н. Басовская // Политическая лингвистика. – 2014. – № 4. – С. 27–30.
82. *Бегаль, В. Н.* Концептуальные основы харизматического политического лидерства / В. Н. Бегаль // Альманах современной науки и образования. – 2013. – № 6 (73). – С. 21–25.
83. *Бобкова, Л. Л.* Теоретические аспекты развития государственного принуждения в бюджетном праве / Л. Л. Бобкова // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Право. – 2012. – № 2 (13). – С. 372–376.
84. *Борисов, Г. А.* О развитии теории функций государства / Г. А. Борисов, Е. Е. Тонков // Право и образование. – 2005. – № 1. – С. 5–17.
85. *Борисова, С. А.* Моделирование структуры концепта «власть»/«power» / С. А. Борисова, А. А. Шабанова // Симбирский научный вестник. – 2011. – № 2 (4). – С. 176–180.
86. *Бялт, В. С.* Право и мораль в системе социального регулирования / В. С. Бялт // Ленинградский юридический журнал. – 2015. – № 3 (41). – С. 9–16.
87. *Василенко, А. В.* Справедливость как принцип правоприменительной деятельности / А. В. Василенко // Право. Ускорение. Справедливость : Сборник статей / [Редкол.: В. И. Новоселов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Сарат. ун-т, 1989. – С. 48–50.
88. *Вебер, М.* Типы господства (пер. А.Б. Рахманова) / М. Вебер // Личность. Культура. Общество. – 2008. – № 1 (10). – Т. 10. – С. 31–47.
89. *Вершинина, С. И.* Юридическая ответственность как вид государственного принуждения / С. И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2009. – № 5. – С. 23–30.
90. *Вершинина, С. И.* К вопросу о юридической классификации фактических оснований применения мер государственного принуждения / С. И. Вершинина //

Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 2 (12). – С. 57–59.

91. *Вершинина, С. И.* Правовые основания применения мер государственного принуждения / С. И. Вершинина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – Серия: Юридические науки. – 2010. – № 3 (3). – С. 38–41.

92. *Власова, Г. Б.* Власть государственная и власть судебная (диалектика соотношения понятий) / Г. Б. Власова, Е. И. Изотов // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. – 2018. – № 7 (98). – С. 63–67.

93. *Гень, Ю.* Как в Северной Осетии восприняли фильмы о судьбе Виталия Калоева / Гень Ю. // Российская газета. – 2019. – 10 января.

94. *Горбунов, А. Е.* О соотношении дефиниций «государственное принуждение» и «ретроспективная юридическая ответственность» / А. Е. Горбунов // Научный поиск. – 2017. – № 2.1. – С.10–12.

95. *Иванников, И. А.* Легитимность и эффективность государственной власти в России: теоретико-методологический анализ / И. А. Иванников // Экономический вестник Ростовского государственного университета. – 2009. – Т. 7. – № 4-3. – С. 30–34.

96. *Исаев, И. А.* Эволюция властных технологий: начало / И. А. Исаев, А. В. Корнев, С. В. Липень // Quaestio Rossica. – 2019. – Т. 7, № 2. – С. 589–598.

97. *Исмаилов, Н. О.* Взаимосвязь права и нравственности в контексте справедливости / Н. О. Исмаилов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. – 2014. – № 1 (135). – С. 28–34.

98. *Кальней, М. С.* Творчество или креативность? Проблема отчуждения в постиндустриальном обществе. / М. С. Кальней // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2017. – № 4 (16). – С.37–41.

99. *Каплунов, А. И.* Об основных чертах и понятии государственного принуждения / А. И. Каплунов // Государство и право. – 2004. – № 12. – С. 10–17.

100. *Карташов, В. Н.* Принцип справедливости в правоприменительной практике / В. Н. Карташов // *Право. Ускорение. Справедливость : Сборник статей* / [Редкол.: В. И. Новоселов (отв. ред.) и др.]. – Саратов : Саратов. ун-т, 1989. – С. 50–52.

101. *Князева, О. Н.* Основания налогового принуждения / О. Н. Князева // *Инновационное образование и экономика*. – 2012. – № 10. – С. 88–93.

102. *Кожевников, С. Н.* Государственное принуждение: особенности и содержание / С. Н. Кожевников // *Советское государство и право*. – 1978. – № 5. – С. 47–53.

103. *Кожевников, С. Н.* Государственное принуждение: регулятивно-охранительное назначение, формы / С. Н. Кожевников // *Юридический мир*. – 2010. – № 9. – С. 43–51.

104. *Козлова, Н.* «Скорую» отключили / Н. Козлова // *Российская газета*. – 2016. – 1 апреля.

105. *Козырева, А. Б.* Корпоративные нормы: правовой характер, признаки, санкции и соотношение с законодательными нормами / А. Б. Козырева // *Актуальные проблемы российского права*. – 2017. – № 3 (76). – С. 28–40.

106. *Кольсариева, Н. Ш.* Понятие политической власти и её сущность / Н. Ш. Кольсариева // *Восточно-европейский научный журнал*. – 2017. – № 1-2 (17). – С. 119–121.

107. *Коновалов, А. А.* Государственная власть как разновидность социальной власти / А. А. Коновалов, Я. С. Игнатенко // *Ростовский научный журнал*. – 2017. – № 4. – С. 53–61.

108. *Корж, П. А.* Постиндустриальное общество: общеправовой и технико-юридический вопросы / П. А. Корж // *Юридическая техника*. – 2015. – № 9. – С. 347–349.

109. *Коровко, Ю. А.* О возможности цифровизации государственного принуждения / Ю. А. Коровко // *Advances in Science and Technology : Сборник статей II международной научно-практической конференции* (г. Москва, 30 апреля 2023 года). – М. : Актуальность.РФ, 2023. – С. 391–393.

110. *Кузьминов, В.* Рецензия на книгу: *Ледяев В. Г. Социология власти. Теория и опыт эмпирических исследований власти в городских сообществах* / В. Кузьминов // *Социология власти*. – 2012. – № 4-5. – С. 271–273.

111. *Куксин, И. Н.* Государственное принуждение как способ разрешения межгосударственных противоречий / И. Н. Куксин, Р. М. Курмаев // *Теория государства и права*. – 2022. – № 3 (28). – С. 118–132.

112. *Кулинкович, Т. О.* Трактовка понятия «подчинение» в психологии / Т. О. Кулинкович // *Веснік БДУ. – Серыя 3: Гісторыя. Эканоміка. Права*. – 2010. – № 1. – С. 52–56.

113. *Лазарев, В. В.* Естественно-правовые основания ограничения прав человека и гражданина / В. В. Лазарев // *Юридическая техника*. – 2018. – № 12. – С. 22–30.

114. *Латушкин, М. А.* К вопросу о понятиях государственного, правового и государственно-правового принуждения / М. А. Латушкин // *Ленинградский юридический журнал*. – 2010. – № 2. – С. 186–196.

115. *Ледяев, В. Г.* Политическая власть: концептуальный анализ / В. Г. Ледяев // *Управленческое консультирование*. – 2009. – № 4. – С. 27–45.

116. *Липень, С. В.* Аксиологический подход в системе методов юридической науки / С. В. Липень // *Нравственное измерение и человеческий потенциал права (Москва, 21–26 апреля 2017 года)* / Отв. ред. В. М. Артемов. – М.: Проспект, 2017. – С. 111–118.

117. *Липень, С. В.* Аспекты виртуализации политической жизни и виртуальное государство в современных юридических исследованиях / С. В. Липень // *Актуальные проблемы российского права*. – 2022. – Т. 17, № 1 (134). – С. 31–40.

118. *Макарейко, Н. В.* Пределы государственного принуждения / Н. В. Макарейко // *Вестник Нижегородской академии МВД России*. – 2014. – № 1 (25). – С. 35–39.

119. *Малько, А. В.* Ограничения в праве: проблемы теории, практики, политики / А. В. Малько // Юридическая техника. – 2018. – №12. – С.238–249.

120. *Мамут, Л. С.* Государство как публичновластным образом организованный народ / Л. С. Мамут // Журнал российского права. – 2000. – № 3. – С. 88–100.

121. *Марков, Е. А.* Трансформация смысловых форм понятий «власть» и «властные отношения» / Е. А. Марков // Среднерусский вестник общественных наук : научно-образовательное издание. – 2010. – № 4. – С. 18–22.

122. *Маслов, И. А.* Государственное принуждение и государственное насилие в современной политико-правовой доктрине / И. А. Маслов // Юридическая мысль. – 2019. – № 4-5 (114-115). – С. 33–40.

123. *Мельников, С. А.* К вопросу о формах реализации права / С. А. Мельников // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6 (107). – С. 68–72.

124. *Мельникова, О. В.* К вопросу о сущности государственно-правового принуждения / О. В. Мельникова // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2022. – № 5 (148). – С. 75–81.

125. *Милушева, Т. В.* Сравнительно-правовой анализ механизмов ограничения государственной власти / Т. В. Милушева // Байкальские компаративистские чтения : Материалы международной научно-практической конференции (Иркутск, 22–23 апреля 2022 года) / Ред. кол. д-р юрид. наук И. А. Минникес (отв. ред.), д-р юрид. наук И. В. Минникес, канд. юрид. наук В. Е. Подшивалов, Г. Ю. Абдрашитова. – Иркутск: Байкальский государственный университет, 2022. – С. 72–78.

126. *Миняшева, Г. И.* Нравственная допустимость правового принуждения / Г. И. Миняшева // Вестник ВЭГУ. – 2005. – № 1 (23/24). – С. 53–62.

127. *Миронов, В. О.* Метод правового регулирования и структурирование системы права / В. О. Миронов, О. В. Кабанова // Аграрное и земельное право. – 2019. – №1 (169). – С. 44–46.

128. *Михель, Д.* Власть, управление, население: возможная археология социальной политики Мишеля Фуко / Д. Михель // Журнал исследований социальной политики. – 2003. – № 1. – С. 91–106.

129. *Нехода, Е. В.* Трансформация труда и социально-трудовых отношений в условиях перехода к постиндустриальному обществу / Е. В. Нехода // Вестник томского государственного университета. – 2007. – № 302. – С.160–166.

130. *Новгородцев, П.* Государство и право / П. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. – М. : Кушнерев и Ко, 1904. – Год XV, кн. 74 (IV). – С. 397–450.

131. *Новгородцев, П.* Государство и право / П. Новгородцев // Вопросы философии и психологии. - М. : Кушнерев и Ко, 1904. – Год XV, кн. 75 (V). – С. 507–538.

132. *Нураддинова, В. Н.* Девиантное поведение несовершеннолетних и иные обстоятельства как основание для применения мер административного принуждения / В. Н. Нураддинова // Педагогическое образование на Алтае. – 2014. – № 2. – С. 508.

133. *Овчинников, А. И.* Государство и его правопорядок с точки зрения христианского богословия / А. И. Овчинников, Т. А. Фетисов // Философия права. – 2021. – № 3 (98). – С. 20–26.

134. *Овчинников, А. И.* Природа государственной власти в фокусе теологического мышления / А. И. Овчинников, Т. А. Фетисов // Северо-Кавказский юридический вестник. – 2022. – № 1. – С. 27–34.

135. *Панченко, В. Ю.* О справедливости в праве / В.Ю. Панченко, А.С. Морозова, Е.В. Плахтий Е.В. // Евразийский юридический журнал. – 2020. – № 2 (141). – С. 94–96.

136. *Петренко, М. Н.* О «насилии» и «принуждении» во властной деятельности / М. Н. Петренко // Пробелы в Российском законодательстве. – 2011. – № 4. – С. 178–181.

137. *Петренко, М. Н.* О понимании в науке государственного принуждения как формы реализации государственной власти / М. Н. Петренко // Правовое государство: теория и практика. – 2016. – № 4 (46). – С. 77–82.

138. *Петренко, М. Н.* О понимании государственного принуждения в федеральном законе «О полиции» / М. Н. Петренко // Юридический факт. – 2021. – № 144. – С. 8–11.

139. *Петренко, М. Н.* О понимании принуждения в уголовном праве / М. Н. Петренко // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – Сер. : Юридические науки. – 2014. – № 4 (19). – С. 80–83.

140. *Петренко, М. Н.* О понимании принуждения в уголовно-процессуальном законодательстве / М. Н. Петренко // Приволжский научный вестник. – 2014. – № 12-1 (40). – С.106–109.

141. *Петренко, М. Н.* О понимании феномена власти в науке / М. Н. Петренко // Правовая политика и правовая жизнь. – 2013. – № 3 (52). – С. 20–25.

142. *Попов, Л. Л.* Роль убеждения и принуждения в обеспечении социалистического порядка // XXV съезд КПСС: проблемы социалистического образа жизни и укрепление правопорядка : материалы научной конференции, 23–25 ноября 1976 г. / Ред. коллегия: ген. армии Н. А. Щелоков (гл. ред.) и др. – М. : Акад. МВД СССР, 1977. – С. 363–372.

143. *Примак, А. В.* Принуждение как форма проявления власти / А. В. Примак, В. В. Примак // Теории и проблемы политических исследований. – 2021. – Т. 10. – № 5А. – С. 37–42.

144. *Пугацкий, М. В.* Юридическая ответственность как вид государственного принуждения / М. В. Пугацкий // Вопросы российского и международного права. – 2019. – Т. 9. – № 4-1. – С. 325–331.

145. *Романчук, И. С.* Элементный состав государственно-властных отношений / И. С. Романчук // Вестник Южно-уральского государственного университета. – Серия: Право. – 2010. – № 38 (214). – С. 12–14.

146. *Ромашов, Р. А.* Государство: понятие, общая характеристика и сущность / Р. А. Ромашов // Юридическая наука: история и современность. – 2019. – № 2. – С. 16–34.

147. *Сапун, В. А.* Механизм реализации советского права / В. А. Сапун // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1988. – № 1. – С.3–11.

148. *Сатина, Э. А.* Понятие и виды государственного принуждения / Э. А. Сатина // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2003. – № 2 (30). – С. 72–76.

149. *Соловьева, С. В.* Экзистенциальные стратегии власти над вещами: труд, стяжательство, авантюра / С. В. Соловьева // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2010. – № 6. – С. 73–82.

150. *Суменков, С. Ю.* Понятие и признаки пределов в праве / С. Ю. Суменков, А. Н. Ловцов // Алтайский юридический вестник. – 2019. – № 3 (27). – С. 30–34.

151. *Темрезов, Т. Б.* Пределы в праве и ограничения в праве: аспекты соотношения / Т. Б. Темрезов // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 5. – 276–279.

152. *Темрезов, Т. Б.* Цели наличия пределов в праве: теоретические и практические аспекты / Т. Б. Темрезов // Гуманитарные и юридические исследования. – 2020. – № 2. – С.168–173.

153. *Ткачева, Н. В.* Пределы применения принуждения в уголовном судопроизводстве / Н. В. Ткачева // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2005. – № 3-1 (41). – С. 121–123.

154. *Тутарашвилли, Л. Ю.* Манипуляции общественным сознанием в рамках политического дискурса: роль СМИ в манипулировании общественным сознанием, основные виды манипулятивных технологий / Л. Ю. Тутарашвилли, Л. В. Гущина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2015. – № 3-2 (34). – С. 85–87.

155. *Ушакин, С. А.* Образование как форма власти / С. А. Ушакин // Экономика образования. – 2012. – № 1. – С. 50–56.

156. *Федоровских, А. А.* Власть: аналитика понятия и феномена / А. А. Федоровских // Вопросы управления. – 2015. – № 3 (34). – С. 23–32.

157. *Федоровских, А. А.* Политическая власть в современной России: проблемы легитимации власти и проблема разделения властей / А. А. Федоровских // Вопросы политологии и социологии. – 2013. – № 1 (4). – С. 39–45.

158. *Фиалковская, И. Д.* Теоретические вопросы взаимодействия форм и методов государственного управления / И. Д. Фиалковская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2010. – № 6. – С. 261–267.

159. *Фиалковская, И. Д.* Сущность метода принуждения в теории административного права / И. Д. Фиалковская // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2014. – № 2 (1). – С. 290–294.

160. *Хромченко, А. Л.* К вопросу о разработке классификации потребностей в российской научной традиции / А. Л. Хромченко // Общественные науки и современность. – 2007. – № 4. – С. 143–150.

161. *Цыбулевская, О. И.* Нравственный аспект ограничения прав человека / О. И. Цыбулевская // Юридическая техника. – 2018. – № 12. – С. 351–355.

162. *Чебаков, А. И.* Основания применения мер государственного принуждения / А. И. Чебаков // Экономика. Право. Печать. Вестник КСЭИ. – 2015. – № 2-3 (66-67). – С. 127–132.

163. *Чепурнов, А. А.* Концессия как организационно-правовая форма и метод государственного управления экономикой / А. А. Чепурнов // Государство и право. – 2015. – № 3. – С. 29–36.

164. *Чернова, Л. С.* Современные концепции принуждения в теории права / Л. С. Чернова // Право и управление. XXI век. – 2023. – Т. 19, № 1 (66). – С. 23–30.

165. *Чиркин, В. Е.* Научные исследования Л. С. Мамута и некоторые новые проблемы государствоведения / В. Е. Чиркин // Труды института государства и права Российской академии наук. – 2016. – № 2 (54). – С. 18–30.

166. *Чиркин, В. Е.* Современная концепция публичной власти / В. Е. Чиркин // Российский журнал правовых исследований. – 2015. – Т. 2. – № 2 (3). – С. 73–81.

167. *Шундигов, К. В.* Цели, средства и результаты в правореализационном процессе / К. В. Шундигов // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2001. – № 4 (237). – С. 30–39.

168. *Юткина, С. М.* О сущности государственного принуждения / С. М. Юткина // Юрист – Правоведь (Ростовский юридический институт МВД РФ). – 2015. – № 1 (68). – С. 130–133.

Справочные и учебные издания

169. *Абдулаев, М. И.* Теория государства и права : учебник для высших учебных заведений / М. И. Абдулаев. – М. : Финансовый контроль, 2004. – 410 с.

170. *Алексеев, С. С.* Государство и право. Начальный курс / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрид. лит., 1994. – 192 с.

171. *Алексеев, С. С.* Общая теория права : в 2 т. / С. С. Алексеев. – М. : Юрид. лит., 1981. – Т. 1. – 360 с.

172. *Аникевич, А. Г.* Политология : учебное пособие / А. Г. Аникевич [и др.]; под ред. А. Г. Аникевича, С. П. Дуреева. – 3-е изд., испр. и доп. – Красноярск : ИПЦ КГТУ, 2006. – 196 с.

173. *Бахрах, Д. Н.* Советское законодательство об административной ответственности : учебное пособие / Д. Н. Бахрах. – Пермь : Пермский гос. ун-т им. А. М. Горького, 1969. – 344 с.

174. *Богомяков, В. Г.* Власть, политика, государство: Учебное пособие для студентов университетов / В. Г. Богомяков, Р. А. Бурханов. – 2-е изд., испр. и доп. – Нижневартовск : Нижневарт. гос. ун-т, 2014. – 188 с.

175. *Вопленко, Н. Н.* Реализация права : Учеб. пособие / Н. Н. Вопленко, М-во образования Рос. Федерации. Волгогр. гос. ун-т. - Волгоград : Волгогр. гос. ун-т, 2001. – 46 с.

176. *Гаджиев, К. С.* Политология. Основной курс : учебник для вузов / К. С. Гаджиев. – М. : Высшее образование, 2007. – 460 с.

177. *Гусейнов, А. А.* Этика: учебник / А. А. Гусейнов, Р. Г. Апресян – М. : Гардарики, 2000. – 472 с.

178. *Ефремова, Т. Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – Т. 2 : П–Я / Т. Ф. Ефремова. – М. : Рус. яз., 2000. – 1088 с.

179. Западно-европейская социология XIX – начала XX веков : учебное пособие для вузов по направлению и специальности «Социология» / под общ. ред. В. И. Добренькова. – М. : Международный университет бизнеса и управления, 1996. – 520 с.

180. *Иконникова, Г. И.* Философия права : учебник для магистров / Г. И. Иконникова, В. П. Ляшенко. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2012. – 364 с.

181. *Кравченко, А. И.* Политология : учебник / А. И. Кравченко. – М. : ТК Велби; Проспект, 2008. – 448 с.

182. Краткий психологический словарь / ред.-сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., расш., испр. и доп. – Ростов н/Д : Феникс, 1999. – 512 с.

183. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А. Д. Бойкова, И. И. Карпеца. – М. : Юрид. лит., 1989. – 640 с.

184. *Лазарев, В. В.* Теория государства и права : учебник для вузов / В. В. Лазарев, С. В. Липень. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Спарк, 2004. – 528 с.

185. *Липинский, Д. А.* Теория государства и права: курс лекций / Д. А. Липинский, Р. Л. Хачатуров. – Тольятти : ТГУ, 2008. – 290 с.

186. Новая философская энциклопедия : в 4 т. – Т. 3: Н–С / Институт философии Российской Академии наук; Национальный общественно-научный фонд; науч.-ред. совет.: В. С. Степин (пред. совета) и др. – М. : Мысль, 2010. – 692 с.

187. Новейший философский словарь / под ред. А. А. Грицанова. – 3-е изд., испр. – Минск : Книжный Дом, 2003. – 1280 с.

188. Общая теория государства и права. Академический курс в трех томах. Том 2: Право / отв. ред. М.Н. Марченко. 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – 816 с.
189. Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2001. – 520 с.
190. *Ожегов, С. И.* Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова; Российская академия наук; Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – 4-е изд., доп. – М. : Азбуковник, 1997. – 939 с.
191. Основы менеджмента: Учебное пособие / Под ред. проф. И. Ю. Солдатовой, проф. М. А. Чернышева. – М.: Дашков и Ко; Ростов н/Д : Наука-Пресс, 2006. – 256 с.
192. Политология : учебник / под ред. В. А. Ачкасова, В. А. Гуторова. – М. : Высшее образование, 2007. – 692 с.
193. Советский энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Сов. энцикл., 1990. – 1630 с.
194. Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузов, А. В. Малько. – М. : Юрист, 2004. – 512 с.
195. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юрист, 1999. – 592 с.
196. Теория государства и права : учебник для вузов / отв. ред. В. Д. Первалов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма, 2007. – 496 с.
197. Толковый словарь живого Великорусского языка Владимира Даля / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Товарищество М. О. Вольф, 1903. – Т. 1. – 892 с.
198. Толковый словарь живого Великорусского языка Владимира Даля / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. – 3-е изд., испр. и доп. – СПб. : Товарищество М. О. Вольф, 1907. – Т. 3. – 893 с.

199. Толковый словарь русского языка: около 7000 словар. ст.: свыше 35 000 знач.: более 70 000 иллюстрат. примеров / под ред. Д. В. Дмитриева. – М. : Астрель; АСТ, 2003. – 1578 с.

200. Философия : учеб. / П. В. Алексеев, А. В. Панин. – 3-е изд., перераб и доп. – М. : ТК Велби, Проспект, 2005. – (Классический университетский учебник). – 608 с.

201. Философия : энциклопедический словарь / под ред. А. А. Ивина. – М. : Гардарики, 2006. – 1072 с.

202. Философская энциклопедия : в 5 т. – Т. 1: А.-Дидро / АН СССР; Ин-т философии; гл. ред. Ф. В. Константинов. – М. : Сов. энцикл., 1960. – 504 с.

203. Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. – 7-е изд., перераб. и доп. – М. : Республика, 2001. – 719 с.

204. Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева, С. М. Ковалева, В. Г. Панова. – М. : Сов. энцикл., 1983. – 840 с.

205. Философский энциклопедический словарь / редкол.: С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М. : Советская энциклопедия, 1989. – 815 с.

206. Философский энциклопедический словарь / ред-сост. Е. Ф. Губский, Г. В. Кораблева, В. А. Лутченко. – М. : Инфра-М, 1997. – 546 с.

207. *Хропанюк, В. Н.* Теория государства и права : учебник для высших учебных заведений / В. Н. Хропанюк; под ред. В. Г. Стрекозова. – М. : Омега-Л, 2006. – 372 с.

208. *Черданцев, А. Ф.* Теория государства и права: учебник / А. Ф. Черданцев. – М. : Юристъ, 2003. – 395 с.

209. *Честнов, И. Л.* Теория государства и права. – Ч. 1: Теория государства / И. Л. Честнов. – СПб. : Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 92 с.

210. Энциклопедический словарь / под ред. К. К. Арсеньева, Ф. Ф. Петрушевского. – СПб. : Типо-Литография И. А. Ефрона, 1892. – Т. VI (А). – 952 с.

211. Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М. : Канон+; РООИ Реабилитация, 2009. – 1248 с.

Диссертации и авторефераты диссертаций

212. *Александров, Ю. В.* Справедливость в системе ценностей российской правовой культуры : дис. ... канд. филос. наук : 24.00.01 / Александров Юрий Васильевич. – Великий Новгород, 2003. – 131 с.

213. *Алиева, М. Н.* Нравственность как объект конституционно-правовой защиты: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.02 / Алиева Медина Низамовна. – Махачкала, 2006. – 148 с.

214. *Аникевич, А. Г.* Феномен власти: социально-философский анализ : дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Аникевич Анатолий Георгиевич. – Красноярск, 1999. – 293 с.

215. *Байтин, М. И.* Государство и политическая власть : Теоретическое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Байтин Михаил Иосифович. – Москва, 1973. – 52 с.

216. *Баматгиреева, М. В.* Концептуализация понятия «общность людей» в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Баматгиреева Медина Вахаевна. – Краснодар, 2009. – 27 с.

217. *Белоусов, С. А.* Законодательный дисбаланс (доктрина, теория, практика) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Белоусов Сергей Александрович. – Саратов, 2015. – 505 с.

218. *Березин, А. А.* Пределы правоприменительного усмотрения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Березин Алексей Александрович, – Нижний Новгород, 2007. – 26 с.

219. *Булгаков, В. В.* Концепция справедливости в праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Булгаков Владимир Викторович, – Тамбов, 2001. – 170 с.

220. *Вайпан, В. А.* Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Вайпан Виктор Алексеевич. – Москва, 2019. – 57 с.

221. *Васильев, О. Л.* Теоретические аспекты действия принципа справедливости на досудебных стадиях Российского уголовного процесса : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.09 / Васильев Олег Леонидович. – Москва, 2018. – 45 с.

222. *Везломцев, В. Е.* Социально-философский анализ наказания: ретрибутивизм и консеквенциализм : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.11 / Везломцев Виктор Евгеньевич. – СПб., 2010. – 22 с.

223. *Векленко, П. В.* Опасность: сущность, структура, онтологические смыслы : автореф. дис. ... канд. философ. наук : 09.00.01 / Векленко Павел Васильевич. – Омск, 2006. – 18 с.

224. *Винницкий, И. Е.* Функции справедливости и законности как принципов права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Винницкий Иван Евгеньевич. – Москва, 2011. – 188 с.

225. *Грешнова, Г. В.* Функции государственного принуждения и формы их реализации по российскому законодательству : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.1 / Грешнова Галина Владимировна. – Нижний Новгород, 2022. – 235 с.

226. *Денисенко, В. В.* Легитимность права (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Денисенко Владислав Валерьевич. – Санкт-Петербург, 2020. – 282.

227. *Жаренов, И. П.* Государственное принуждение в условиях демократизации общества : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Жаренов Иван Павлович. – М., 2006. – 145 с.

228. *Жаренов, И. П.* Государственное принуждение в условиях демократизации общества : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Жаренов Иван Павлович. – М., 2006. – 23 с.

229. *Ильянова, О.И.* Угрозы убийством или причинением тяжкого вреда здоровью и их предупреждение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Ильянова Оксана Ильинична. – Саратов, 2015. – 185 с.

230. *Каплунов, А.И.* Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Каплунов Андрей Иванович. – М., 2005. – 58 с.

231. *Коваленко, К. Е.* Разумность в праве: основные формы проявления : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Коваленко Ксения Евгеньевна. – Екатеринбург, 2015. – 29 с.

232. *Ковлакас, Н. В.* Нравственные критерии правоприменительной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Ковлакас Николай Викторович. – Ростов-на-Дону, 2009. – 28 с.

233. *Кожокарь, И. П.* Техничко-юридические дефекты в Российском праве : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Кожокарь Игорь Петрович. – М., 2020. – 46 с.

234. *Козулин, А.И.* Правовое принуждение (правовые начала государственного принуждения в советском обществе) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Козулин Александр Иванович. – Свердловск, 1986. – 16 с.

235. *Кораблина, О.В.* Усмотрение в правоприменительной деятельности (общетеоретический и нравственно-правовой аспекты) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кораблина Ольга Викторовна. – Саратов, 2009. – 23 с.

236. *Кудря, В. С.* Функции правового государства, находящегося в становлении: на примере Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кудря Вячеслав Сергеевич. – М., 2005. – 190 с.

237. *Кузьмин, И. А.* Теоретические проблемы понимания и реализации юридической ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кузьмин Игорь Александрович. – СПб., 2012. – 17 с.

238. *Кушнир, И. В.* Дисбаланс юридической ответственности в законодательстве Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Кушнир Ирина Владимировна. – Саратов, 2021. – 187 с.

239. *Лановая, Г. М.* Принуждение в системе форм правоприменения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Лановая Галина Михайловна. – Москва, 2006. – 24 с.

240. *Латушкин, М. А.* Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения (теоретико-правовой аспект) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Латушкин Михаил Аркадьевич. – Саратов, 2011. – 29 с.

241. *Латушкин, М. А.* Обеспечение законности применения мер государственно-правового принуждения (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Латушкин Михаил Аркадьевич. – Волгоград, 2010. – 237 с.

242. *Леявин, С. В.* Поведение, не противоречащее правовым предписаниям, как основание государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Леявин Сергей Владимирович. – Владимир, 2010. – 21 с.

243. *Магомедрасулов, М. М.* Особенности принуждения в правовом государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Магомедрасулов Магомедрасул Мусаевич. – М., 2010. – 24 с.

244. *Макарейко, Н. В.* Государственное принуждение как средство обеспечения общественного порядка : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Макарейко Николай Владимирович. – Н. Новгород, 1996. – 19 с.

245. *Максимов, И. В.* Административное наказание в системе мер административного принуждения (концептуальные проблемы) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.14 / Максимов Иван Владимирович. – Саратов, 2004. – 482 с.

246. *Мельников, С. А.* Индивидуальная и коллективная формы реализации права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Мельников Сергей Александрович. – Саратов, 2022. – 193 с.

247. *Милушева, Т. В.* Пределы и ограничения государственной власти (теоретико-правовое исследование) : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Милушева Татьяна Владимировна. – Саратов, 2011. – 433 с.

248. *Минникес, И. А.* Индивидуальное правовое регулирование (теоретико-правовой анализ) : автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук : 12.00.01 / Минникес Илья Анисимович. – Екатеринбург, 2009. – 55 с.

249. *Мишина, И. Д.* Нравственные ценности в праве : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Мишина Ирина Дмитриевна. – Екатеринбург, 1999. – 200 с.

250. *Мясников, А. Г.* Долг правдивости и право на ложь как проблема практической философии И. Канта (история и современность) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.03 / Мясников Андрей Геннадьевич. – М., 2007. – 54 с.

251. *Нестерук, Е. С.* Справедливость в современном российском правосознании : дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Нестерук Евгений Сергеевич. – Нижний Новгород, 2008. – 143 с.

252. *Никитин, А. А.* Правовое усмотрение : теория, практика, техника : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Никитин Александр Александрович. – Саратов, 2021. – 514 с.

253. *Панченко, К. С.* Пределы правовой толерантности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Панченко Кирилл Сергеевич. – Нижний Новгород, 2021. – 30 с.

254. *Петренко, В. В.* Нравственные и правовые начала деятельности властных субъектов (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Петренко Владимир Владимирович. – Саратов, 2009. – 27 с.

255. *Пучнин, А. С.* Принуждение и право : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Пучнин Алексей Сергеевич. – Тамбов, 1999. – 234 с.

256. *Рачинский, В. В.* Публичная власть как общеправовая категория: теоретико-прикладной аспект : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рачинский Вячеслав Владимирович. – Уфа, 2003. – 195 с.

257. *Рачинский, В. В.* Публичная власть: вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рачинский Вячеслав Владимирович. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.

258. *Рогачев, Д. Н.* Разумность как общеправовая категория : проблемы теории, техники, практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рогачев Дмитрий Николаевич. – Нижний Новгород, 2010. – 35 с.

259. *Рогов, А. П.* Особенности государственного принуждения в правовом государстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рогов Александр Павлович. – Саратов, 2013. – 26 с.

260. *Рогов, А. П.* Особенности государственного принуждения в правовом государстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Рогов Александр Павлович. – Саратов, 2013. – 225 с.

261. *Рюмин, С. Г.* Проблема соотношения морали и права в философии И. А. Ильина : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.05 / Рюмин Сергей Геннадьевич. – М., 2009. – 20 с.

262. *Сапун, В. А.* Теория правовых средств и механизм реализации права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Сапун Валентин Андреевич. – Н. Новгород, 2002. – 321 с.

263. *Соловьева, С. В.* Феномены власти в бытии человека : автореф. дис. ... д-ра филос. наук : 09.00.11 / Соловьева Светлана Владимировна. – Самара, 2010. – 39 с.

264. *Суменков, С. Ю.* Исключения в праве: общетеоретический анализ : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Суменков Сергей Юрьевич. – Саратов, 2016. – 59 с.

265. *Торосян, О. А.* Идеал справедливости в социально-гуманистическом измерении : дис. ... канд. философ. наук: 09.00.11 / Торосян Ольга Азатовна. – Иваново, 2014. – 147 с.

266. *Турагин, В. Ю.* Юридическая терминология в современном российском законодательстве : теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Турагин Владислав Юрьевич. – Белгород, 2017. – 45 с.

267. *Хорошильцев, А. И.* Государственная власть и принципы ее организации в демократическом обществе (теоретико-правовое исследование) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Хорошильцев Александр Иванович. – М., 2002. – 23 с.

268. *Хохлова, И. С.* Способ правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Хохлова Ирина Семеновна. – Саратов, 2009. – 30 с.

269. *Цыбулевская, О. И.* Нравственные основания современного российского права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.01 / Цыбулевская Ольга Ивановна. – Саратов, 2004. – 430 с.

270. *Цыганкова, Е. А.* Принуждение как метод осуществления государственной власти : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Цыганкова Евгения Алексеевна. – М., 2010. – 23 с.

271. *Чернышов, А. В.* Правоприменительный приказ (общетеоретический аспект) : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Чернышов Андрей Викторович. – Саратов, 2022. – 189 с.

272. *Чечельницкий, И. В.* Справедливость в правотворчестве : теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Чечельницкий Илья Валентинович. – Москва, 2015. – 28 с.

273. *Штода, И. С.* Государственное принуждение в современной России: теоретико-правовое исследование : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Штода Иван Сергеевич. – М., 2015. – 154 с.

274. *Якадин, Д. Д.* Юридическое делегирование : теория, практика, техника : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Якадин Дмитрий Дмитриевич. – Нижний Новгород, 2020. – 34 с.

Издания на иностранном языке

275. *Beetham, D.* The Legitimation of Power / D. Beetham. – L. : Macmillan, 1991. – 267 p.

276. *Berman, M. N.* Coercion, Compulsion, and the Medicaid Expansion: A Study in the Doctrine of Unconstitutional Conditions / M. N. Berman // Texas Law Review. – 2013. – Vol. 91. – P. 1283–1346.

277. *Blake, M.* Distributive Justice, State Coercion, and Autonomy / M. Blake // Philosophy and Public Affairs. – 2001. – Vol. 30. – No. 3 (Summer, 2001). – P. 257–296.

278. *Cornuot, F. - X.* L'encadrement juridique de l'emploi de la contrainte exercée par la force publique en France et dans le monde. Droit. / F. - X. Cornuot. – Strasbourg : Université de Strasbourg, 2015. – 813 p.

279. *D'Amato, A.* On the Connection between Law and Justice / A. D'Amato // Northwestern Public Law Research Paper. – 2011. – № 10-92. – URL: <https://papers.ssrn.com> (дата обращения: 30.11.2021).

280. *Hayek, F. A.* The Constitution of Liberty / F. A. Hayek. – Chicago : University of Chicago Press, 1960. – 688 p.

281. *Weber, M.* The Theory of Social and Economic Organization. Edited with an introduction T. Parsons / M. Weber, A. M. Henderson. – Reprint of Original 1947 Edition. – N. Y. : The Free Press, 2012. – 436 p.

Интернет-ресурсы

282. *Кожевников, С. Н.* Государственное принуждение: регулятивно-охранительное назначение, формы / С. Н. Кожевников // Российский юридический журнал : электронное приложение. – 2011. – № 2. – С. 26. – URL: <http://electronic.ruzh.org> (дата обращения: 12.01.2021).

283. *Махмудов, Т. З.* Понятие этноса и других категорий этнических групп / Т. З. Махмудов // Аналитика культурологии : электронное научное издание. – Тамбов : Тамбовский государственный университет им. Г. Р. Державина, 2013. – № 26. – URL: <http://www.analiculturolog.ru> (дата обращения: 10.01.2022).

284. *Петренко, М. Н.* О понимании принуждения в Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации / М. Н. Петренко // Современные научные исследования и инновации. – 2016. – № 4 (60). – URL: <http://web.snauka.ru> (дата обращения: 20.11.2022).

285. Портал правовой статистики / Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения 03.02.2023).

286. *Ротбард, М.* Этика свободы / М. Ротбард; под ред. А. В. Куряева; предисл. Г. - Г. Хоппе. – М. : Либер. Миссия, 2009. – URL: <http://www.e-reading.link> (дата обращения: 09.01.2022).